

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ
СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ
К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
Ю. С. МАСЛОВА

Под редакцией Е. И. Греховой

ББК 81-3
ИЗ8

Рецензенты: академик *Н. Н. Казанский* (ИЛИ РАН);
канд. филол. наук *А. Х. Гирфанова* (СПбГУ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

ИЗ8 Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова / под ред. Е. И. Греховой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. — 244 с.
ISBN 978-5-288-05439-6

В сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного языковеда Ю. С. Маслова, публикуются работы его коллег и учеников, принадлежащих к разным поколениям, продолжающих и развивающих его идеи в области аспектологии, теории языка, истории развития лингвистической мысли.

В очерках и воспоминаниях филологов, знавших Юрия Сергеевича по совместной работе, отмечается его огромный вклад в филологическую науку и образование, а также человеческие качества ученого и педагога.

Для лингвистов широкого профиля и всех интересующихся историей филологического факультета.

ББК 81-3

ISBN 978-5-288-05439-6

© Авторы, 2013
© С.-Петербургский
государственный
университет, 2013

НАШ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

5 мая 1989 г. мы поздравляли Юрия Сергеевича с его 75-летием. Малый актовый зал был заполнен до предела, студенты и аспиранты кафедры сидели на подоконниках.

Настроение было у всех радостно-приподнятое. Ведь именно в этот день можно было сказать Юрию Сергеевичу все, что накопилось в душе, выразить ему глубокую благодарность за все, что он делал и делает для всех нас и для каждого из нас.

А юбиляр, застенчиво улыбаясь, был счастлив (он сам потом это сказал), счастлив видеть всех в этот день, счастлив еще и потому, что слева от него за столом президиума сидел его учитель — Лев Рафаилович Зиндер, а справа — любимый ученик — Александр Владимирович Бондарко.

Юрий Сергеевич Маслов! Истинный интеллигент, настоящий ученый, удивительной души человек, гордость и слава нашей науки.

Практически вся жизнь Юрия Сергеевича была связана с Петербургским университетом, только детство и ранняя юность прошли в Киеве.

Юрий Сергеевич был потомственным филологом. Отец его, Сергей Иванович Маслов, был профессором Киевского университета, занимался историей древнерусской и украинской литературы, а мать, Елена Митрофановна, посвятившая свою жизнь воспитанию детей, опубликовала несколько литературоведческих работ.

Общим языкознанием Юрий Сергеевич интересовался еще в Киеве, в институте лингвистического образования, где учился на немецко-английском отделении.

С 1934 г. Юрий Сергеевич в Ленинграде, в Ленинградском университете. Учителями его здесь были такие всемирно известные ученые, как В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, И. И. Мещанинов. Сам он

говорил о том огромном влиянии, которое оказал на его развитие С. Д. Кацнельсон.

Кандидатская диссертация Юрия Сергеевича, защищенная в 1940 г. под руководством В. М. Жирмунского, была посвящена проблемам германского перфекта, докторская — в 1957 г. — связана с вопросами вида в болгарском языке.

Интересно, что историей и культурой Болгарии Юрий Сергеевич увлекся в годы войны, попав в сентябре 1944 г. в Софию, Варну, Добриче в качестве майора Советской Армии (в 1941 г. он был мобилизован, с 1942 по 1944 г. воевал на Северо-Западном фронте). Юрий Сергеевич рассказывал много лет спустя о всенародном подъеме, свидетелем которого он был в Болгарии. Именно после этого он начал заниматься болгарским языком и болгаристикой.

Свою педагогическую деятельность Юрий Сергеевич начал еще будучи студентом, в 1934 г., а последнюю лекцию прочитал в конце мая 1990 г., уже ощущая признаки тяжелой болезни. Я помню этот день. После лекции профессор Маслов пришел на кафедру с огромным букетом сирени, полученным от благодарных студентов, и тихо сказал мне: «Я рад, что выдержал, закончил лекции». А какие это были лекции! Лекции по введению в языкознание, по общему языкознанию, по истории и теоретической грамматике болгарского языка и других славянских языков, германских языков.

Общение со студентами много значило для Юрия Сергеевича. Он заставлял студентов думать, находить правильные ответы на сложные вопросы, которые возникали при анализе языковой материи, постоянно искал новые формы занятий.

Сфера его научных интересов была необыкновенно широка: вопросы славянского, общего и германского языкознания, проблемы грамматики и в первую очередь — аспектологии русского и других славянских и некоторых неславянских языков.

Юрий Сергеевич разрабатывал многие проблемы общего языкознания, опираясь на лучшие традиции филологической науки Петербургского университета: теорию языковых уровней и знаковую теорию языка, проблему морфемы, морфологической структуры слова и морфологической типологии языков, вопросы омонимии и синонимии, типы звуковых чередований и теоретические проблемы письма.

В научном наследии Ю. С. Маслова можно выделить три основных и взаимосвязанных направления, реализующих единую обще-

языковедческую концепцию ученого: во-первых, развитие теории изучения глагольного вида в самостоятельную область лингвистики — аспектологию; во-вторых — болгаристика; в-третьих, проблемы общего языкознания. За фундаментальные труды по болгарской грамматике («Очерк болгарской грамматики» (1956) и «Грамматика болгарского языка» (1981)) Юрий Сергеевич был удостоен ордена Кирилла и Мефодия и звания Почетного доктора Софийского университета.

Юрий Сергеевич был необыкновенным, удивительным человеком во всем: огромный талант, эрудиция, высокая филологическая культура, острый ум, блестящая лекторская одаренность, и при всем этом — необыкновенная скромность, деликатность, простота, даже некоторая застенчивость. Интеллигентная мягкость с одной стороны и негибкая воля, какой-то внутренний стержень — с другой.

Юрий Сергеевич возглавлял кафедру общего языкознания около тридцати лет. Он сумел создать удивительную атмосферу — теплую и дружескую, привить всем членам кафедры дух творческого роста, интереса к науке и внимания друг к другу.

Когда пришло время оставить пост заведующего кафедрой (в те годы существовало ограничение по возрасту), Юрий Сергеевич пришел ко мне с просьбой сменить его на этом посту. Для меня это было совершенно неожиданно. Я выросла на кафедре фонетики, была там профессором, вела там же научные исследования.

Сразу же позвонила своему учителю Льву Рафаиловичу Зиндеру (он был учителем и другом Юрия Сергеевича) и сообщила о предложении Юрия Сергеевича. Оказалось, они вместе уже обсудили будущее кафедры общего языкознания и выбрали меня.

И вот уже почти четверть века я руковожу этой кафедрой, но до сих пор мне очень не хватает Юрия Сергеевича, с которым я советовалась, делилась своими сомнениями, планами, пока он был рядом.

А речь Юрия Сергеевича! Приехав в Ленинград из Киева, он в совершенстве овладел петербургским произношением и особенностями этого варианта нормы сохранил на всю жизнь. Многие, наверное, помнят, как произносил он слова **интеллигенция**, **революция**, с некоторым смягчением /с`/, а /č`/ было недостаточно мягкое. В слове **конечно** он произносил чн, именно так когда-то говорили в Петербурге.

И еще — огромная любовь к жене и другу, видному ученому-скандинависту Сарре Семеновне Масловой-Лаианской, трогательная забота о ней в течение всей жизни.

Мне кажется очень важным, что студенты-филологи начинают проникать в сложный мир языка с помощью учебника Юрия Сергеевича «Введение в языкознание». Учебник этот — результат чтения лекций по этому курсу в течение многих лет, результат раздумий автора о различных разделах науки о языке. И о чем бы ни писал Ю. С. Маслов — о морфологии, морфонологии, лексикологии, типологии, фонетике, теории письма, — во всем виден ученый-исследователь, умеющий просто и доступно рассказывать о сложных языковых явлениях.

Удивительно то, что книга эта нужна всем: студентам, аспирантам, молодым преподавателям, профессорам — каждый находит в ней свое и постоянно что-то новое и интересное.

Всех, кто знал Юрия Сергеевича и работал с ним, не оставляет чувство вины: он был достоин самых высоких научных наград и почетных званий и не получил их. Но он всегда ощущал любовь и благодарность студентов, учеников, коллег, друзей, и, наверное, это помогало ему жить.

Ученики Юрия Сергеевича продолжают развивать его идеи, коллеги и друзья помнят его всегда, и поэтому он с нами — с нами, пока мы живы.

Л. А. Вербицкая

А. В. Бондарко

АСПЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ю. С. МАСЛОВА¹

В трудах Юрия Сергеевича Маслова по проблемам аспектологии представлена концепция, получившая признание широкого круга ученых разных стран и играющая важную роль в развитии системно-функционального направления лингвистических исследований.

Теоретические проблемы, рассматриваемые в работах Ю. С. Маслова, охватывают основные понятия аспектологии. Можно выделить следующие вопросы: 1) глагольный вид и лексика; категория вида в ее отношении к способам действия и разрядам предельных/непредельных глаголов; 2) семантика и структура категории вида в русском, болгарском и других славянских языках; 3) закономерности функционирования видов; 4) вопросы аспектологии текста; 5) категории вида, времени и таксиса в их взаимосвязях; 6) проблемы сопоставительной аспектологии; 7) происхождение и развитие глагольного вида. Детальный анализ аспектуальных категорий славянских языков (прежде всего русского и болгарского), а также германских, романских и ряда других языков, тесно связан с глубоким осмыслением проблем общего языкознания.

Далее мы остановимся на вопросах, играющих важную роль в концепции Ю. С. Маслова.

¹ Благодарю моих коллег М. Д. Воейкову и Я. Э. Ахапкину, прочитавших эту статью и высказавших интересные замечания.

1. Глагольный вид и лексика; способы действия и разряды предельных/непредельных глаголов

В книгах и статьях Ю.С.Маслова отношения между видом и аспектуальными разрядами глаголов рассматриваются в связи с широкой проблематикой «глагольный вид и лексика». Эта проблематика освещается уже в статье 1948 г. «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке»². В начале статьи определяется теоретическая значимость изучения семантики вида в ее связях с лексическим значением глагола: «Среди многочисленных вопросов, связанных с выяснением семантики совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) в современном русском литературном языке, одним из важнейших является вопрос отражения лексического, “вещественного”, “реального”, “материального” значения глаголов в их видовой, грамматической семантике. Этому вопросу — вопросу обусловленности оттенков грамматического значения вида особенностями значений лексических, “вещественных” — и посвящена настоящая статья» [Маслов 2004: 71]. Анализ основных типов «противоположений соотносительных глаголов» приводит автора к выводу: «...Мы получили картину значительной семантической неоднородности каждого из видов, картину значительных колебаний конкретного мыслительного (понятийного) содержания грамматической категории вида в различных соотносительных видовых парах» [Маслов 2004: 74]. При анализе видовой несоотносительности подчеркивается: «...В подавляющем большинстве случаев причины непарности — именно в семантике самих непарных глаголов, в том, что лексическое значение данного глагола, отражая определенные объективные свойства данного действия, оказывается несовместимым с грамматическим значением того или иного вида» [Маслов 2004: 77–78]. Обращается внимание на то, что семантическая неоднородность не всегда и не во всем параллельна морфологической неоднородности: «...Морфология не может служить достаточной опорой для семантического исследования, и должен быть найден другой, синтаксический критерий. По-видимому, таким кри-

² Работа переиздана в составе монографии «Очерки по аспектологии»: 1984 г. (с. 48–65), а также в «Избранных трудах» 2004 г. (с. 71–90). Далее ссылки на работы Ю.С.Маслова, переизданные в составе сборника «Избранные труды», включают указание на этот сборник.

терием должно явиться именно различие между глаголами по их способности вступать в определенные словосочетания, т.е. различие “валентности” изучаемых глаголов...” [Маслов 2004: 74–75].

Один из основных вопросов, рассматриваемых в трудах Ю.С.Маслова, — отграничение вида от аспектуальных классов (предельных/непредельных глаголов) и подклассов — способов действия. Этот вопрос обсуждается в работе «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)» (1959; работа отражает содержание докторской диссертации, защищенной в 1957 г.). Данная тема рассматривается также в статье «К основаниям сопоставительной аспектологии» (1978), в книге «Очерки по аспектологии» (1984) и в ряде других публикаций. В них проводится различие между видом как грамматической категорией и аспектуальными элементами, имеющими не чисто грамматический или не вполне грамматический характер, разграничиваются собственно грамматические явления и явления «смешанные», лексико-грамматические. Анализируемое различие связывается с соотношением «открытой» и «скрытой» грамматики. Ю.С.Маслов подчеркивал, что о виде уместно говорить лишь применительно к тем языкам, в которых значения, относящиеся к протеканию и распределению глагольного действия во времени, получают «открыто (или чисто) грамматическое выражение». Что же касается аспектуальных значений, которые относятся к сфере скрытой грамматики, то они составляют систему аспектуальных классов и подклассов глагольной лексики [Маслов 1984: 8–10; 2004: 27–28].

Существенно суждение о том, что вычленение способов действия «происходит на основании не какого-то единого принципа деления, а ряда довольно разнообразных черт сходства и различия между глаголами в лексических значениях, в известных особенностях их употребления, их словообразовательной активности, взаимодействия с видом и т.д. В результате получаемые рубрики и группировки частично перекрывают друг друга...» [Маслов 1984: 12; 2004: 31]. Этот принцип последовательно реализуется в конкретном описании способов действия. В проводимом анализе проявляется стремление раскрыть существующие членения, далекие от логической правильности, выявить реальную системность, структуру и вариативность изучаемых единиц, классов и ка-

тегорий. Четко выражена связь анализа данного типа с подходом к классификации выделяемых категорий, представленном в статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» (впервые опубликованной в 1928 г.): «...В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, — ибо дело вовсе не в “классификации”, под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» [Щерба 1974: 78–79]. Характеристика способов действия в работах Ю. С. Маслова вносит существенный вклад в развитие теории языковых структур, основанной на принципе естественной классификации (см. литературу вопроса и предлагаемое истолкование данного принципа в сфере грамматики: Бондарко 1996: 32–43; 2002: 222–238).

Анализ способов действия и их влияния на категорию вида (см.: Маслов 1959: 184–202) включает характеристику связей семантики вида и средств ее выражения со значениями глагольных лексем, с аспектуально значимыми классами глагольной лексики, с префиксальным и суффиксальным словообразованием, а также с лексическими элементами контекста. Учитываются особенности функционирования рассматриваемых глаголов: «В настоящее время способы действия могут быть определены как некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [Маслов 1959: 190–191; 1984: 12; 2004: 31].

Анализ соотношения глагольного вида и аспектуальных классов и подклассов, содержащийся в статье 1948 г., а также в более поздних работах, представляет значительный интерес и на современном этапе развития аспектологических исследований (см.: Апресян 1995: 102–113; 219–241; 2006: 23–35; Падучева 1996: 7–191; 2004: 30–41; 179–538; Comrie 2001: 43–50; Breu 2000; Петрухина 2000; Шелякин 2001: 74–92; 2008: 123–167; Гловинская 2001; Глагольный вид

и лексикография 2006; Смирнов 2008). Проблеме взаимозависимости между лексическим значением глагола и видом была посвящена международная конференция по славянской аспектологии, состоявшаяся в Кракове в 1996 г. (см. сборник «Семантика и структура славянского вида» (1997)). Вопрос о взаимодействии категории вида и лексики рассматривается в сборнике «Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt» (2000), а также в ряде статей сборника «Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen» (2008). На протяжении многих лет проблема «грамматика и лексика» доминирует на заседаниях комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Международном комитете славистов.

2. Семантика и структура категории вида

Рассматривая вопрос о категориальном значении СВ в болгарском и других славянских языках, Ю. С. Маслов исходит из того типа сочетаний, который он вслед за А. М. Пешковским считает «наиболее важным и симптоматичным для выявления грамматической сущности вида, а именно — сочетаний типа “глагол + показатель начала, продолжения (также нарастания и т. д.) или окончания действия”» [Маслов 1959: 218]. На основе того факта, что глаголы фазовости могут сочетаться только с формами НСВ другого глагола, тогда как сочетание с формами СВ невозможно, делается вывод, что «само грамматическое значение совершенного вида несовместимо с идеей разделения процесса на отдельные фазы, отрезки, этапы, с идеей развертывания этого процесса. Глагольное действие представлено в совершенном виде как единое, неделимое целое» [Маслов 1959: 222]. Анализ категориальных значений форм глагольного вида строится на системно-оппозитивной основе. Выражение признака целостности действия формой СВ как маркированным членом видовой оппозиции соотносится с немаркированностью НСВ: «СВ, будучи “сильным” членом оппозиции (семантически маркированным и интенсивным, а тем самым и менее многозначным) изображает действие в его неделимой целостности, а НСВ как “слабый” (немаркированный и экстенсивный) член оппозиции оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным» [Маслов 1984: 15–16; 2004: 35]. Как реальная основа оппозиции СВ—НСВ, или ее семантическая база, рассматривается противопоставление «достигнутость—недостигнутость внутреннего предела

глагольного действия» [Маслов 1984: 15; 2004: 34] (о соотношении признаков «целостность» и «ограниченность действия пределом» см.: Бондарко 1996: 101–109; 2004: 367–381).

Один из сложных вопросов — соотношение между пределом и началом. Как известно, между этими элементами характеристики действия существует тесная связь. Ограниченность действия внутренним пределом влечет за собой (если этому не препятствуют противодействующие факторы) наступление нового состояния, возникновение новой ситуации. Характеристика перехода к новому состоянию (в связи с понятием целостности) содержится в упомянутой выше статье Ю. С. Маслова, опубликованной в 1948 г. Эта статья предвосхищает многие из идей, вошедших теперь в научный обиход. Рассматривая предложения типа *Я вышел из дому*, Ю. С. Маслов пишет: «...Действие взято в его целостности, представляющей скачок в новое состояние — от бытия в доме к бытию вне дома...» [Маслов 1984: 48; 2004: 71]. Характерны также формулировки: «факт скачкообразного перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние» (о глаголах СВ типа *убить*); «критическая точка, знаменующая переход к новому состоянию, граница, отделяющая новое состояние от старого» [Маслов 1984: 60–61; 2004: 84–86]. Трудно переоценить значение того «лексически фундированного» направления в аспектологии, намеченного в статье 1948 г., которое включает и идею «перехода в новое состояние». По существу здесь уже заложены основы того подхода к видовым значениям, который выявляет соотношение предела и наступления нового состояния в разных типах глагольной лексики, выступающей в различных условиях контекста (см. литературу вопроса, в частности: Барентсен 1978: 1998: 43–58; Lehmann 2000: 85–92; предлагаемое истолкование признака «возникновение новой ситуации» изложено в: Бондарко 1996: 138–167; 2002: 414–427).

Анализ аспектуальной семантики в работах Ю. С. Маслова сочетается с описанием формальных показателей видового значения (см., в частности: Маслов 1963 а, а также раздел «Видовая основа как носитель значения совершенного/несовершенного вида» в: Маслов 1984: 84–102; 2004: 110–118). В них рассматриваются различные комбинации видовых и невидовых морфем в составе глагольной основы, учитываются возможности образования от данной видовой основы производных видовых основ [Маслов 1984: 90; 2004: 117].

3. Закономерности функционирования видов

Детальный анализ функционирования видов, частных видовых значений и их вариативности содержится в работе «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)» (Маслов 1959: 157–312), содержащей основной текст докторской диссертации Ю.С.Маслова, защищенной в 1957 г. Эта работа во многом определила системно-функциональные принципы его аспектологической концепции. В ней подчеркивается, что наиболее полно грамматическая сущность вида раскрывается в употреблении его форм [Маслов 1959: 166]. Один из ее исходных принципов формулируется следующим образом: «...Чтобы узнать, что такое совершенный и несовершенный вид, мы должны исходить не из анализа морфем, выражающих эту категорию, а из анализа ее функций, что, впрочем, является общим принципом при определении значения любой грамматической категории». И далее: «определению вида должно предшествовать изучение его функционирования» [Маслов 1959: 166]. В работе рассматриваются сочетания с обстоятельствами продолжительности действия [Маслов 1959: 222–230]. Учитываются также такие факторы, как способы действия глаголов и наличие отрицания. Синтаксические критерии, основанные на различиях между видами в употреблении глагольных форм, в их функциях и в способности вступать в определенные типы сочетаний, включаются в характеристику критериев видовой принадлежности глаголов (наряду с парадигматическими критериями в инвентаре форм).

Среди основных понятий, вводимых и рассматриваемых в работе о болгарском глагольном виде, важную роль играет система частных видовых значений. Анализируются следующие частные значения: СВ — конкретно-фактическое, суммарное, наглядно-примерное, потенциальное; НСВ — конкретно-процессное, неограниченно-кратное, обобщенно-фактическое, постоянно-непрерывное (эти термины вводятся именно в работе 1959 г.). Комплекс указанных значений лежит в основе разработки данного вопроса в более поздних трудах Ю.С.Маслова (см.: Маслов 1984: 70–84; 2004: 96–111), а также в публикациях его учеников и последователей (в том числе и автора данной статьи); многие из этих терминов используются учеными, представляющими различные направления аспектологических исследований. Истолкование

частных видовых значений — одна из важных сторон проводимого Ю. С. Масловым семантического анализа в сфере аспектологии. Анализ этих значений связывает языковую систему с системой речи и имеет непосредственное отношение к изучению функционирования форм глагольного вида во взаимодействии с контекстом и различными типами обозначаемых ситуаций. В сфере рассматриваемых значений выявляется многоуровневая вариативность: «Частные видовые значения образуют целостную систему взаимосвязанных элементов. Внутри некоторых значений имеются еще дальнейшие подразделения и определенные варианты. По их роли в семантическом спектре вида все частные видовые значения можно структурировать в две группы — “центральную” и “периферийную”» [Маслов 1984: 72; 2004: 97]. Центральные видовые значения связываются с антонимией видов; периферийные значения предполагают возможность синонимии видов. Частные видовые значения определяются в системе расчлененной сети оппозиций. В сфере центральных видовых значений выделяются оппозиции, в которых представлено основное частное значение СВ — конкретно-фактическое, а также оппозиции, связанные с частными значениями НСВ (конкретно-процессным, неограниченно-кратным и общефактическим). Системный характер имеет и описание периферийных видовых значений — суммарного и наглядно-примерного.

Анализ функционирования видов болгарского глагола включает характеристику употребления видов в формах конъюнктива [Маслов 1959: 230–238], настоящего времени [Там же: 238–252], аориста и имперфекта [Там же: 252–275], перфекта и других времен его группы [Там же: 275–285], в формах причастно-страдательного спряжения [Там же: 285–307]. Важным компонентом истолкования видовой семантики на взаимосвязанных уровнях языковой системы и системы речи является трактовка нейтрализации видового противопоставления [Маслов 1959: 240–243; 1984: 82–84; 2004: 109–110]. Выделяются типы антонимии и конкуренции частных видовых значений [Маслов 1984: 83; 2004: 111].

Характеристика видовой семантики и функционирования видов связывается с позицией говорящего. Изучение частных видовых значений и их оппозиций рассматривается как возможность «добраться до того, что, собственно, “имеет в виду” своим высказыванием говорящий» [Маслов 1984: 71; 2004: 96]. «Вид отражает

“оценку” говорящим временной структуры самого действия. Не будучи, следовательно, дейктической категорией, вид принадлежит, однако, к категориям субъективно-объективным, “преимущественно интерпретационным”, устанавливающим тот угол зрения, под которым рассматривается в формах языка объективная внеязыковая действительность» [Маслов 1984: 5–6; 2004: 24].

Вопрос о позиции говорящего в связи с изучением семантики и употребления глагольного вида рассматривается в ряде работ последних лет (см.: Апресян 1995: 629–650; Падучева 2000: 185–201; Пупынин 2000: 36–51). Особое внимание уделяется проявлениям наблюдаемости. На наш взгляд, необходимо различать ориентационные элементы грамматических значений видовых форм и наблюдаемость (и шире — перцептивность) как семантический признак высказывания. В условиях облигаторности грамматической категории вида, охватывающей все глагольные формы и все типы их употребления, естественно, что различия во «взгляде на действие» далеко не всегда включаются в актуальный смысл высказывания (см.: Бондарко 2002: 273–285; 2006: 67–79).

4. Вопросы аспектологии текста

Значительный интерес представляет проводимый Ю. С. Масловым анализ в области аспектологии текста. В «Очерках по аспектологии» представлен раздел, посвященный структуре повествовательного текста и типологии претеритальных систем славянского глагола [Маслов 1984: 181–208; 2004: 216–248] (в основе данного раздела лежат лекции, прочитанные Ю. С. Масловым в 1979 г. в Копенгагенском университете). Здесь выделяются различные типы функций претеритальных форм: а) возможное указание (как и в нехудожественном повествовании) на элементы реального прошлого и на вымышленные факты, мыслимые как лежащие в прошлом; б) указание на условное, воображаемое, «эпическое» время, отрешенное от конкретного соотнесения с моментом реального настоящего. Также выявляются отношения последовательности и одновременности, предшествования и следования, ускорения и замедления темпа, вплоть до полной остановки, возвращения вспять и забегаания вперед: «Важно то, что именно эти внутренние отношения являются здесь существенными, определяющими выбор глагольных форм и других показателей видо-временных значе-

ний. Что же касается отношения “эпического” времени к “нашему” времени, то это отношение оказывается внешним — несущественным или даже несуществующим. Оно если и определяется, то лишь в самом общем виде, часто на основе одних только культурно-исторических соображений, упоминаемых реалий и т. п.» [Маслов 1984: 182; 2004: 217–218].

Подробно рассматриваются различия в «степени отрешенности художественного повествования от реального настоящего рассказчика и читателя». На одном полюсе — «чисто эпическое повествование, выдержанное целиком в 3-м лице», на другом — художественные формы, которые характеризуются как «неэпические» и даже «антиэпические». Имеются в виду «формы, имитирующие мемуары, дневник, письма, показания очевидцев и т. д.». Здесь личность рассказчика «не скрыта от читателя, а, напротив, в большей или меньшей мере выдвинута на авансцену; соответственно присутствует 1-е лицо, иногда и 2-е (“адресат писем” и т. д.)». Между этими полюсами выявляется «ряд переходных и смешанных форм» [Маслов 1984: 183; 2004: 218–219]. Примечательна характеристика особого типа позиции автора: «Автор как бы всеведущ: он незримо присутствует при всех событиях, видит своих героев “насквозь” и так же “насквозь”, с их сокровенными помыслами, показывает их читателю. Вместе с тем он нигде, никак и ни в чем не обнаруживает себя и как бы вообще не существует, — действие происходит “само собою”, без его участия» [Маслов 1984: 183; 2004: 218].

В видо-временной структуре художественного повествовательного текста выделяются компоненты, обладающие разной степенью обязательности и типичности. Первый компонент, без которого нет повествования, — «поступательное развертывание действия, продвижение его вперед, в направлении, соответствующем объективной последовательности событий». Второй компонент (не столь необходимый, как первый, но типичный для повествования) — «описание ситуации, наличной к определенному моменту в течении событий, так сказать, задержка, остановка в поступательном движении вперед, прорисовка фона, на котором развертывается действие». Эти компоненты «контрастируют, образуя как бы две временных оси — ось последовательности и перпендикулярную к ней ось одновременности» [Маслов 1984: 183–184; 2004: 219]. Третий (часто появляющийся) компонент повествования — возвращение «назад», к предшествующим событиям, обусловив-

шим ситуацию, наличную к моменту, до которого продвинулся рассказ (так называемый регресс) [Маслов 1984: 186; 2004: 222]. Четвертый компонент художественного повествования (используемый реже) — предвосхищение последующих событий [Маслов 1984: 187; 2004: 223–224]. Характеризуются также компоненты художественного повествования, связанные с речью персонажей, с сентенциями и рассуждениями автора, возможные неэпические вставки, интродукции и концовки, соотносящие повествуемые события [Маслов 1984: 188; 2004: 224]. Компоненты повествовательного текста анализируются с точки зрения признаков, связанных с категориями вида и времени.

Ю.С.Маслов выделяет три типа славянских претеритальных систем: 1) северный, или «безаористный», 2) южнобалканский и 3) сербохорватский; анализируется функционирование элементов этих систем в повествовании. При этом он использует формулировки типа: «Аористом повествование продвигается вперед, имперфектом оно останавливается». Учитываются им также модификации и дополнения в реализации этого общего принципа в различных славянских языках в зависимости от соответствующей претеритальной системы. В частности, в русском языке как языке «безаористного» типа исходная формула модифицируется в варианте «претеритом СВ повествование продвигается, претеритом НСВ останавливается». Учитываются и демонстрируются на конкретных фрагментах художественных текстов различные частные отклонения от данного принципа [Маслов 1984: 189–208; 2004: 225–248].

Проведенный Ю.С.Масловым анализ занимает важное место в общей перспективе развития аспектологии текста (см., в частности: Thelin 1990: 3–88; Золотова 1995: 81–91; Падучева 1996: 285–296; Козинцева 2001: 79–83).

5. Категории вида, времени и таксиса в их взаимосвязях

В теории грамматики существенную роль играет вопрос о соотношении семантических категорий, входящих в состав широких содержательных единств (категориальных комплексов). Одно из таких единств — аспектуально-темпоральный комплекс, включающий категории, отражающие разные стороны идеи времени (см. анализ аспектуальных категорий в: Koschmieder 1934; перевод

значительной части этой книги см.: Кошмидер 1962). Поликатегориальный подход к исследованию языковой интерпретации идеи времени четко выражен в трудах Ю. С. Маслова [Маслов 1978: 5–9; 1983: 41–42; 1984: 5–8]. В эксплицитной форме строится система понятий: идея времени — ее воплощение в комплексе категорий вида, времени и таксиса [Маслов 1978: 5–9; 1983: 41–42; 1984: 5–8; 2004: 306–311]. Выявляется, с одной стороны, то общее, что связывает вид, время и таксис, а с другой — то, что характеризует специфику каждой из этих категорий. В рамках изучаемой поликатегориальной системы проводится дифференциация по признаку дейктичности. Если темпоральные значения являются дейктическими, ориентационными, т. е. реализуют общую идею времени как ориентацию действия прежде всего по отношению к моменту речи или, шире, по отношению к «*hic et nunc*» «здесь и теперь» говорящего, то аспектуальные значения не имеют дейктической функции: в них идея времени проявляется как внутреннее, ингерентное свойство самого выражаемого действия [Маслов 1978: 6–7].

В трудах Ю. С. Маслова выявляются различные стороны взаимосвязей рассматриваемых категорий. Отмечается, что вид, время и таксис часто выступают в различных комбинациях в составе гибридных, контаминированных образований. Речь идет, в частности, о таксисных функциях видов, например, в русском языке. «В других языках время комбинируется с таксисом в формах так называемых относительных времен (времен с “двойной ориентацией” или “будущего в прошедшем”)» [Маслов 1983: 42]. Во многих языках таксис не выступает в качестве особой грамматической категории, а объединяется в рамках одной комбинированной категории либо со временем, либо с видом. «Значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм... Во всех случаях, когда в высказывании присутствуют две или более глагольных форм, обладающих видовой семантикой, соответствующие аспектуальные значения неизбежно вступают во взаимодействие и получают таксические признаки ‘одновременность’ или ‘последовательность во времени’ — ‘предшествование’ и ‘следование’» [Маслов 1978: 9; 2004: 311]. Характеризуя «эпическое время» художественного повествования, отрешенного (полностью или частично) от конкретного соотнесения с моментом реального настоящего, с «*ego, hic et nunc*» рассказчика и читателя, Ю. С. Маслов прослеживает взаимодей-

ствие категорий, отражающих идею времени, — в частности, при выражении отношений последовательности и одновременности, предшествования и следования, элементов возвращения вспять и забегания вперед [Маслов 1984: 181–189; 2004: 216–225]. Приведем фрагмент такого анализа: «В речи аспектуальные, темпоральные и таксисные значения тесно переплетаются друг с другом, выступая как компоненты комплексного семантического целого. Так, в латинском высказывании, приписываемом Юлию Цезарю, “*Veni, vidi, vici*”, как и в русском переводе этого высказывания *Я пришел, увидел и победил*, аспектуальными являются семы завершенности, “достигнутости предела” каждого из трех названных действий, темпоральными — семы отнесенности всех трех действий к прошлому с точки зрения того момента, когда Юлий Цезарь формулировал это свое донесение об успешном военном походе, а таксисной оказывается сема упорядоченности этих действий относительно друг друга, именно их “цепной” хронологической последовательности (с соответствующими логическими импликациями) в том порядке, который соответствует порядку их названия в данном тексте» [Маслов 1984: 7; 2004: 25–26].

В последнее время проблема межкатегориального взаимодействия, охватывающего как грамматические категории, так и функционально-семантические поля, рассматривается в работах ряда исследователей (см.: Храковский 1996: 22–42; Пупынин 1990; 1995: 159–174; 1996: 43–60; Межкатегориальные связи 1996; Бондарко 2002: 257–262; 357–540). Следует подчеркнуть, что выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких категорий в определенных условиях, связанных с лексическими значениями словоформ, контекстом и речевой ситуацией. «Чистых» грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет. Когда исследователи определяют грамматические значения, они всегда проводят «операцию отвлечения» от тех или иных связей между данной категорией и другими категориями. В общей системе изучения и описания межкатегориального взаимодействия важно учитывать соотношение изучаемых категорий в языковой системе и в системе речевого функционирования. Возможно выделение исходных центров рассматриваемых отношений. Одним из примеров могут служить межкатегориальные связи, сосредоточенные вокруг аспектуального, модального и залогового

центров, — в частности, отношение глагольного вида к категориям времени, наклонения, залога и лица, связи аспектуальности с полями темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка, а также с рядом других функционально-семантических полей.

6. Проблемы сопоставительной аспектологии

Сопоставительный анализ различных типов аспектуальной семантики и средств ее формального выражения [Маслов 1978: 4–44; 2004: 305–348] проводится Ю. С. Масловым на материале русского, болгарского и других славянских языков, а также немецкого, английского, французского. Учитываются (на основе литературы вопроса) факты языков разных типов, в частности, турецкого, иберийско-кавказских, китайского. На передний план выдвигаются вопросы, о которых речь уже шла выше: а) отграничение вида как грамматической категории от неграмматических или «не вполне грамматических» явлений языка, связанных с выражением тождественных или аналогичных значений; б) разграничение и взаимодействие категорий вида, времени и таксиса. Характеристика аспектуальных значений в сопоставляемых языках включает соотношение качественной и количественной аспектуальности. Аспектуальность первого типа рассматривается в разновидностях действий динамических (предельных и непредельных) и статических (состояний и отношений). Количественная аспектуальность трактуется как характеристика действия и состояния а) по количеству «крат» или непрерывности/прерывности существования; б) по степени длительности; в) по степени интенсивности [Маслов 1978: 18–19; 2004: 321–323]. Рассмотрение оппозиции перфективность—имперфективность связывается с сопоставительным анализом соотношений «имперфект/аорист», «прогрессив/непрогрессив» и оппозиции, базирующейся на признаке кратности (итеративности). Особый предмет исследования и описания языковых фактов — семантическое содержание перфекта и его эволюция (см. также написанный Ю. С. Масловым раздел «Перфектность» в первом томе «Теории функциональной грамматики» [Маслов 1987: 195–209]). Детально анализируется в сопоставительном плане категория предельности/непредельности [Маслов 1978: 10–18; 2004: 311–321]. Отмечается возможность трактовки этой категории как

лингвистической универсалии [Маслов 1978: 15; 2004: 318]. Высказывается суждение о том, что для правильного понимания соотношения между аспектуальностью в некоторых неславянских языках и славянским совершенным и несовершенным видом важно разграничение двух семантических оппозиций: направленность — ненаправленность на предел; достижение — недостижение предела [Маслов 1978: 17; 2004: 320].

В работах Ю. С. Маслова обсуждаются направления и методы сопоставительно-аспектологических исследований [Маслов 1978: 38–44; 2004: 343–349]. Как наиболее перспективные трактуются работы, в которых анализируются в первую очередь содержательные элементы сходства и различия сравниваемых языков и лишь на этой основе — проявления сходства и различия структурного порядка. Обращается внимание на то, что важно учитывать не только «явные» грамматические категории, но и явления «скрытой грамматики». Подчеркивается актуальность сопоставительного анализа частных видовых значений: «С точки зрения сопоставительной аспектологии оперирование одними общими значениями оказывается особенно недостаточным: в сравниваемых категориях двух языков общие значения либо идентичны (и тогда тонкие смысловые различия попросту ускользают от внимания), либо же — принципиально различны и, так сказать, несоизмеримы. Напротив, частные значения образуют тонко расчлененную сеть оппозиций и побуждают исследователя искать и находить специфические соответствия для каждой отдельной функции грамматической формы» [Маслов 1984: 71; 2004: 96]. В сфере специальных методов сопоставительных исследований в области аспектологии особенно эффективным признается анализ переводов, а также метод лингвистического эксперимента с носителями языка.

Важную роль в проводимом Ю. С. Масловым анализе аспектуальной семантики и средств ее выражения, в частности в сопоставительном плане, играет рассмотрение фактов болгарского языка. Выше уже шла речь о работе «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)» (1959 г.). Дальнейшее развитие разработки проблем аспектологии на материале болгарского языка нашло отражение в монографии «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» [Маслов 1963 а] (см. также текст доклада, прочитанного на V Международном съезде славистов [Маслов 1963 б]).

Для сопоставительного анализа, представленного в трудах Ю.С.Маслова, существенно изучение аспектуальных категорий, классов и разрядов в германских языках. Германистика была первоначальной специальностью Юрия Сергеевича. В 1940 г. он защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Возникновение сложного прошедшего в немецком языке». Позднее были опубликованы работы по аспектологии на материале германских языков, также в сопоставлении их с другими языками (см., в частности, статьи «Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке» [Маслов 1984: 209–224; 2004: 249–266] (первая публикация — 1959 г.); «К вопросу о происхождении посессивного перфекта» [Маслов 1984: 224–248; 2004: 266–292] (впервые опубликовано в 1949 г.); «К утрате простых форм претерита в германских, романских и славянских языках» [Маслов 1984: 248–257; 2004: 293–302] (первое издание — 1964 г.)).

7. Происхождение и развитие глагольного вида и других аспектуальных категорий

Ю.С.Маслов вводит существенные модификации в представленные в работах ряда ученых суждения о возникновении славянского глагольного вида на базе категории детерминированности. Речь идет о том, что в этих работах не учитывается формальная неоднородность системы СВ/НСВ. Ю.С.Маслов обращает внимание на гетерогенность составных частей рассматриваемой системы, отмечает необходимость учитывать различия между морфологическими типами, основанными на имперфективации и перфективации. Он подчеркивает, что суффиксальная имперфективация и перфективация восходят к двум изначально не связанным корреляциям — «определенность/неопределенность» (*nesti* : *nositi* и т. п.) и «предельность/непредельность» [Маслов 1984: 102–105; 2004: 131–134] и высказывает предположение о том, что перфективация восходит к предельности, а имперфективация — к непредельности. Во вторых членах пар типа *vñesti* : *vñositi*, а также *pasti* : *padati* и т. д. наряду с их старыми неопределенными и итеративными значениями развивается новое значение протекающего разового (единичного) действия [Маслов 1984: 108; 2004: 137]. В дальнейшем употребление НСВ расширяется, полностью охватывая семантическую зону «действия в процессе протекания»: «С этого момента мы

уже имеем дело с противостоянием имперфектив : перфектив, т. е. с современной категорией вида, однако еще не с полностью готовой системой вида, поскольку видовая оппозиция охватывает на этом этапе только часть глагольной лексики. Следующий этап состоял в том, что категорией вида были охвачены и неопределенные глаголы. Как и следовало ожидать, они вошли в состав НСВ» [Маслов 1984: 109; 2004: 138–139]. В работе «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида», опубликованной в 1961 г., первый этап возникновения категории вида связывается со способами действия: «...Начинать предысторию славянского вида надо не с определенности/неопределенности, а с тех более дробных способов действия, которые могут быть реконструированы уже для ранней праславянской эпохи и которые лишь постепенно были сведены в языке в две рассмотренные сейчас корреляции, послужившие здесь непосредственной базой для возникновения вида» [Маслов 1961: 177; 2004: 458].

При рассмотрении проблем диахронии и других вопросов аспектологии в книгах и статьях Ю. С. Маслова важную роль играет детальный анализ существующих концепций. Анализируются как современные теории, так и различные этапы развития рассматриваемой сферы грамматики (см., в частности, статьи «Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании» (1962 г.), «Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет (ч. I — 1975 г., ч. II — 1977 г.), а также опубликованную в сборнике 1993 г., посвященном памяти Ю. С. Маслова, статью «У истоков славянской аспектологии», в которой рассматриваются основные этапы становления учения о виде (тексты указанных работ см. в «Избранных трудах» 2004 г.).

* * *

Разработка проблем аспектологии в трудах Ю. С. Маслова вносит существенный вклад в развитие общей теории языкознания. Общетеоретическая значимость присуща глубокому анализу семантики и структуры глагольного вида в его связях с лексикой, истолкованию взаимосвязей категорий вида, времени и таксиса, освещению различных аспектов сопоставительной и диахронической аспектологии. Основной принцип, лежащий в основе рассматриваемых работ, — системно-функциональное направление

анализа, изучение системы языка в ее связях с системой речи, с исследованием и описанием функционирования языковых средств (грамматических и лексических).

Для научных трудов Ю. С. Маслова — как по аспектологии, так и по общему языкознанию — характерно сочетание излагаемой теории с детальным анализом языкового материала. Анализируются тончайшие оттенки рассматриваемых значений и их реализации в различных условиях речевого функционирования. Особое внимание обращается на наиболее сложные стороны обсуждаемых теоретических проблем. В частности, рассматриваются промежуточные уровни, «переходные случаи», частичные пересечения изучаемых системных объектов. В данном типе анализа теоретически обосновываются и получают конкретную реализацию принципы исследования и описания языкового материала, которые в работах последних лет связываются с теорией полевых структур.

Глубоко и всесторонне разработанная аспектологическая концепция Ю. С. Маслова в полной мере сохраняет свою значимость и актуальность в системе современной лингвистики и в перспективе дальнейшего развития грамматических исследований.

В работах Ю. С. Маслова четко проявляется связь излагаемой теории с многолетней педагогической деятельностью ученого в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете. Сложнейшие теоретические вопросы излагаются в ясной форме, определяющей возможность восприятия высказываемых суждений широким кругом читателей. Мне посчастливилось быть одним из учеников Юрия Сергеевича (под его руководством были написаны и дипломная работа, и кандидатская диссертация). Общение с Учителем, продолжавшееся и в последующие годы, — самое значительное из того, что во многом определило направление проводимых исследований. Повторю еще раз то, о чем мне уже доводилось писать: Юрий Сергеевич был не только крупным языковедом, известным всему лингвистическому миру, но и замечательным человеком, тонким и тактичным, обаятельным, отзывчивым и добрым. Ученики и последователи Юрия Сергеевича, его друзья и коллеги, все, кто знал его, читал его труды, слушал его лекции, никогда не забудут прекрасного ученого и человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Трактовка вида в словаре: правила, тенденции, лексикализация // *Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида*, IV. München, 2006. С. 23–35.
- Барентсен 1998 — *Барентсен А. А.* Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // *Типология вида: Проблемы, поиски, решения*. М., 1998. С. 43–58.
- Бондарко 1996 — *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко 2002 — *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко 2006 — *Бондарко А. В.* Перцептивность и аспектуально-темпоральный комплекс // *Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида*, IV. München, 2006. С. 67–79.
- Глагольный вид и лексикография 2006 — *Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида*. München, 2006.
- Гловинская 2001 — *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Золотова 1995 — *Золотова Г. А.* Глагольный вид с точки зрения текста // *Семантика и структура славянского вида*. I. Krakow 1995. С. 81–91.
- Козинцева 2001 — *Козинцева Н. А.* Функции прошедшего несовершенного в повествовании // *Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality*. Munchen, 2001. S. 79–83.
- Кошмидер 1962 — *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // *Вопросы глагольного вида*. М., 1962. С. 105–83.
- Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // *Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.* 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.
- Маслов 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление) // *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М., 1959. С. 157–312.
- Маслов 1961 — *Маслов Ю. С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1961. С. 165–195.
- Маслов 1963 а — *Маслов Ю. С.* Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963 а.
- Маслов 1963 б — *Маслов Ю. С.* Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // *Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.)*. М., 1963 б. С. 197–229.

- Маслов 1978 — Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4–44.
- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) Л., 1983. С. 41–54.
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 1987 — Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987 (изд. 2-е, стереотипное, — М., 2001; изд. 3-е — М., 2003, изд. 4-е — М., 2006). С. 195–209.
- Маслов 1993 — Маслов Ю. С. У истоков славянской аспектологии // Из истории науки о языке. Межвузовский сборник. Памяти профессора Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 21–40.
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Межкатегориальные связи в грамматике 1996 — Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2000 — Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперидент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 185–201.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Пупынин 1990 — Пупынин Ю. А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: Взаимосвязи грамматических категорий. Л., 1990.
- Пупынин 1995 — Пупынин Ю. А. Взаимные связи грамматических категорий вида и залога в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Krakow 1995. С. 159–174.
- Пупынин 1996 — Пупынин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических связях // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 43–60.
- Пупынин 2000 — Пупынин Ю. А. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 36–51.
- Смирнов 2008 — Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.
- Храковский 1996 — Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 22–42.

- Шелякин 2001 — *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
- Шелякин 2008 — *Шелякин М. А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77–100.
- Aspekte, Kategorien und Kontakte 2008 — *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag.* Hamburg, 2008.
- Breu 2000 — *Breu W.* Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion) // *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA).* Tübingen, 2000. S. 21–54.
- Comrie 2001 — *Comrie B.* Some thoughts on the relation between aspect and aktionsart // *Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality.* München, 2001. P. 43–50.
- Givon 1995 — *Givon T.* Functionalism and Grammar. Amsterdam, 1995.
- Koschmieder 1934 — *Koschmieder E.* Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. Wilno, 1934.
- Lehmann 2001 — *Lehmann V.* Ip. Aspekt & *вдруг* 'plotzlich' (Die "Entstehung einer neuen Situation" als Indikator für Grammatizitätsgrade und Lexikalische Aktionale Funktionen) // *Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality.* München, 2001. P. 45–92.
- Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt 2000 — *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA).* Tübingen, 2000.
- Thelin 1990 — *Thelin N. B.* Verbal Aspect in Discourse: On the State of the Art // *Verbal Aspect in Discourse.* Amsterdam/Philadelphia, 1990. P. 3–88.

А. А. Горбов, Е. В. Горбова¹

ОБ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. С. МАСЛОВА

*Светлой памяти
профессора Санкт-Петербургского
университета Ю. С. Маслова*

Юрий Сергеевич Маслов (1914–1990) — широко известный в российской и зарубежной лингвистике ученый, специалист в области общего теоретического языкознания, истории языкознания, болгаристики, германистики, автор более 150 научных работ. Из всего обширного научного наследия Ю. С. Маслова и всей его многогранной деятельности нас в первую очередь будут интересовать его работы, заложившие основы отечественной школы общей и сопоставительной аспектологии — пожалуй, наиболее значительного из развивавшихся ученым направлений лингвистических исследований. Именно принципиальная направленность на идею об аспектуальности как об универсальном лингвистическом явлении характеризует своеобразие Санкт-Петербургской аспектологической школы, основоположником которой по праву можно считать Юрия Сергеевича. Кроме того, само выделение теории изучения глагольного вида в самостоятельную область лингвистики — аспектологию является заслугой Ю. С. Маслова, создавшего целостную систему основных понятий этой дисциплины, предначертывавшего и во многом предугадавшего основные направления

¹ Данная работа написана в соавторстве, однако можно указать и на конкретное авторство ее отдельных разделов: вступление, раздел 1 (кроме вставного замечания о понятии предельности) и 4 принадлежат Е. В. Горбовай, раздел 3 — А. А. Горбову, 2 — совместный.

дальнейшего развития лингвистической мысли аспектологов различных стран и школ в конце XX — начале XXI в.

Цикл работ Ю. С. Маслова по общей и сопоставительной аспектологии включает в себя как отдельные статьи, обзоры современной автору аспектологической литературы, так и обобщающие монографии. В первую очередь имеются в виду следующие работы: ранняя, знаменитая своей новаторской постановкой вопросов, наиболее часто цитируемая и упоминаемая современными аспектологами статья «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» (1948)²; глубокий и критически тонкий обзор работ «Глагольный вид в современном зарубежном языкознании» (1962); посвященная «больному» и «вечному» вопросу о лингвистической терминологии статья «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии» (1965); концептуально основополагающая работа «К основаниям сопоставительной аспектологии» (1978); «Очерки по аспектологии» (1984) — наиболее целостное представление системы взглядов автора и своего рода комpendиум всех его исследований по данной тематике. С удовлетворением отметим, что основные работы аспектологического цикла, а также ряд статей по вопросам общего языкознания вошли в выпущенный в 2004 г. издательством «Языки славянской культуры» сборник трудов [Маслов 2004].

Нашей целью является изложение основных положений аспектологической концепции Ю. С. Маслова с учетом, по возможности, появившихся уже после кончины ученого новых идей и подходов к решению проблем общей аспектологии, зачастую тесно связанных с его идеями.

Внимание, в основном, будет уделено следующим блокам аспектологических проблем, активно разрабатывавшихся в трудах Ю. С. Маслова:

- 1) аспектологически релевантная таксономия глагольной лексики;
- 2) аспектологическая терминология в типологическом аспекте;
- 3) концепция общей и сопоставительной аспектологии: основные принципы и понятия.

² К сожалению, зачастую складывается впечатление, что исключительно эта работа и известна в аспектологических кругах.

1. Аспектологически релевантная таксономия глагольной лексики

Ю. С. Маслову по праву принадлежит приоритет в постановке самой проблемы: до выхода в свет статьи «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» [Маслов 1948, 1984: 48–65; 2004: 71–90] вопрос о связи аспектуальных характеристик глагольной лексики с ее внутрилексемной семантикой не поднимался. Широко известная работа Зено Вендлера [Vendler 1967], посвященная тем же проблемам, но написанная на английском материале, появилась только в 1957 г. (наиболее хорошо известная в лингвистике публикация относится к 1967 г.).

Е. В. Падучева оценивает работу Маслова 1948 г. как «важный фактор, на долгие годы определивший развитие русской аспектологии», отмечая, что в ней «был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола и намечена семантическая классификация глаголов, позволяющая делать семантические предсказания о неполноте видовой парадигмы глагола (т. е. об отсутствии форм противоположного вида), а также о функциональной неполноте парадигмы — отсутствии тех или иных частных видовых значений. Тем самым в русистике были заложены — задолго до появившейся в 1967 году влиятельной работы Вендлера — основы глагольной таксономии, определяющей взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности» [Падучева 1996: 3].

С изложения основных положений статьи 1948 г. мы и начнем.

1.1. В рассматриваемой статье Ю. С. Маслов отмечает, что подходы его предшественников характеризовались «недостаточным вниманием к семантике и преувеличенным вниманием к флективно-морфологической стороне», причем в первую очередь это было свойственно «практическому ограничению непарных глаголов от парных» [Маслов 2004: 75]. И далее: «Даже такой тонкий исследователь, как акад. А. А. Шахматов, включает в свой список непарных глаголов только те, при которых никаких образований другого вида вообще нет (*бацнуть*, *обожать* и т. п.), или же, если такие образования есть, то морфологически они являются неправильными, отклоняющимися от нормы (*сесть* — *сидиться*,

купить — покупать и т. п.)³. Зато, например, *любить* не попадает у Шахматова в список непарных глаголов, поскольку в языке существует его морфологически нормальный дублет *полюбить* (ср. *чувствовать — почувствовать*), причем «парность» *любить* и *полюбить* как будто бы подтверждается и невозможностью приставочно-суффиксального образования типа **полюбливать*» [Маслов 2004: 76]. «Ясно, — продолжает свою мысль Маслов, — что при семантическом, а не формальном подходе, наоборот, глаголы *сесть* и *садиться* должны бы считаться, несмотря на некоторую морфологическую «нерегулярность», вполне нормальными парами, а столь различные по своему лексическому значению глаголы, как *любить* и *полюбить* (=начать любить), несомненно надлежало бы рассматривать не как грамматическую пару, а как два непарных «недостаточных» глагола — непарный глагол НСВ *любить* и непарный глагол СВ *полюбить*» [Маслов 2004: 76] .

Отвергнув морфологический критерий Шахматова для разграничения парных и непарных глаголов и стремясь поставить этот вопрос на «семантическую основу», Маслов задается целью «найти какой-то другой объективный критерий для этого разграничения, если мы не хотим, чтобы вопрос решался от случая к случаю в соответствии с субъективными вкусами того или иного исследователя» [Маслов 2004: 76]. Такой объективный критерий был найден, причем оказался настолько удачным в силу абсолютной логичности и бесспорности, а также простоты своего применения, что аспектологи, работающие на материале славянских языков, используют его и по сей день⁴.

Приведем рассуждения Юрия Сергеевича: «Чтобы сформулировать этот объективный критерий, надо найти в языке положение, при котором противоположность видов “автоматически” снималась бы в пользу одного из них, т. е. один из видов в обязательном порядке заменялся бы другим. Такое положение в современном русском языке есть. Это так называемое историческое настоящее (*praesens historicum*). При переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость исторического настоящего все глаголы как СВ, так и НСВ, оказываются уравнен-

³ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 187–188.

⁴ См., в частности: Петрухина 2000: 50–52; Зализняк, Шмелев 2000: 47–52.

ными в формах настоящего времени НСВ. Ясно, что лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться при этом ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком действительной парности этих двух глаголов, а необратимость — признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары. Так, предложение *Он полюбил ее с первого взгляда* при пересказе в историческом настоящем, по-видимому, не превратится в **Он любит ее с первого взгляда*, следовательно, *любить и полюбить* — не пара. Напротив, если *Она очнулась в незнакомой комнате* может дать при переводе в историческое настоящее *Она приходит в чувство в незнакомой комнате* (с некоторой, неизбежной в данном случае, утратой эмоциональной окраски), то это значит, что морфологическая недостаточность глагола *очнуться* преодолевается путем привлечения этимологически “постороннего” глагола (точнее — целого словосочетания), т. е. путем создания того, что в языкознании принято называть “супплетивными” рядами» [Маслов 2004: 76–77].

Данный критерий получил название «критерий Маслова». В работе Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию» читаем: «...Видовая коррелятивность имеет место тогда и только тогда, когда глагол несов. вида может обозначать то же самое событие, что и глагол сов. вида. Чтобы установить этот факт, надо применить критерий Маслова, т. е. посмотреть, может ли данный глагол несов. вида заменять глагол сов. вида при описании повторяющегося события и при повествовании в *praesens historicum*» [Зализняк, Шмелев 2000: 48] (см. также: Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010; Падучева 1996).

Отметим, впрочем, что сам Юрий Сергеевич в рамках статьи 1948 г. включал в свой критерий только *praesens historicum*; что же касается ситуации повторяемости, то этот функциональный критерий определения видовой парности в его работах появляется значительно позже⁵. Впоследствии итеративизация была избрана в качестве основного диагностического контекста для определения

⁵ См., в частности, очерк «Функциональная полнота и морфологическая регулярность видовой парадигмы» [Маслов 2004: 90–96], опубликованный с указанием на то, что он представляет собой русский вариант, снабженный некоторыми добавлениями, более ранней работы 1981 г., опубликованной по-

видовой парности Е. В. Падучевой, считающей именно семантическое соотношение 'однократность — многократность' стандартным, или тривиальным, для видовой пары; другие же критерии, по ее мнению, менее универсальны [Падучева 1996: 90].

Использование при определении видовой парности двух типов диагностических контекстов — ситуации настоящего исторического (а также смежных значений настоящего времени — настоящего сценического и настоящего изложения) и ситуации повторяемости позволяет решить поставленную задачу удовлетворительным образом в случаях «сопротивления языкового материала», и, таким образом, эти два типа контекста удачно дополняют друг друга. Дело в том, что, как поясняют авторы «Введения в русскую аспектологию», «некоторые события по своей природе не могут быть представлены как повторяющиеся (например, *родиться* или *умереть* в буквальном смысле и с единичным субъектом), а некоторые другие — наоборот, как происходящие «как бы на глазах»: так, например, трудно перевести в *praesens historicum* фразу *За годы, прошедшие со дня их последней встречи, ее черты стерлись у него из памяти*. Поэтому для некоторых глаголов может быть применен лишь один из этих тестов» [Зализняк, Шмелев 2000: 48]. Здесь же авторы вполне справедливо отмечают, что до настоящего времени не было обнаружено таких случаев, когда один и тот же глагол в форме СВ по одному из тестов получал одну форму НСВ, а по второму — другую.

Знаменитый «критерий Маслова»⁶ в рассматриваемой работе 1948 г. является, по словам самого автора, «проходным» эпизодом, одним из «общих замечаний» [Маслов 2004: 78] и имеет для него чисто прикладное значение, позволяя выделить «три больших разряда» «семантико-синтаксических групп глаголов современного русского языка»: «1) непарные глаголы НСВ; 2) непарные глаголы СВ и 3) пары соотносительных глаголов» [Маслов 2004: 78]. Дальнейшее подразделение внутри каждой из этих трех групп осуществляется уже исходя не из видовой парности/непарности, а по другим основаниям, характеристика которых будет дана ниже.

английски в кн.: The Slavic verb. An anthology presented to Christian Sørensen 16th December 1981. Copenhagen, 1981. P. 103–106.

⁶ Ср., впрочем, критические замечания по поводу данного «функционального критерия видовой коррелятивности» в: Перцов 2001: 124–128.

Образцом первого разряда — непарных глаголов несовершенного вида — был избран глагол *плакать*. Общим свойством глаголов этого разряда Маслов называет «невозможность образования чистых видовых дублетов СВ (невозможность чистой перфективации); образуются только, да и то не при всех глаголах этого разряда, глаголы СВ с начинательным значением (*заплакать*) и со значением «охвата длительности» (*поплакать, проплакать*), не составляющие с ними соотносительных видовых пар» [Маслов 2004: 78]. В качестве причины невозможности «чистой перфективации» глаголов первого разряда, включающих две большие группы: а) «глаголы пребывания и бесперспективного протекания» и б) «глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления» (подробнее состав разряда см. на с. 78–80 указанной работы), Маслов называет такие общие для всех русских глаголов этого разряда черты, как «невозможность моментализации и внутреннюю беспредельность процессов» [Маслов 2004: 80].

Для второго разряда — непарных глаголов совершенного вида — в качестве образца дан глагол *очнуться*. Общее свойство глаголов этого разряда — «невозможность образования чистых видовых дублетов НСВ (невозможность имперфективации). Для выражения некоторых значений, характерных для НСВ (в частности — многократного действия), используются средства нефлексивной морфологии (*бывало очнется*) или привлекаются этимологически «“посторонние” образования (*приходит в себя, в чувство*)» [Маслов 2004: 81].

Состав данного разряда: а) глаголы мгновенного, внезапного действия: *полоснуть, ринуться, поскользнуться, рехнуться* и т.д.; б) финитивные глаголы: *отобедать, отишуметь*, а также глаголы, обозначающие разные оттенки полноты, исчерпанности процесса: *накричаться, искушать*; в) глаголы со значением охвата длительности: *постоять, пробыть* и т.д.; г) многие начинательные глаголы: *возненавидеть, залаять, заплакать, расплакаться, побежать, поплыть, полюбить*.

Общим свойством глаголов этого разряда является невозможность процессуализации, вытекающая, как отмечает Маслов, из лексической семантики соответствующих глаголов: «именно эта невозможность процессуализации и является причиной непарности всех перечисленных глаголов» [Маслов 2004: 82]. Вместе с тем здесь же отмечается, что другие значения из спектра грамматической семантики НСВ «принципиаль-

но совместимы с лексическими значениями, выражаемыми рассмотренными сейчас непарными глаголами СВ; так, ничто не препятствует многократному повторению действий 'ринуться', 'отобедать', 'пробыть' или 'возненавидеть' и т.д. Поскольку, однако, соответствующие глаголы НСВ не образуются, все подобные непроцессуальные значения выражаются здесь с помощью каких-то других средств» [Маслов 2004: 82].

Третий — самый многочисленный и интересный разряд: пары соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида. По признаку «валентности» автор делит их на три основные группы. Их образцы: 1-я группа — *ловить/поймать, умирать/умереть*; 2-ая группа — *видеть/увидеть, говорить/сказать*; 3-я группа — *приходить/прийти, колоть/кольнуть*.

Основное свойство глаголов первой группы, позволяющее объективно выделить ее, — «возможность противоположения внутри входящих в нее пар по линии 'попытка' — 'успех' или 'тенденция' — 'осуществление', проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал* — *ловил, пока не поймал* — *ловил и, наконец, поймал* и т.п.» [Маслов 2004: 83]. Объективное отличие третьей группы — «невозможность конкретно-процессуального употребления этих глаголов и тем самым невозможность противоположения внутри этих пар по линии 'процесс' — 'скачок'» [Маслов 2004: 83]. Вторая группа парных глаголов выделяется главным образом отрицательно, по остаточному принципу.

Резюмируя свою статью, Маслов подчеркивает, что его построение, не претендуя на всеобъемлющую полноту описания аспектуально релевантной семантики русской глагольной лексики, позволяет представить ее в виде следующей схематической картины: «На двух полюсах глагольной лексики расположены два разряда непарных глаголов НСВ и СВ, т.е., с одной стороны, глаголы, которые обозначают процессы, лишенные внутреннего предела и не поддающиеся моментализации, и, с другой — глаголы, которые обозначают внезапные скачки и другие действия, не поддающиеся процессуализации. К последним, непарным, глаголам СВ вплотную примыкает... группа пар типа *приходить/прийти*, в которой глагол НСВ, хотя и образуется, но неспособен иметь процессуальное значение. Таким образом, посередине между полюсами остаются только две группы глагольных пар, различие между которыми за-

ключается в том, что в одном типе (*видеть/увидеть*) оба глагола всегда совпадают по своему материальному значению (А всегда равно В), а в другом (*ловить/поймать*) оба члена могут и совпадать (А=В), и не совпадать (А≠В)» [Маслов 2004: 89–90].

Однако основную ценность для последующего развития аспектологии представляет не этот — сам по себе, впрочем, достаточно «революционный» ракурс рассмотрения глагольной лексики русского языка, а постановка вопроса о «возможности и важности такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лексической семантики, т.е., собственно говоря, из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий» [Маслов 2004: 90].

1.2. Можно утверждать, что этот подход заложил основу сопоставительного в терминологии Ю.С.Маслова — а мы бы сказали, что и типологического, — изучения аспектуальности языка. Постулируя наличие (по крайней мере, гипотетическое) в языках аспектуальных граммем с различной семантикой — что, собственно, является краеугольным камнем всей рассматриваемой аспектологической концепции — Маслов приходит к мысли о том, что «наиболее перспективными окажутся такие (сопоставительно-аспектологические. — Е.Г.) исследования, которые... рассматривают не одни только “явные” (“открытые”) грамматические категории, но — даже и в “видовых” языках — широко учитывают также явления “скрытой грамматики” и вообще все функционально-семантическое поле аспектуальности» [Маслов 1978: 39–40].

1.2.1. Говоря о явлениях области «скрытой грамматики» применительно к аспектологической проблематике, прежде всего следует обратиться к рассмотрению явления, которому в рамках концепции Ю.С.Маслова и, шире, Петербургской аспектологической школы придается большое (а в некоторых случаях и первостепенное⁷) значение. Речь пойдет о семантической оппозиции предельность / неопределенность (П/НП).

⁷ См., напр., работы М.А.Шелякина, написанные, в основном, в русле идей Петербургской аспектологической школы: Шелякин 1982а, 1982б, 1983, 1987, 2008.

В основе этой оппозиции, которую, «так или иначе выраженную, можно, по-видимому, признать лингвистической универсалией» [Маслов 1978: 15], лежит признак «предельности» — наличие внутреннего, самой природой данного действия предусмотренного предела в семантике глагола. Соответствующая оппозиция — «действие предельное, направленное к внутреннему пределу / действие непредельное, не направленное к пределу» [Маслов 1978: 10] — является универсальной, так как противопоставление предельных и непредельных действий «основывается на преломленном сознанием объективных различиях, наблюдаемых во внеязыковой действительности» [Маслов 1978: 12]. А именно: объективно всякое действие, с одной стороны, обладает некоторой протяженностью во времени, а с другой стороны, эта протяженность ограничивается — или внутренним пределом действия, т.е. тем результатом, к которому приходит действие при своем беспрепятственном развитии, или же каким-то внешним препятствием, способным превратить как развитие стремящегося к внутреннему пределу действия, так и «бесперспективный» процесс или бесконечно длящееся состояние.

Здесь следует сделать отступление, касающееся понятия предельности. Существуют различные понимания предела и, соответственно, оппозиции П/НП. Помимо описанного выше понимания предела как естественного результата действия, т.е. его *внутреннего предела* («узкое» понимание), сложилось «широкое» понимание предельности. В его рамках предельными считаются все глаголы, в семантике которых наличествует указание на некую ограниченность действия, чем бы она ни была мотивирована — «естественным результатом» или же любым количественным пределом: временным — *посидеть, пролежать*; точечным скачком в новое состояние — *находить/найти*. Такой точки зрения придерживается А. В. Бондарко (см., например: Бондарко 1991; ему же принадлежит приведенная выше характеристика двух направлений в трактовке предельности как ее «широкого» и «узкого» понимания), М. А. Шелякин [Шелякин 1983, 2008], В. Брой [Breu 1984, 1985]. С этой позиции А. В. Бондарко различает предельность тендентивную (основана на понятии «естественного результата») и нетендентивную («скачок в новое», двусторонняя ограниченность делимитативов и пердуративов типа *посидеть, пролежать*) [Бондарко 1991]. Аналогичная трактовка узкого и широкого подхода к пониманию предельности наличествует и у А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева (Зализняк, Шмелев 2000: 53–54), причем авторы объявляют себя сторонниками использования понятий «предел» и «предельность» в узком смысле.

Известна и другая трактовка различия «широкого» и «узкого» понимания предельности: особенностью «широкого» понимания является представление предельности как направленности обозначаемого глаголом действия к внутреннему пределу, достижение которого означает исчерпанность действия и изменение состояния субъекта и/или объекта действия (см., например: Балин 1969, Andersson 1972); «узкое» понимание (см.: Павлов 1984) подразумевает под оппозицией П/НП реальное достижение/недостижение предела, а направленность действия к своему внутреннему пределу трактуется как трансформативность действия в рамках оппозиции трансформативность / нетрансформативность (см.: Горбов 1994). Понимание предельности как реального достижения конечного предела действия принято и в англоязычной аспектологической литературе, где предельность (*telicity*) также однозначно связывается только с «правой», конечной границей действия, его естественной «целью» (ср., например: Borik 2002).

В современной типологически ориентированной сопоставительной литературе по аспектологии четкое определение понятия предельности зачастую отсутствует, и читателю остается догадываться по косвенным признакам, что понимается под предельностью в работах того или иного исследователя. В некоторых случаях, как представляется, в рамках одной работы сосуществуют оба понимания. В качестве примера приведем следующие толкования предельности.

1. «Говоря о предельности, мы имеем в виду аналог понятия “*telicity*”, принятый в англоязычной литературе: предельными являются те глагольные предикаты, в значение которых входит указание на *достижение естественного предела*, после которого дальнейшее продолжение ситуации невозможно» [Татевосов 2005: 109, сн. 3] (курсив мой. — А. Г.).

2. «Непредельным предикатам противопоставлены предельные. Как известно, содержательно вторые отличаются от первых тем, что описываемая ситуация *рано или поздно* завершается к у л ь м и н а ц и е й, при которой с одним из партиципантов происходят качественные изменения» [Татевосов 2005: 124] (курсив мой. — А. Г.); далее в качестве примера приводится ситуация ‘таять’).

По-видимому, в целом наблюдается (зачастую неосознанная или открыто не декларируемая) тенденция смещения значения данного термина от «соотнесенности с конечным пределом» к «достижению предела».

Причина такого сужения, как представляется, кроется в том, что существующие тесты и другие средства формализации предельности — например, тесты на сочетаемость с инклюзивными обстоятельствами времени, проверка наличия свойства (анти)подынтервала (см. ниже) — выявляют не соотнесенность обозначаемой глаголом ситуации с пределом или ее направленность на достижение естественного предела, а лишь само достижение или недостижение такого предела.

Имеется, однако, еще одна трактовка предельности, представленная, в частности, в работах сторонников композиционного подхода к виду (см., например: Verkuyl 2001), провозглашающая прямой отказ от установления связи между понятиями «предельность» (terminativity/telicity) и «предел» (culmination point/end-point). Согласно такому пониманию, понятие предела, являясь онтологической категорией, не может быть применено в лингвистическом анализе; предельность есть свойство глагольной группы, которая в принципе не может быть соотнесена ни с каким пределом. Таким образом, предельность является чисто лингвистическим понятием, которое должно определяться в лингвистических терминах. При этом определяющим свойством предельных предикатов является их негомогенность (понятие гомогенности отождествляется со свойством подынтервала в соответствии с: Bennet, Partee 1972/1978).

Очевидно, что данная оппозиция П/НП, в основе которой лежит понятие естественного предела действия, релевантна для глаголов, обозначающих динамическое действие, т.е. «действие в собственном смысле», противопоставленное «состоянию или статическому отношению» [Маслов 1978: 10]. Следовательно, противопоставление предельного и непредельного действия предполагает другое — а именно, предварительное разбиение глагольной лексики на классы глаголов, обозначающих действие (в узком смысле — «собственно действие»), и глаголов, обозначающих состояния (и отношения). С другой стороны, непредельные действия (подкласс действий) и класс состояний и отношений могут быть логически объединены по признаку «непредельность», так как статические состояния и отношения естественным образом, вследствие природы обозначаемых ими явлений, не предполагают никакого предела.

В то же время в рамках класса предельных действий релевантно достижение/недостижение предела действием (ДП/НДП), которое характеризуется направленностью на естественный результат (внутренний предел). Именно последняя оппозиция лежит в основе противопоставления форм СВ и НСВ русских глаголов (имеются в виду чистовидовые пары), являясь семантической базой единственной грамматической аспектуальной оппозиции русского языка.

Все три оппозиции, основанные на аспектуальных признаках, представляющих в своей совокупности область качественной

аспектуальности (в рамках концепции Ю. С. Маслова⁸), находятся, таким образом, в иерархических взаимоотношениях:

Схема 1. Иерархия семантических оппозиций качественной аспектуальности (схема Ю. С. Маслова из: Маслов 1978: 10)

Однако если рассмотреть представленные выше семантические оппозиции с точки зрения их соотношения с реальными глагольными единицами, то выявится их неравноценность по отношению к таким единицам, как лексема и словоформа (=грамматическая аллолексема): в то время как оппозиции, занимающие два верхних уровня, релевантны для различных лексем (динамика/статика: *бежать* и *весить*; предельность/непредельность: *переписывать* и *ходить*), противопоставление ДП/НДП чаще релевантно в рамках одной и той же лексемы, что совершенно естественно, например, для языка (в частности, русского), аспектуальная оппозиция которого и основана на данном противопоставлении, ср.: *переписывать/переписать*.

Кроме неэквивалентности соотношения рассмотренных семантических оппозиций с такими языковыми единицами, как лексема и ее грамматические варианты, отметим также факт невозможности безостаточного распределения всей глагольной лексики языка (например, русского) среди противочленов трех семантических оппозиций, значащихся в вышеприведенной схеме⁹. Так, если зна-

⁸ Подробнее о зонах качественной и количественной аспектуальности в излагаемой концепции см. ниже.

⁹ Сразу оговоримся, что и здесь, и далее, в случае отсутствия специальных указаний противоположного характера, имеются в виду базовые глаголы, т. е. «непроизводные в рамках глагольной системы» [Петрухина 2000: 20], не являю-

чения русских глаголов *imperfectiva tantum* «покрываются» семантикой таких членов выделенных семантических оппозиций, как «состояние или отношение» (*знать, граничить*) и «динамическое неопредельное действие» (*работать*), то глаголы *perfectiva tantum* (например, *встыхнуть*) оказываются не охваченными ни одной из этих оппозиций, так как они, обозначая, с одной стороны, «предельное динамическое действие», с другой — не включают в свою семантику значения предвещающего достижение предела процесса. Таким образом, подобные лексемы, являясь предельными, в то же время не способны противопоставить достижение предела его недостижению (такие же особенности семантики характерны и для парных глаголов типа *находить/найти*), в отличие от предельных глаголов типа *перепиливать/перепилить*.

Явная недостаточность деления глагольных предикатов¹⁰ на два класса — предельных и неопредельных вытекает также из факта наличия различных частных значений в случае взаимодействия семантики предельных глаголов с семантикой некоторых аспектуальных граммем. В частности, испанские предельные глаголы типа *escribir* 'писать/написать' с одной стороны и типа *disparar* 'стрелять, выстрелить' — с другой по-разному ведут себя в прогрессиве. В форме *estar escribiendo* 'писать, заниматься писанием' свойственная граммеме прогрессива актуализация действия осуществляется посредством акцентирования семы процессности, в результате чего действие понимается в первую очередь как единичное и про-

щиеся в том числе и представителями каких-либо морфемно-характеризованных СД.

¹⁰ Ставить вопрос о предельном/непредельном характере глагольных предикатов (контекстно реализованных глагольных единиц), а не глагольных лексем представляется более корректным, так как тем самым снимается проблема двойственного по отношению к П/НП характера некоторых глаголов (например, многозначная лексема *писать* является неопредельной при абсолютном употреблении *Ребенок уже умеет писать* и предельной в ситуации *Он пишет письмо*). Впрочем, возможно использование и других вариантов номенклатуры, позволяющей решить вопрос с «ненужной» полисемией. Во-первых, используется противопоставление «лексема (которая может быть многозначной) — ее лексико-семантический вариант (всегда моносемичен)» (такая терминология характерна, например, для работ Горбова 1996, Петрухина 2000). Во-вторых, используется пара терминов «вокабула» — «лексема», — в такой номенклатуре «лексема» принципиально однозначна [Мельчук 2001: 437; Апресян 2009: 13]. Приведем одно краткое определение: «Лексема — это слово, взятое в одном из его значений. Объектом рассмотрения являются не слова, а лексемы» [Падучева 1996:105].

текающее в некий конкретный момент. Отсюда — возможность реализации словосочетаний типа *estar escribiendo una carta* ‘писать письмо, заниматься писанием письма’. В то же время в форме *estar disparando* ‘стрелять, заниматься стрельбой’ действие представляется как итеративное, что обусловлено отсутствием в семантике предельных глаголов такого типа семы процессности, вследствие чего как процесс может восприниматься лишь повторяемость подобных действий (поэтому возможно *estar disparando la escopeta* ‘стрелять из ружья, заниматься стрельбой из ружья’, но весьма спорно **estar disparando un tiro* ‘стрелять выстрел’).

Указанные противоречия могли быть разрешены двумя путями. Во-первых, возможно дифференцировать понятие предела (и предельности), выделив разные типы предела (и, соответственно, предельности). Этот вариант решения проблемы наиболее последовательно и эксплицитно представлен в работах А. В. Бондарко (см., например: Бондарко 1986, 1987, 1991), где под пределом понимается как «естественный результат» действия, так и другие типы ограниченности протекания действия — временной предел и скачок в новое состояние. В соответствии с этим предельность подразделяется на тендентивную (*дочитывать/дочитать, escribir*) и нетендентивную (*находить/найти, посидеть, проболеть, вспыхнуть, закричать, disparar*), — так называемое «широкое» понимание предельности. Схематично эту систему (применительно к русскому языку) можно представить следующим образом.

**Схема 2. Предельность/непредельность
и тендентивная/нетендентивная предельность русского глагола
в соотношении с подразделением на динамические и статические ситуации**

П ₁	— НСВ/СВ (<i>дочитывать/дочитать</i>)	} динамические предельные действия
П ₂	— НСВ/СВ (<i>находить/найти</i>)	
	— perf.t. (<i>*посидеть, проболеть, вспыхнуть, замолчать, побежать</i>)	
НП	— imp.t. (<i>спать, лежать, жить, знать, *хаживать, *почитывать</i>)	} состояния и отношения + динамические непредельные действия

(П₁ — тендентивная предельность, П₂ — нетендентивная предельность¹¹, знаком * отмечены представители морфемно-характеризованных способов действия).

¹¹ Отметим, что Ю. С. Маслов также оговаривал особый статус глаголов типа *вспыхнуть* среди предельных глаголов: «Обычно действие в своем протекании направлено к этому (самой природой данного действия предусмотренно-

Во-вторых, можно предположить наличие более дробной, чем деление по признаку предельности, аспектологически релевантной семантической классификации глагольной лексики.

Поясним соотношение аспектуальных классов глаголов и предельности / неопределенности в рамках концепции Ю. С. Маслова. Как это и следует из схемы 1, противопоставление динамики и статики, «действия в собственном смысле (т. е. изменения) и статического состояния (или отношения)», которое «обычно реализуется в языке как противопоставление двух классов глаголов»¹² [Маслов 1978: 11], иерархически крупнее, чем противопоставление П/НП, поскольку последнее деление релевантно только для класса «динамическое действие». Впрочем, отмечается и возможность более расширенного представления неопределенности, «т. е. неопределенного действия или состояния, объединяемых вместе» [Маслов 1978: 12].

Что же касается более мелких классов, чем разделение на обозначающие предельные и неопределенные действия глаголы (оставим в стороне лежащее в иерархии ниже деление предельности на достижение и не достижение предела, поскольку это противопоставление нормально осуществляется в рамках одной и той же — предельной — глагольной леммы), то в концепции Маслова в качестве таковых называются способы действия¹³. Ср.: «И в славянских, и во многих других языках предельность действия кон-

му) пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: *Он перепиливает бревно*). Иногда, однако, уже само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела (напр., у «моментальных» глаголов вроде *встхнуть*)» [Маслов 1984: 11]. Но глаголы типа *посидеть*, *проболеть* Маслов считал неопределенными на том основании, что их двусторонняя ограниченность является внешней, не вытекающей из внутренней сущности обозначаемых явлений — ср.: «Делимитативные и пердуративные глаголы чаще всего образуются от неопределенных глаголов и по своей лексической семантике являются, несмотря на СВ, неопределенными: соответствующие действия или состояния (бегание, сидение и т. п.) сами по себе не имеют естественного предела. Значение СВ связано здесь с внешним, чисто временным пределом, с определенной «порцией времени», ограничивающей течение действия или состояния...» [Маслов 1978: 79]. Из этого следует, что Маслов придерживался скорее «узкого» понимания предельности.

¹² Причем «в некоторых языках разграничение этих классов... выступает очень отчетливо» [Маслов 1978: 11]. В качестве примеров такого рода языков Ю. С. Маслов приводит китайский и дунганский языки, а также картвельскую и абхазско-адыгскую группу иберийско-кавказских языков, ссылаясь на исследования специалистов в данных областях частного языкознания [Маслов 1978: 11–12].

¹³ Вопрос о соотношении понятий способа действия и аспектуального, или акционального, класса (= характера действия) будет рассмотрен в следующем разделе.

кретизируется в ряде более частных аспектуальных значений, связанных с отдельными разновидностями результативного «способа действия». Многие из этих разновидностей представляют собой конкретную комбинацию значений, входящих в сферу качественной аспектуальности, с известными значениями, относящимися к количественной аспектуальности» [Маслов 1978: 16].

Рассмотрению различных вариантов подобного рода таксономий и будет посвящен следующий подраздел, причем речь пойдет как о способах глагольного действия, так и о характерах действия (= аспектуально-семантических, или акциональных, классах глаголов).

1.2.2. На сегодняшний день в аспектологии известно несколько вариантов аспектуально релевантных семантических классификаций глагольных единиц, разработанных как на базе русского языка (см., напр.: Маслов 1948, Булыгина 1982, Селиверстова 1982, Гиро-Вебер 1990, Падучева 1996), так и на материале других языков — в частности, английского (см.: Vendler 1967, Smith 1991/1997, Filip 1999), испанского (см.: Правдзивый 1974), карачаево-балкарского, багвалинского и марийского [Татевосов 2005], хакасского [Шлуинский 2006], турецкого [Johanson 1998], калмыцкого [Овсянникова 2009]¹⁴.

Подчеркнем, что речь будет идти именно о аспектуально релевантных семантических классификациях глагольной лексики. Чрезвычайно важным для понимания сущности рассматриваемого понятия — аспектуально-семантический (акциональный) класс глагола, или характер глагольного действия — и его таксономии является отграничение данной классификации от целого ряда существующих классификаций глагольных предикатов, учитывающих разного рода «лингвистически интересные» семантические признаки и такие явления, как валентность глагола, контролируемость/неконтролируемость ситуации каким-либо ее участником, каузацию действия и т. п. Так как подобные явления не имеют никакого отношения к «внутреннему времени» глагольного действия (о чем свидетельствует, в частности, принадлежность к одному и тому же — терминативному — характеру действия динамического, неуправляемого предиката *умирать* и динамического, управляемого *есть* (см.

¹⁴ Анализ аспектуально-семантических классификаций глаголов см. также в: Петрухина 1993.

Ван Валин, Фоли 1982: 383), они не существенны для разработки аспектуально релевантной классификации глаголов.

В то же время, даже если мы остаемся в рамках аспектуально релевантной таксономии, для нас оказываются возможны различные «степени приближения», различные варианты решения вопроса о том, что же следует считать релевантным при разработке классификации глагольных лексем. Например, при решении вопроса о классификации русских глаголов *imperfectiva tantum* принципиально возможны два подхода. Первый — не подвергать эту группу глаголов дальнейшей классификации, поскольку она получена путем применения аспектуального критерия самого высокого уровня: эти глаголы объединены одинаковым отношением к единственной грамматической аспектуальной оппозиции русского языка. В этом случае теряет смысл подразделение глаголов *imperfectiva tantum* даже на две группы, стативов и агентивов (по признаку активность/неактивность субъекта действия). Второй путь — учет более частных (чем соотношение с граммемами СВ и НСВ) параметров — например, способности сочетаться с наречиями *сейчас*, *всегда*, показателями кратности и итерации, обстоятельствами цели, способности образования производного делимитатива, сочетаемости с показателями начинательности и т. п.¹⁵ (см. созданную Е. В. Падучевой таксономию русских глаголов *imperfectiva tantum* [Падучева 1996: 122–151]). Представляется, что и тот и другой подход имеют право на существование, причем выбор стратегии при создании аспектуально релевантной таксономии должен определяться целями исследования.

Нужно отметить, что наиболее традиционной аспектологической классификацией является классификация по способам глагольного действия (СД). Учитывая то, что в рамках концепции Ю. С. Маслова именно СД «конкретизируют» как более «частные аспектуальные значения» «предельность действия» (см. приведенную выше цитату из: Маслов 1978: 16), вкратце остановимся на вопросе о способах глагольного действия и на различных трактовках этого понятия.

СД выделяются, с одной стороны, по общности словообразовательного форманта, с другой — по общности понятийного содер-

¹⁵ Впрочем, в этом случае в качестве аспектуально релевантных учитываются уже не только семантические признаки, традиционно охватываемые качественной аспектуальностью (в понимании Ю. С. Маслова — см.: Маслов 1978), но и круг значений, объединяемых количественной аспектуальностью, т. е. характеристика действия по количеству «крат» или непрерывности/прерывности осуществления, ограничению длительности и по степени интенсивности (Там же).

жения, позволяющего расклассифицировать глагольные лексемы. Эти два критерия, несомненно, тесно связаны: общий словообразовательный формант и является «виновником» однотипного для всех глаголов данной группы изменения смыслов, т. е. источником модификации базового глагола, того «преломления» исходного денотативного содержания, которое связано с явлением языковой интерпретации (о языковой интерпретации см.: Бондарко 1992). Однако к СД обычно относят¹⁶ не только связанные с определенными словообразовательными формантами группы глаголов (так называемые морфемно-характеризованные СД), но и группы непроединенных глаголов, объединенных неким общим значением (морфемно-нехарактеризованные СД). Таким образом, критерий выделения СД не является однозначным. Будем считать описанный вариант решения вопроса о сути распределения глагольной лексики по СД «широким» подходом. Именно этот подход, являющийся в первую очередь семантическим¹⁷, с обязательностью предполагает отнесенность каждого глагола (в том числе и базового) к одному из СД, и именно он принят в рамках Петербургской аспектологической школы.

Представляется, что в данной ситуации мы все же имеем дело с совмещением явлений разных уровней и различной природы. Морфемно-характеризованные СД, объединяющие глаголы в первую очередь по наличию в них определенного словообразовательного форманта¹⁸ и обусловленной этим формантом одинаковой для всех глагольных лексем этого СД трансформацией первоначальных смыслов, — явление внутриязыковое, идиоэтническое, свой-

¹⁶ Исключение составляет концепция, представленная в: Авилова 1976; см. также трактовку понятия СД в: Грамматика 1980, принадлежащую Н. С. Авиловой; см. также: Горбов 1998.

¹⁷ В числе приверженцев семантического подхода к СД (его также называют «грамматико-семантическим» подходом) можно назвать Э. Кошмидера [Кошмидер 1962], Ю. С. Маслова [Маслов 1959, 1965, 1984], А. В. Бондарко (см.: Бондарко 1971, 1976 и более поздние работы), М. А. Шелякина [Шелякин 1972, 1983, 1987, 2008]. Подробнее о трактовке понятия СД и о двух существующих подходах к нему — «грамматико-семантическом» и «словообразовательно-модификационном» см. ниже, в разделе 2.2, посвященном аспектологической терминологии.

¹⁸ Здесь мы сознательно несколько упростили реальную картину, поскольку в действительности допускается обслуживание одного СД несколькими словообразовательными типами при условии сохранения семантической общности выделенного СД (см., например: Грамматика 1980).

ственное лишь данному конкретному языку (русскому, немецкому, испанскому и т. п.). Являясь чисто интерпретационной категорией, такого рода СД могут не находить соответствий в других языках. Такими «специфически славянскими» СД являются делимитативы и пердуративы (ср. в русском языке: *посидеть, погулять, поработать* (немного); *просидеть, прогулять, проработать* (весь день)). Им противостоят морфемно-нехарактеризованные СД, объединяющие глаголы лишь по некой общности их значений, причем эта общность не связана с каким-либо словообразовательным формантом, семантика которого может стать общим интерпретационным компонентом в значении глагольных лексем. Следовательно, общность значений глаголов, объединяемых в нехарактеризованные СД, не является чем-то привнесенным, а проистекает, по-видимому, из однотипности, некоего денотативного сходства реальных действий, отраженных в означаемых этих глаголов. Таким образом, «нехарактеризованные СД» — это явление совсем другого порядка, межъязыковое, имеющее соответствия в различных языках и могущее служить базой для сопоставительного исследования (т. е. по сути, речь идет о чисто семантической классификации, выходящей за рамки одного конкретного языка).

Итак, имея в виду существование различных подходов к понятию способов действия, следует подчеркнуть, что группировки морфемно-характеризованных СД, без упоминания о которых не обходится ни одна из концепций СД русского глагола, по своему статусу принципиально отличаются от понятия аспектуально-семантических глагольных классов (характеров глагольного действия¹⁹) как явление идиоэтническое от явления универсаль-

¹⁹ Термин «характер (глагольного) действия», использовавшийся в ряде наших работ [Горбов 1994; Горбова 1996, 1999], оказался менее востребованным, чем появившийся позже термин «акциональный класс (глагола)». В последние годы он стал весьма широкоупотребительным и превратился в бесспорного победителя среди целого ряда конкурировавших ранее терминологических наименований, таких как Aktionsart, «семантический тип предиката», «аспектуальный класс», «лексический вид», «тип ситуации / ситуационный тип», «аспектуально-семантический класс», «характер (глагольного) действия». В: Горбова 1996, 1999, 2010 параллельно использовались два последних термина. Следует отметить, что зафиксирован термин „character“ of the verb [Bertinetto, Delfitto 2000: 217, примеч. 2] как имеющий хождение в литературе параллельный термин к используемому авторами понятию «actionality». Необходимо также указать на существование практики обозначения термином «акциональность» такой частной области аспектологии, как учение о способах глагольного действия (Akti-

ного. Так, уже в самой ранней по времени создания аспектуально-семантической классификации, разработанной на базе русского языка [Маслов 1948], отчетливо просматривается это кардинальное различие между классификацией СД²⁰ и аспектуально релевантной семантической классификацией глаголов: в одну из подгрупп разряда «глаголы пребывания и бесперспективного протекания», формируемого глаголами *imperfectiva tantum*, на равных основаниях входят и непроизводный глагол *болеть* и производный глагол *побаливать* прерывисто-смягчительного СД (по классификации М. А. Шелякина [Шелякин 1982: 32–39]); в другую подгруппу этого же разряда — глаголы *плакать*, *дразнить* с одной стороны и *напевать*, *отплясывать*, *выплясывать*, *приплясывать* — с другой.

Таким образом, таксономия характеров глагольного действия, в отличие от группировок способов действия, должна иметь универсальный характер, так как она основывается на некотором (весьма небольшом) количестве универсальных семантических признаков, характеризующихся как аспектуально релевантные, т. е. имеющих отношение к представлению внутренней структуры глагольного действия.

В частности, в сопоставительном исследовании на материале славянских языков [Петрухина 2000] семантическими признаками базовых глаголов, «обладающими наибольшей значимостью для видообразования и выражения параметров протекания действия во времени словообразовательными средствами (т. е. для фазисно-временных модификаций базовых глаголов)», названы «динамичность / статичность, гетерогенность / гомогенность, терминативность / нетерминативность, мгновенность / немгновенность», причем здесь же отмечается, что «набор данных параметров достаточно традиционен» [Петрухина 2000: 22]. В семантико-дедуктивной модели, релевантной (по мнению автора) как для славянских (русский и чешский), так и для неславянских языков (английский) Г. Кучеры, предложены три класса глаголов: процессы, события и состояния — деление, которое также отсылает нас к противопоставлениям динамичности / статичности, гетерогенности / го-

onsarten) (см., например: Насилов 1989), а также о проблемах аспектологической терминологии [Плунгян 2000: 292–293, 2011: 378–380].

²⁰ Здесь, так же как и в дальнейшем, будут иметься в виду морфемно-характеризованные СД всегда, когда затрагивается это понятие. Отношение к СД как к словообразовательно-модификационным группам глаголов оказывается более удобным при разработке аспектуально релевантной таксономии глагольной лексики, претендующей на универсальность.

могенности и терминативности / нетерминативности (см.: Кушера 1983, Петрухина 1990). Сходный подход присутствует и у В. А. Плунгяна, включающего в свою «акциональную классификацию предикатов (в их наиболее «глагольной» части)» разделение ситуаций на состояния и динамические ситуации, которые в свою очередь делятся на процессы (непредельные и предельные) и события [Плунгян 2011: 115].

Укажем также на то, что акциональные классы глаголов (характеры действия) относятся по своей сути к криптотипическим («скрытограмматическим») категориям: не имея эксплицитного выражения, такая категория «проявляется», обнаруживает себя и демонстрирует свою значимость исключительно при взаимодействии с категориями «открытограмматическими», в процессе функционирования в речи той единицы, компонентом которой она является²¹.

В полном соответствии с вышеизложенным, у Ю. С. Маслова [Маслов 1948] предлагаемая семантическая классификация глаголов служит базой для объяснения некоторых внутренних свойств грамматической категории вида русского языка, особенностей ее функционирования, в частности проблемы видовой соотносительности, невозможности выступать в некоторых частных видовых значениях, видовой «дефектности», результатом которой являются глаголы *perfectiva* и *imperfectiva tantum*. В аспектуально-семантической классификации, разработанной на базе английского языка З. Вендлером [Vendler 1967], разбиение глаголов на классы также проводилось на основании особенностей их функционирования и отношения к аспектуальной оппозиции прогрессив/непрогрессив. Автор использует с этой целью два критерия: возможность/невозможность употребления данного глагола (в его «основном значении») в продолженной форме, т. е. в форме прогрессива, и возможность/невозможность сочетания глагола с инклюзивными обстоятельствами времени (типа *за <в> два часа*) — свидетельство того, что речь идет о категориях области «скрытой грамматики» в понимании Б. Уорфа и С. Д. Кацнельсона [Уорф 1972, Кацнельсон 1972]. В результате последовательного применения этих двух критериев З. Вендлер получает четыре семантических класса глаголов: *Activities* (глаголы деятельности, или аген-

²¹ Ср.: «Вхождение слова в определенный класс не устанавливается до тех пор, пока оно не будет употреблено с одним из специальных типов предложения, и тогда обнаруживается, что данное слово принадлежит к классу, который выявляется через специальную различительную процедуру, причем таковой может являться даже отрицательная процедура исключения определенного типа предложения. Эту различительную процедуру можно назвать скрытой активностью, или скрытой формой проявления категорий» [Уорф 1972: 47].

тивы — *run, push a cart*), Accomplishments (глаголы исполнения, или терминативы — *get up, write a letter*), Achievements (глаголы достижения, или моментативы — *find the key, reach the top*) и States (глаголы состояния, или стативы — *know, love*)²².

Авторский вариант акциональной классификации, претендующей на универсальность, изложен в [Горбова 2010: 15–24]. Подчеркнем, что толчком для разработки подобного рода таксономии послужили работы Ю. С. Маслова, а также сама постановка вопроса в его работе 1948 г. [Маслов 1948]. Кроме того, чрезвычайно важны и основные положения общаспектологической концепции Маслова, изложению которых будет посвящен самостоятельный раздел.

2. Аспектологическая терминология в типологическом аспекте

2.1. «Неудовлетворительное состояние лингвистической терминологии общеизвестно», — этой печальной констатацией начинает Ю. С. Маслов очерк «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии» (1965) — работу, специально посвященную обсуждению вопросов аспектологической терминологии. «Постоянный разнобой между языковедами в использовании одних и тех же терминов, — пишет он далее, — а также большое количество находящихся в обращении терминов-дублетов существенно затрудняют понимание лингвистической литературы и отрицательно сказываются на самом развитии нашей науки. Поэтому давно пришла пора уделить соответствующим вопросам то внимание, которого они заслуживают» [Маслов 1965: 53].

Приведенные выше слова Юрия Сергеевича как нельзя более актуальны и в настоящее время, спустя почти полвека после их написания. Более того, в современной аспектологии, особенно в той ее части, которая претендует быть типологической, терминология еще более далека от «удовлетворительного» состояния. Ниже мы попытаемся продемонстрировать это на примере разбора употребления таких терминов (и соответствующих им понятий), как аспект (вид), актуальность с одной стороны и способ

²² Термины «терминативы», «агентивы», «моментативы» и «стативы» принадлежат В. П. Недялкову [Недялков 1986: 125–126].

действия (Aktionsart), акциональность — с другой²³. Разумеется, предлагаемое обсуждение никак не претендует на полноту рассмотрения всех терминологических проблем аспектологии²⁴. Нашей целью является лишь подтверждение факта непреходящей актуальности вопросов аспектологической номенклатуры и в наши дни.

2.2. Как известно, основой общей аспектологии послужило признание способности любого языка к выражению семантики, определяемой как показ внутреннего времени действия, «внутренней структуры ситуации» [Comrie 1976: 2], обозначаемой глаголом. Иначе и не могло быть, так как, по совершенно справедливому замечанию А. Вежбицкой, «для того чтобы сравнивать языки (или что бы то ни было еще) нам необходимо *tertium comparationis* (т. е. основание для сравнения). Это основание для сравнения не может быть обеспечено языковой формой, или языковой структурой, поскольку они различаются от языка к языку, но оно может быть обеспечено значением» [Вежбицкая 1999: 51]²⁵.

Как отмечает Вальтер Брой, «в последнее время удалось доказать существование видовых систем и в других языках мира, которые в принципе функционируют подобно славянской оппозиции СВ и НСВ, хотя и с различиями в деталях». Здесь же он констатирует очень интересную трансформацию взглядов, происшедшую не так давно и оцениваемую им как «иронию истории языкознания»: если «еще несколько десятилетий назад отрицалось существование вида как грамматической категории в неславянских языках», то «теперь все громче и громче раздаются голоса, доходящие из неславянской среды, которые хотят вытеснить славянскую оппозицию видов из ее центральной роли на периферию или вообще отвергнуть грамматическую категорию вида в славянских языках» [Брой 1997: 49].

²³ Следующий раздел частично воспроизводит публикацию: Горбов, Горбова 2003.

²⁴ Наличие «терминов-дублетов» — давно уже привычное явление в лингвистике. Поэтому, не приводя здесь всех фактов подобного рода, мы, как это и принято в литературе, будем специально оговаривать каждый случай параллельного употребления терминов или различного понимания одного и того же термина при его первичном появлении в нашем изложении.

²⁵ Ср. сходные высказывания в: Маслов 1962: 8–9; 1978, 1984.

Как «иронию истории языкознания» можно оценить также тот неутешительный факт, что уже довольно хорошо описанные и дифференцированные в рамках славянской аспектологии понятия в «неславянской среде» либо не дифференцируются, либо в них вкладывается иное содержание, в результате чего возникает многозначность терминов. При этом никаких попыток воспользоваться опытом славянской аспектологии, как правило, не наблюдается, хотя речь идет не о специфических для славянских языков явлениях, а об общеаспектологических понятиях.

Рассмотрим историю дифференциации и осмысления понятий аспект (вид), аспектуальность — с одной стороны и способ действия (СД), акциональность — с другой в рамках славянской аспектологии. Она начинается, как известно, в 1908 г., когда Сигурд Агрелль впервые сформулировал понятие способа действия как отличное от понятия вида и описал свыше двадцати способов действия на материале польского языка [Agrell 1908]. С. Агрелль пишет: «Под способом действия (Aktionsart) я подразумеваю не две основных категории славянского глагола, не формы, обозначающие незаконченные и законченные действия (имперфективный и перфективный глагол), — эти категории я называю *видами* (Aspekte). Термином *способ действия* я обозначаю те до сих пор почти вовсе не привлекавшие внимания и тем более никем не классифицировавшиеся *семантические функции* приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), *которые уточняют, как совершается действие*, обозначают *способ его осуществления*» [Агрелль 1962: 36].

В дальнейшем подход С. Агрелля развивался наиболее последовательно в рамках так называемой «грамматическо-семантической» концепции способов действия, представленной в работах Э. Кошмидера, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина и некоторых других исследователей. Приведем мнение Ю. С. Маслова из его работы 1965 года «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии» (оно остается актуальным и для его более поздних работ, в частности: Маслов 1984): «Способы действия — это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов. Они выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия, но не составляют рубрик единой классифи-

кации и, следовательно, в широких масштабах перекрещиваются между собой» [Маслов 1965: 71].

Далее Маслов отмечает: «...Дальнейшая разработка этого понятия могла бы идти по линии его подразделения, то есть по линии выявления отдельных его разновидностей (за которыми следовало бы закрепить какие-то другие термины, но, конечно, не общий родовый термин “способ действия”, или Aktionsart).

В частности, способы действия можно было бы подразделить на а) такие, которые имеют морфемную характеристику (т.е. представляют собой известные словообразовательные разряды, продуктивные или непродуктивные), и б) такие, которые не имеют определенной морфемной характеристики и проявляют себя лишь в своем специфическом функционировании» [Маслов 1965: 71].

Примечательным представляется тот факт, что русская аспектология в разработке понятия способа глагольного действия развивалась в точности по сценарию, приведенному выше, хотя сам Ю. С. Маслов до конца жизни придерживался «широкого», так называемого грамматико-семантического понимания способа действия, идущего от С. Агрелля. Проследим в общих чертах ход развития этого понятия.

Первая группа из предложенного Масловым подразделения способов действия, а именно «такие, которые имеют морфемную характеристику» — и только она — была определена представителями так называемой «словообразовательно-модификационной» концепции — А. В. Исаченко и Н. С. Авиловой²⁶ как морфемно-характеризованные способы действия. Вторая группа, в рамках этой концепции трактуется как аспектуально-семантические классы — «характеры действия»²⁷.

Несколькими десятилетиями позже²⁸, с учетом достижений активно развивающегося семантического направления в грамматике (соответственно и в аспектологии), у истоков которого нахо-

²⁶ Н. С. Авиловой принадлежит раздел о способах глагольного действия в академической «Русской грамматике» [Грамматика 1980]. В русле этой же концепции лежит понимание способов действия, предложенное в: Зализняк, Шмелев 2000: 104.

²⁷ Термин принадлежит А. В. Исаченко. Узаконить его для обозначения выделенной им группы «б» способов действия предлагал Ю. С. Маслов [Маслов 1965: 71], однако широкого употребления в современной аспектологической литературе этот термин не получил.

²⁸ См., в частности: Горбов 1994, 1998; Горбова 1996, 1999.

дятся работы Ю. С. Маслова [Маслов 1948] и З. Вендлера [Вендлер 1967], был предложен новый ракурс рассмотрения соотношения способов действия и характеров действия. В некотором смысле был предложен синтез обеих концепций СД — «грамматико-семантической» и «словообразовательно-модификационной». Как более широкое трактуется понятие характера глагольного действия, так как «все глаголы (или, с учетом полисемии, глагольные значения) могут быть сгруппированы по сходству аспектуально-семантических признаков таким образом, что в одной группе будут объединены и простые и производные глаголы, относимые к морфемно характеризованным СД. При этом окажется, что такая классификация универсальна, так как проводится на основе универсальных семантических признаков, причем количество группировок (классов) ограничено и невелико, поскольку ограничено и невелико количество дифференциальных признаков, по которым проводится классификация. Группы, на которые будут подразделяться глаголы (глагольные значения) по аспектуально-семантическому принципу, можно условно называть семантическими глагольными классами или, употребляя термин А. В. Исаченко, *характерами глагольного действия* (при этом, в отличие от трактовки А. В. Исаченко, понятие характера глагольного действия охватывает все глаголы, независимо от их парности / непарности и производности / непроизводности)» [Горбов 1998: 44–45]²⁹.

Итак, в рамках этого последнего подхода СД понимаются узко, т. е. как морфемно характеризованные, а характеры действия — максимально широко, таким образом, что к одному и тому же аспектуально-семантическому классу (= характеру действия, акциональному классу)³⁰ относятся как простые глаголы — морфемно не характеризованные, так и производные — относящиеся к некоторым СД. Например, в класс моментативов входят на равных основаниях и глаголы типа *рухнуть, замолчать, победать*, и глаголы типа *приходить/прийти, находить/найти, а* в класс агенти-

²⁹ См. варианты универсальных аспектуально релевантных классификаций глагольных лексем в: Брой 1997, Смит 1998, Татевосов 2005, Горбова 2010.

³⁰ Для обозначения этого же понятия в русской традиции также используется термин «семантический — или аспектуальный — тип предиката» [Плунгян 2000: 293].

вов и глаголы типа *жить, лежать, спать, болеть*, и глаголы типа *побаливать, полеживать, хаживать*³¹.

Отношение к обсуждаемым понятиям в славянской аспектологии существенно не отличается от описанных выше взглядов, характерных для традиционной русской концепции вида. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «Категория вида, как правило, включается во множество грамматических категорий языка, в частности, она строго отделяется от сходных с видами неграмматических категорий, также терминологически. Обычно выделяются две такие категории: лексико-грамматическая категория (характеризованных) способов действия или совершаемостей (Aktionsarten) и лексическая категория характера глагольного действия или нехарактеризованных способов действия. В западноевропейской литературе последняя определяется как лексический вид, а для обозначения вида в узком смысле слова чаще всего употребляется термин грамматический вид» [Кароляк 1995: 94]. Или: «В качестве центра функционально-семантической категории аспектуальности в славянских языках выступает грамматикализованная категория совершенного и несовершенного вида. На периферии аспектуальности находятся так называемые лексические виды, а именно частично грамматикализованные способы действия (СД) и неграмматикализованные³² аспектуальные классы (АК)» [Климонов 1997: 111].

³¹ Напомним, что характеры действия относятся к скрытограмматическим категориям, группирующим слова по принципу единства грамматического функционирования. Все глаголы, отнесенные выше к моментативам, характеризуются тем, что они не способны выражать актуально-длительное значение НСВ либо вследствие того, что являются глаголами *perfectiva tantum*, либо, при наличии формы НСВ, именно вследствие своего моментативного характера. Глаголы, объединенные в класс агентивов, являются глаголами *imperfectiva tantum*, но, в отличие от стативов типа *принадлежать, относиться*, способны к формированию актуально-длительного значения НСВ (если этим последним обстоятельством пренебречь, то агентивы и стативы в русском языке можно объединить в единый класс на основе их одинакового отношения к оппозиции СВ—НСВ).

³² Что касается мнения о «неграмматикализованности» аспектуальных глагольных классов, то оно принадлежит автору приводимой цитаты и не совпадает с нашим мнением (см. предыдущую сноску, где речь идет о скрытограмматическом характере аспектуальных глагольных классов (=характеров глагольного действия)).

Нельзя, впрочем, не отметить, что даже в этих двух кратких фрагментах славистических работ имеются расхождения в понимании «лексического вида»: у С. Кароляка он равен понятию «характер глагольного действия или нехарактеризованные СД», а у В. Климонова в «лексический вид» включаются не только «аспектуальные классы», но и способы глагольного действия в их узком понимании³³.

Что же касается неславянской аспектологии, то в целом для нее, за редкими исключениями (как, например, Comrie 1976), весьма характерно терминопотребление, манифестируемое следующим образом: «традиционно противоположение вида как грамматической категории способам действия как категории лексической» [Squartini 1998: 13]³⁴. Впрочем, М. Сквартини в своем обзоре аспектологической литературы в главе «Отношение между аспектом и акциональностью», кроме приведенной выше формулировки, соответствующей «морфологическому» подходу к различию между обсуждаемыми понятиями, выделяет еще две позиции: констатирующую отсутствие различий между аспектом и акциональностью и утверждающую наличие семантической

³³ Термин «лексический вид» восходит к работе Говарда Г. Гэрея «Глагольный вид во французском языке» [Гэрей 1962: 345–354], где он, по сути, обозначает не что иное, как категорию предельности / неопределенности, как отметил Ю. С. Маслов [Вопросы 1962: 413].

³⁴ Ср. со следующей цитатой из Gramática 1999: «...La información aspectual puede venir proporcionada por las unidades léxicas cuando funcionan como predicados. En concreto, los verbos –los predicados por excelencia — son portadores, por el propio contenido semántico de su raíz, de información relacionada con el modo en que tiene lugar el evento que describen (con o sin límite, con o sin duración, de forma única o repetida, etc.). Esta noción léxico-semántica es lo que se conoce tradicionalmente con el término alemán de Aktionsart o con su traducción más frecuente, ‘modo de acción’. Aquí se utilizará el término de ‘aspecto léxico’ para hacer referencia a esta propiedad semántica inherente a los predicados». — «...Аспектуальная информация может выражаться лексическими единицами в случае их функционирования в роли предикатов. В частности, глаголы — типичные представители предикатов — самим семантическим содержанием своих корней передают информацию, имеющую отношение к способу реализации того события, которое они описывают (наличие или отсутствие предела, наличие или отсутствие длительности, единичность или итеративность и т. д.). Это лексико-семантическое понятие традиционно обозначается немецким термином Aktionsart или его наиболее употребительным переводом “способ действия”. В данной работе при описании этой семантической особенности, присущей предикатам, будет использоваться термин “лексический аспект» [Gramática 1999: 2981].

дифференциации между ними [Squartini 1998: 10–18]. Детальное обсуждение и критика обозначенных М. Сквартини позиций не входит в наши задачи, тем более что сам автор уделяет этим вопросам достаточно внимания. Отметим лишь тот факт, что еще в 1962 г. Ю. С. Маслов во вступительной статье к сборнику переводных аспектологических работ «Вопросы глагольного вида» привел убедительные аргументы против весьма популярной уже в то время и восходящей к идее Г. Якобсона [Jakobson 1926/Якобзон 1962] концепции наличия семантических различий между видом и способами действия, сводящиеся к следующему: аспект отражает субъективную оценку действия говорящим, а способы глагольного действия — объективные различия, существующие в самих действиях [Вопросы 1962: 10–13]. М. Сквартини, приводя свои, также весьма убедительные, подкрепляемые анализом материала итальянского языка, аргументы, направленные против подобной трактовки вида и СД, начинает «с чистого листа», игнорируя как высказанные более полувека назад мысли Ю. С. Маслова, так и практически все последующее развитие аспектологической мысли.

Завершая наше рассуждение об аспектуальных категориях и аспектологической терминологии, выскажем следующие соображения.

В общей аспектологии, коль скоро она является общей, с необходимостью должны учитываться разработки и достижения частных лингвистик. Игнорирование опыта, накопленного в рамках старейшего варианта аспектологии — славянского, неизбежно отрицательно скажется на развитии этого раздела общего языкознания вследствие появления случаев «повторного изобретения велосипеда».

Однако вопросы аспектологической терминологии по-прежнему являются весьма и весьма актуальными, поскольку положение дел в современной аспектологии, при котором термины являются многозначными, также объективно препятствует ее успешному развитию.

Предлагаемый вариант терминопотребления имеет уже некоторую традицию в славянской и сопоставительной аспектологии и прошел, как представляется, успешную апробацию в рамках сопоставительно-аспектологических исследований на материале славянских, романских и германских языков.

Аспектуальность — самое широкое аспектологическое понятие, включающее в себя все определяемые ниже понятия как более частные. Аспектуальность объединяет все языковые средства, прямо или косвенно связанные с представлением внутренней временной структуры глагольной ситуации.

Аспект (вид)³⁵ глагола — грамматическая категория, план содержания которой сводится к представлению внутренней структуры, «внутреннего времени» глагольного действия. В соответствии с этим аспектом (видом) следует считать не только оппозицию СВ / НСВ в славянских языках, но и такие грамматические противопоставления, как, например, прогрессив / непрогрессив, аорист / имперфект.

Способы (глагольного) действия (Aktionsarten) — словообразовательные разряды глаголов, выделяемые по наличию словообразовательного форманта (словообразовательных формантов с единым планом содержания), обуславливающего однотипную для всех глагольных лексем, входящих в тот или иной СД, трансформацию значения, характерного для соответствующего непроизводного глагола. Именно способы действия следовало бы иметь в виду при употреблении термина «акциональность» (см., впрочем, сноску к следующему терминологическому наименованию).

Характеры (глагольного) действия (=аспектуально-семантические классы глаголов³⁶) — аспектуально значимая классификация глагольных лексем, относящаяся к области скрытой грамматики и частично пересекающаяся с оппозицией предельность—непредельность. Принадлежность глагола к тому или иному характеру действия проявляется при взаимодействии с имею-

³⁵ Наряду с синонимичным употреблением терминов «вид» и «аспект» «закрепляется тенденция использовать термин вид применительно к славянской оппозиции совершенный ~ несовершенный вид, а термин аспект — для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта)» [Плунгян 2000: 293].

³⁶ Как уже отмечалось, имеются еще два синонимичных терминологических наименования — «таксономическая категория» (Т-категория), принадлежащее Е. В. Падучевой (1994, 1996), и «акциональный класс» В. Броя (1997), причем Брой поясняет, что «термин *акциональный* употребляется вместо *аспектуальный* на лексическом уровне» «чтобы избежать терминологического смешения лексического и грамматического уровней» [Брой 1997: 68].

щейся в языке грамматической категорией аспекта (аспектов). В отличие от способа глагольного действия — словообразовательного, следовательно, идиоэтнического явления — базовые (однокомпонентные) характеры глагольного действия³⁷ являются категорией принципиально универсальной. Разработка единой универсальной (акциональной) классификации характеров глагольного действия (аспектуально релевантных типов глагольных предикатов) является одной из актуальных проблем общей аспектологии³⁸.

С удовлетворением отмечаем, что предложенный здесь вариант терминопотребления, равно как и типологический подход к разграничению основных аспектологических понятий, в общих чертах согласуются с типологической концепцией, представленной у В. А. Плунгяна [Плунгян 2000, 2011], который пишет: «...В настоящее время термин *aspect* принято в основном связывать с группой “количественно-линейных”³⁹ грамматических значений глагола (морфологически выражаемых как в славянских, так и во многих других языках мира), понятия “состояние”, “процесс” и т. п. соотносят с недавно предложенным родовым термином *actionality* (в русской традиции ему в основном соответствует эквивалент *семантический* — или *аспектуальный* — *тип предиката*), а термин *Aktionsart* в грамматической типологии не используется, так как точный смысл ему в этой сфере придан быть не может» [Плунгян 2000: 293].

³⁷ Об однокомпонентных (базовых) и двухкомпонентных (составных) характерах действия см.: Горбова 2010. Несколько иной подход представлен в: Зализняк, Шмелев 2000: 31–36, где базовые в нашем понимании характеры действия трактуются как «онтологическая основа русской видовой системы» и названы терминами «события, процессы, состояния» (соответственно «моментативы, агентивы и стативы» в нашей терминологии).

³⁸ Существующие на сегодняшний день варианты классификаций характеров глагольного действия (=аспектуально-семантических, акциональных классов глагола) см. в: Маслов 1948, Vendler 1967, Мелиг 1985, Гиро-Вебер 1990, Падучева 1994, Горбова 1996, Брой 1997, Климонов 1997, Смит 1998, Горбова 1999, 2010; Miguel 1999; Плунгян 2000, 2011; Татевосов 2005; Шлуинский 2006; Лютюкова и др. 2006.

³⁹ Выделяемые В. А. Плунгяном [Плунгян 2000: 294] внутри аспектуальной зоны «количественные» и «линейные» группы значений в точности совпадают с проведенным Ю. С. Масловым разграничением количественной и качественной аспектуальности [Маслов 1978: 9–10], хотя автор и не упоминает в этой связи данную работу, а ссылается на более поздние работы С. Дика и И. А. Мельчука [Dik 1989, Мельчук 1998].

Как можно видеть, единственное расхождение между предложенным нами и принятым В. А. Плуныным терминопотреблением заключается в трактовке термина «акциональность (actionality)» (см. выше). Причины склонности лингвистов именовать одним термином — «акциональность» — и морфологизированные способы действия и семантически аспектуально значимую таксономию имеют и историческую обусловленность (см. работу С. Агрелля [Агрелль 1908/1962], в которой речь шла о значениях, а иллюстрациями послужили имеющие аффиксальные маркеры польские глаголы), и вполне прагматическое основание. Последнее сводится к предпочтительности однословного терминологического наименования перед неоднословным. Именно поэтому английский термин «actionality», обобщивший явление, называемое в западной лингвистике чаще всего немецким термином «Aktionsart» (русс. ‘способ действия’), оказался удобен и применительно к способам действия, и применительно к характерам действия. Единственное (и очень серьезное!) неудобство возникает при желании провести четкую границу между этими двумя явлениями, каждое из которых — по иронии судьбы — уже получило на этом участке лингвистической терминологии традицию именования одним и тем же термином.

3. Концепция общей и сопоставительной аспектологии: основные принципы и понятия

В основе общеаспектологической концепции Санкт-Петербургской (Ленинградской) аспектологической школы лежит концепция Ю. С. Маслова, формировавшаяся и развивавшаяся на протяжении нескольких десятилетий и к концу 1970-х годов принявшая вид стройной системы, свободной от внутренних противоречий. В наиболее полном виде положения этой концепции представлены в статье «К основаниям сопоставительной аспектологии» [Маслов 1978] и очерке «Об основных понятиях аспектологии» [Маслов 1984], однако ее отдельные важные принципы были сформулированы в более ранних работах [Маслов 1959, 1962, 1965, 1973]. В данном разделе мы остановимся на следующих основных компонентах теории Маслова: 1) предмет аспектологии: глагольный вид и аспектуальность, категория времени и глагольный вид;

2) функционально-семантическое поле аспектуальности и его компоненты⁴⁰.

3.1. Предмет аспектологии охватывает всю совокупность явлений, связанных с характеристикой протекания действия⁴¹, обозначаемого глаголом. Еще в работах 1960-х годов Ю.С.Маслов отмечал, что аспектуальное содержание может получать в языках различное выражение, не сводясь к противопоставлению совершенности/несовершенности славянского типа. Область значений, изучаемых аспектологией — «функционально-семантическое поле аспектуальности»⁴² — включает в себя такие характеристики протекания и распределения действия во времени, как ограниченность/неограниченность пределом, достижение/недостижение внутреннего предела, представление ситуации как целостного факта или как протекающего процесса, актуальность последствий действия для более позднего временного плана (перфектность), кратность, длительность, выделение той или иной фазы действия (фазовость), различие между собственно действием, состоянием и отношением. Все эти характеристики так или иначе раскрывают структуру «внутреннего времени» действия.

Аспектуальные значения по своей природе наиболее близки темпоральным и часто настолько тесно взаимодействуют с ними, что в отношении многих языков следует говорить скорее о системе видо-временных форм глагола, чем отдельно о грамматических формах вида и времени. Признавая это, Ю.С.Маслов все же подчеркивал, что «размежевание указанных категорий (времени и вида. — А. Г.) даже там, где они сливаются в одной форме, вполне осуществимо» [Маслов 1978: 5].

Это важное размежевание, уже ставшее достаточно традиционным в современном языкознании, сегодня, тем не менее, является

⁴⁰ Освещение такой важной части теории Маслова, как семантика различных видовых оппозиций, здесь отсутствует, поскольку такое изложение потребовало бы существенно расширить объем данной работы.

⁴¹ В отношении значения термина «действие» Ю.С.Маслов писал: «Под “действием” здесь и в дальнейшем понимается любое явление, обозначенное с помощью глагольной формы (или глагольной формой и зависящих от нее слов)» [Маслов 1978: 6, сноска].

⁴² Понятие «функционально-семантического поля аспектуальности», как и сам термин «аспектуальность», введено в научный обиход А.В.Бондарко [Бондарко 1967].

очевидным не для всех исследователей. В качестве примера можно привести работы лингвистов, трактующих категорию глагольного времени как некую «векторную» категорию.

Вид обычно трактуется как интерпретация протекания действия во времени (ср. у Э. Кошмидера «Zeitrichtung» — временное направление), причем здесь имеется в виду объективное время (time), а не глагольная категория времени (tense). Что же касается времени как глагольной грамматической категории, то ее семантикой в классическом понимании является определение положения описываемой ситуации относительно некоторой точки отсчета на оси времени («Zeitstufenbezug» Э. Кошмидера [Кошмидер 1962: 135–137]). Такой точкой обычно служит «момент речи», т. е. период речи, представленный в отвлечении от своей протяженности. Именно положением описываемой ситуации по отношению к моменту речи и определяется ее отнесенность к прошедшему (предшествование моменту речи), настоящему (одновременность моменту речи) или будущему (следование за моментом речи).

Такая упрощенная трактовка семантики категории времени без внесения в нее необходимых дополнений и уточнений не может не вызывать возражений, поскольку не объясняет наличия во многих языках относительных временных форм типа плюсквамперфекта или будущего в прошедшем, относительных употреблений типа *Он сказал, что придет*, а также употреблений форм времени в переносных значениях. Именно неприятие этой трактовки и побуждает, по-видимому, некоторых лингвистов к созданию новых теорий глагольного времени, которые можно назвать «векторными», поскольку термин «вектор» широко в них используется, а глагольное время признается векторной категорией. Авторами таких теорий являются, в частности, Гильермо Рохо и Аллен Тимберлейк. Так, А. Тимберлейк предлагает «понимание грамматического времени как операции, порождающей цепочку, или вектор, от одного временного плана к другому» [Тимберлейк 1998: 447]. Понимание сущности категории глагольного времени (как, впрочем, и категории вида в русском языке) основано у Тимберлейка на применении признака одновременности описываемой глаголом ситуации одному из трех временных планов, которые он вслед за Бл. Августином называет «настоящим бывших вещей, настоящим ныне существующих вещей и настоящим будущих вещей». Для того чтобы сообщить что-либо о прошлом или о будущем, говорящий, по Тим-

берлейку, должен построить некие векторы, исходящие из речевой ситуации и направленные соответственно в «настоящее в прошедшем» или в «настоящее в будущем» [Тимберлейк 1998: 445]. Более того, Тимберлейк считает, что построение вектора необходимо и для выражения «настоящего ныне существующих вещей», поскольку «доступ к настоящему... опосредован ментальным действием интуиции или наблюдения» [Тимберлейк 1998: 445], однако не уточняет, откуда этот вектор исходит и куда он направлен.

Сходная точка зрения на категорию времени представлена в гораздо более ранней работе Гильермо Рохо [Rojo 1988⁴³]. Указывая на неадекватность традиционной концепции времени, в которой граммы времени соотносят описываемую ситуацию с моментом речи, он возражает против применения в описании этих грамм в испанском языке «экстралингвистических понятий прошедшего, настоящего и будущего». Вместо этого Рохо, так же, как и Тимберлейк, представляет временные отношения, выражаемые в речи глагольными формами, в виде цепочки «векторов», которые, однако — в этом отличие его концепции от концепции Тимберлейка — могут исходить не только из «текущей речевой ситуации» (читай: момента речи), но и из других точек отсчета, заранее соотнесенных с моментом речи. При этом могут выражаться временные отношения трех типов: предшествование ($-V$), одновременность ($^{\circ}V$) и следование ($+V$). На этой основе Рохо строит систематическую таблицу всех временных форм испанского глагола (воспроизведена на с. 64). В ней по вертикали размещаются возможные точки отсчета, а по горизонтали — временное соотношение глагольной формы с точкой отсчета.

Как видим, в таблицу включены все (за исключением прогрессивных) видовременные формы испанского глагола, которые могут осознаваться как формы индикатива. При этом различие между ними всегда описывается как чисто временное, и никогда — как видовое (аспектуальное). Так, например, форма *Pretérito simple* отличается от *Imperfecto* тем, что первая обозначает ситуацию, предшествующую моменту речи, а вторая — ситуацию, одновременную точке отсчета, предшествующей моменту речи. Для формы *Pasado*

⁴³ Концепция Г.Рохо присутствует также в недавно изданной академической грамматике испанского языка [Gramática 1999], где перу Рохо (в соавторстве с А. Вейга) принадлежит глава 44 — «Глагольное время. Простые глагольные времена» [Rojo, Veiga 1999].

Соотнесенность с точкой отсчета	-V (предшествование)	° V (одновременность)	+V (следование)
Точки отсчета			
О <момент речи>	<i>llegué</i> (аорист, Pretérito simple)	<i>llego</i> (Presente)	<i>llegaré</i> (Futuro simple)
О-V <предшествование моменту речи>	<i>había llegado</i> (Pluscuamperfecto) <i>hube llegado</i> (Pretérito anterior)	<i>llegaba</i> (Imperfecto)	<i>llegaría</i> (Condicional simple)
О°V <?>	<i>he llegado</i> (перфект, Pasado compuesto)	—	—
О+V <следование за моментом речи>	<i>habré llegado</i> (Futuro compuesto)	—	—
((О-V)+V) <следование за моментом, предшествующим моменту речи>	<i>habría llegado</i> (Condicional compuesto)	—	—

compuesto (перфект) введена специальная точка отсчета О°V, положение которой на оси времени автором не определяется, в результате чего значение испанского перфекта в этой концепции остается неясным⁴⁴. Характерен также отказ Рохо от анализа форм прогрессива, обусловленный, по-видимому, тем, что эти формы невозможно «вписать» в предложенную им систему.

Таким образом, оказывается, что понимание глагольного времени как «векторной» категории приводит к признанию по крайней мере некоторых аспектуальных оппозиций чисто темпоральными и отрицанию существования категории глагольного вида (аспекта) в некоторых языках. Так, В. В. Гуревич [Гуревич 1998], высказывая точку зрения, концептуально весьма сходную с позицией Г. Рохо,

⁴⁴ Исходя из условного обозначения, а также из общеизвестных определений перфекта, согласно которым для него релевантно сохранение результата действия в настоящем, можно было бы предположить, что данная точка отсчета есть некоторый момент, совпадающий с моментом речи. В таком случае, однако, непонятно отличие этой точки от имеющейся в приведенной таблице точки О <момент речи>.

пишет о значении формы английского прогрессива: «Эта форма... обозначает не всякий длящийся процесс, а лишь процесс, одновременный какому-то выделенному моменту (*He was still working when we returned*), и, следовательно, значение этой формы не чисто видовое... а прежде всего временное...». В конце статьи автор приходит к выводу о том, что видовые значения в английском языке «не закреплены за особыми формами глагола», что «свидетельствует об отсутствии в этом языке собственно категории глагольного вида» [Гуревич 1998: 149].

Такие концепции, однако, представляются неприемлемыми в силу следующих причин.

1. Введение понятия вектора в концепции, трактующие глагольное время и темпоральность, не имеет под собой логических оснований. Для исправления классической теории глагольного времени в ее самом упрощенном варианте достаточно признать, что момент речи является не единственной точкой отсчета, относительно которой определяется положение на оси времени описываемой ситуации — такой точкой отсчета может служить и точка, отличная от момента речи, но уже сориентированная относительно этого момента. Такая трактовка не является новой и представлена во многих работах (см., например: Холодович 1960; Падучева 1996; Бондарко 1999). При этом сущностью категории глагольного времени (*tense*) остается определение положения ситуации на оси времени. Из категорий аспектуально-темпорального комплекса только вид может быть описан как категория в некотором смысле «векторная», т. е. имеющая отношение к «направлению» (*«Zeitrichtung»*), к движению («протеканию»); языковая же категория времени «векторной» являться не может, поскольку никакое положение не может характеризоваться направлением.

2. Оппозиции типа имперфект—аорист и прогрессив—непрогрессив не могут быть признаны временными, поскольку признаки одновременности, предшествования и следования относительно некоторой точки отсчета не характеризуют абсолютных употреблений имперфекта в испанском языке или прогрессива в английском (типа *Aquí vivían mis abuelos* или *Fiona was working on her essay last night*). Для объяснения таких случаев в рамках «векторных» теорий приходится, как это делает Г.Рохо, вводить особую имплицитную точку отсчета в прошедшем, которой будут одновременно описываемые в данных примерах ситуации. При этом единственным ло-

гическим основанием для введения такой точки отсчета является тот факт, что без этой референциальной точки данная концепция «не срабатывает».

Что же касается различий между значениями глагольных форм в примерах типа *Fiona worked on her essay last night* и *Fiona was working on her essay last night*, то вряд ли правомерно описывать их как темпоральные, а не аспектуальные. И в том, и в другом случае описывается ситуация, имевшая место в прошлом, но во втором предложении она представлена как конкретная, актуализованная, что создает эффект эмпазы, логически выделяет данный фрагмент высказывания, представляя действие в его длительности, продолжительности⁴⁵.

Таким образом, при применении «векторных» теорий времени в описании семантики видо-временных форм наблюдается искажение реального соотношения между темпоральностью и аспектуальностью. Это приводит исследователей к полному отрицанию существования некоторых аспектуальных оппозиций и, в конечном счете, аспектуальности вообще, что нельзя признать оправданным уже в силу того, что в некоторых языках наряду с грамматической категорией времени существует и грамматическая категория вида, проходящая через всю глагольную парадигму, т. е. распространяющаяся на все временные планы.

3.2. В рамках Санкт-Петербургской (Ленинградской) аспектологической школы плодотворным развитием концепции Ю. С. Маслова явилось применение в аспектологических исследованиях полевого подхода, предложенного и разрабатываемого А. В. Бондарко [Бондарко 1967, 1999]: характеристика протекания и распределения действия во времени рассматривается как содержание поля аспектуальности — универсальной функционально-семантической категории, формируемой единицами разных уровней языковой организации. Для выражения этого содержания каждый язык располагает набором лексических, словообразовательных и грам-

⁴⁵ О конкретной/абстрактной ситуации как семантической основе противопоставления прогрессив—непрогрессив см., напр.: Касевич 1988: 199, где также указывается на известный параллелизм этого противопоставления определенности/неопределенности в сфере именных категорий. О конкретности, «актуализации» действия как категориальном значении прогрессива см. также: Горбова 1996а: 68, 1996б.

матических средств, удельный вес которых в разных языках не совпадает.

А. В. Бондарко выделяет следующие основные компоненты функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности: «а) система, объединяющая ряды грамматических (морфологических) форм с однородным содержанием, т. е. грамматическая (морфологическая) категория вида; б) видовые образования и их группы, характеризующиеся неполной грамматикализацией (ограниченным охватом глагольной лексики и грамматических форм глагола, недостаточной регулярностью); в) видовые элементы форм с видо-временным значением (или с временным значением, осложненным дополнительными аспектуальными элементами); г) сочетания с “фазовыми” глаголами (со значением начала, продолжения и конца действия) и другие аналитические аспектуальные конструкции (иногда тесно примыкающие к аналитическим формам); д) синтаксические средства с дополнительными аспектуальными функциями (например, конструкции типа “чем больше... — тем сильнее” в русском языке; е) способы действия (Aktionsarten); ж) оппозиция предельных/непредельных (терминативных/атерминативных) глаголов и глагольных значений; лексические обстоятельственные показатели типа “долго”, “мгновенно”, “постепенно”, “медленно”, “часто”, “вдруг”; и) различные комбинированные средства аспектуального контекста, в том числе относящиеся к области “скрытой грамматики”» [Бондарко 1983: 86].

Обычно аспектуальность рассматривается как целостное поле, как единая функционально-семантическая категория, но наряду с этим подходом возможен и другой, впервые примененный А. В. Бондарко [Бондарко 1987] и заключающийся в подразделении аспектуальности на несколько полей, объединяемых в группировку, которая включает в себя функционально-семантические поля (ФСП) лимитативности, длительности, кратности, фазовости, перфектности, акциональности, стательности, реляционности. Таким образом, поле аспектуальности — это сложная структура, состоящая в свою очередь из ряда более частных полей.

Полевой подход, характерный для отечественной функциональной лингвистики, обнаруживает бесспорное удобство для типологически ориентированных аспектологических исследований, поскольку позволяет описать все многообразие разноуровневых языковых средств, используемых в языках для выражения аспекту-

альной семантики, в том числе и в тех случаях, когда исследователь имеет дело с языком, не имеющим ядра поля аспектуальности в виде грамматической оппозиции (оппозиций).

4. В заключение, не возвращаясь к проблематике «лексической аспектуальности» (=сферы акциональности), основоположником которой в рамках современной отечественной лингвистики также является Ю. С. Маслов (см. раздел 1), попытаемся кратко охарактеризовать некоторые направления современной аспектологии в ракурсе их соприкосновения с положениями общеаспектологической концепции Маслова.

Начнем с двухкомпонентной теории вида Карлоты С. Смит [Smith 1991/1997, Смит 1998]. Данная теория была представлена как аспектуальная концепция, отличающаяся «системным подходом к виду». «Такой подход предполагает общую, относящуюся к Универсальной Грамматике схему аспектуальных систем и категорий, допуская при этом вариации, свойственные конкретным языкам» [Смит 1998: 406].

Суть этой теории сводится в основном к следующему. Речевые высказывания содержат аспектуальную информацию двух типов. Ракурсы — такие, как перфектив и имперфектив, — отражают, как объектив фотоаппарата, ситуацию целиком или частично. Ситуационные типы — такие, например, как событие и состояние, — позволяют адресату понять характер ситуации, на которую «наводится объектив». Ракурс и ситуационный тип и являются двумя универсальными компонентами аспектуальных систем. Таким образом, двухкомпонентная теория описывает принципиальное соотношение между ракурсом и ситуационным типом, охватывая синтаксис, семантику и прагматику аспекта [Смит 1998: 404].

Изложенная теория вида по своей сути очень близка идеям Санкт-Петербургской (Ленинградской) аспектологической школы, основанной на теории общей аспектологии Ю. С. Маслова и на концепции функционально-семантического поля аспектуальности А. В. Бондарко (эти имена в работах К. Смит не упоминаются). Если мы переведем терминологический аппарат американской исследовательницы на более привычный для нас метаязык, то сходство станет очевидным. Ракурсы — это не что иное, как аспектуальные граммы, а ситуационные типы — аспектуально-семантические классы глаголов (= семантические типы предикатов, или характе-

ры глагольного действия, или акциональные классы). Трактовка аспектуального значения на уровне высказывания как результирующей величины при взаимодействии категориального значения соответствующей темпоральной граммемы, категориального значения аспектуальной граммемы (или граммем), характера глагольного действия (=акциональности), а также аспектуально и темпорально значимых элементов контекста представлена, в частности, в диссертационном исследовании (см.: Горбова 1996а, 2011)⁴⁶; соответственно здесь выступают четыре компонента, а не два. В двухкомпонентной теории влияние элементов контекста также учитывается, хотя и не в качестве самостоятельного компонента, а с помощью весьма остроумного хода — введения понятия о категориях базового и производного уровней ситуационных типов.

Таким образом, двухкомпонентная теория вида К. Смит, созданная позже и вне непосредственного влияния идей Ю. С. Маслова, обнаруживает сходное развитие мысли исследователя (любопытно, что молодые аспектологи прямо называют работы Маслова в ряду работ приверженцев «так называемых двухкомпонентных теорий вида» [Аркадьев 2007: 173].

Еще одно активно развивающееся в последние годы направление аспектологических исследований, имеющее явно выраженный типологический акцент, можно рассматривать как развитие идеи межъязыкового сопоставления категории аспектуальности в разноструктурных языках и соответствующих подходов, которые занимают одно из центральных мест в общей аспектологии Ю. С. Маслова. Это направление, репрезентируемое работами Дж. Байби и Э. Даля [Bybee 1985; Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Dahl (ed.) 2000]. Интересно отметить имеющиеся отличия в методологии межъязыковых исследований в рамках школы Маслова и в рамках так называемого подхода «Байби—Даль» [Dahl 2000: 6]. В первом случае наиболее перспективными методами сопоставительной аспектологии считаются анализ перевода текста и лингвистический эксперимент [Маслов 1978/2004], а во втором — (первичный) материал, полученный от информантов путем заполнения ими переводных анкет, (первичный) материал из различного рода корпусов текстов и (вторичные) данные, извлеченные из уже существующих

⁴⁶ Оба диссертационных исследования учитывали теоретические положения аспектологической концепции Ю. С. Маслова.

частных описательных грамматик анализируемых языков [Dahl 2000: 4]. Поскольку анализ перевода текста является одним из видов корпуса (параллельный корпус), а заполнение информантами переводных анкет можно рассматривать как вид лингвистического эксперимента, получаем полную эквивалентность способов получения первичного языкового материала. Однако наиболее предпочтительными в том и другом направлении оказываются разные методы: корпуса параллельных текстов в сопоставительной аспектологии Маслова и анкетирование информантов в рамках подхода Байби—Даля. Э. Даль называет «мечтой типолога» наличие в его распоряжении многоязычного корпуса параллельных текстов с соответствующей грамматической разметкой [Dahl 2000: 6] и, ссылаясь на необходимость учета стоимости [Dahl 2000: 4] проводимого исследования, высказывается в пользу использования метода анкетирования информантов. Если принять во внимание то обстоятельство, что сопоставительные исследования в рамках школы Маслова проводились на материале, как правило, двух, реже — трех языков, а такие типологи, как Дж. Байби и Э. Даль работают на материале нескольких десятков языков, оказанные предпочтения становятся понятными.

В общем, думается, что даже из этого очень далекого от полноты обзора состояния дел в рамках современной общей аспектологии можно сделать вывод о жизнеспособности, продуктивности и актуальности основных положений того варианта общей аспектологии, который был создан Ю. С. Масловым, выдающимся российским лингвистом. Можно без преувеличения сказать, что труды Юрия Сергеевича заложили основы типологически ориентированной аспектологии, и современные исследования в этой отрасли языкознания часто идут в русле идей, высказанных ученым несколько десятилетий назад, хотя этот факт и не всегда четко осознается авторами новых аспектологических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова 1976 — *Н. С. Авилова*. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Агрелль 1962 — *С. Агрелль*. О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 35–38.

- Апресян 2009 — Ю. Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов // Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.
- Аркадьев 2007 — П. М. *Аркадьев*. Лексические и грамматические параметры аспектуальности в адыгейском языке // Структуры и интерпретации. Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. МГУ, 2007. С. 172–194.
- Балин 1969 — Б. М. *Балин*. Соотношение основных понятий аспектологии // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. III, Челябинск, 1969. С. 130–134.
- Бондарко 1967 — А. В. *Бондарко*. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // ВЯ, 1967, №2. С. 18–31.
- Бондарко 1971 — А. В. *Бондарко*. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1976 — А. В. *Бондарко*. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1983 — А. В. *Бондарко*. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 1986 — А. В. *Бондарко*. Семантика предела // ВЯ, 1986, №1. С. 14–26.
- Бондарко 1987 — А. В. *Бондарко*. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко 1991 — А. В. *Бондарко*. Предельность и глагольный вид (На материале русского языка) // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. 50, 1991, №3. С. 195–207.
- Бондарко 1992 — А. В. *Бондарко*. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // ВЯ, 1992, № 3. С. 5–20.
- Бондарко 1996 — А. В. *Бондарко*. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко 1999 — А. В. *Бондарко*. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.
- Брой 1997 — В. *Брой*. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Семантика и структура славянского вида. Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków, 1997. С. 49–73.
- Ван Валин, Фоли 1982 — Р. Д. *Ван Валин*, У. *Фоли*. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 376–410.
- Вежбицка 1999 — А. *Вежбицка*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Гиро-Вебер 1990 — *М. Гиро-Вебер*. Вид и семантика русского глагола // ВЯ, 1990, №2. С. 102–112.
- Гэрей 1962 — *Г. Гэрей*. Глагольный вид во французском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 345–354.
- Горбов 1994 — *А. А. Горбов*. Сопоставительный анализ аспектуальных значений глаголов в текстах русской драматургии и их переводах на немецкий язык. Автореф. дис.... канд.филол.наук. СПб., 1994.
- Горбов 1998 — *А. А. Горбов*. О понятии «способ действия» и его отношении к аспектуальности // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. С. 41–46.
- Горбов, Горбова 2003 — *А. А. Горбов, Е. В. Горбова*. О соотношении понятий «аспектуальность» и «акциональность» в общей аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 5. Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика. СПб., 2003. С. 12–23.
- Горбова 1996а — *Е. В. Горбова*. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале художественных текстов). Дис.... канд.филол.наук. СПб., 1996.
- Горбова 1996б — *Е. В. Горбова*. К вопросу о семантическом потенциале прогрессива в испанском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вестник СПбГУ. Сер. 9. 1996. Вып. I, № 2. С. 101–104.
- Горбова 1999 — *Е. В. Горбова*. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999. С. 7–13.
- Горбова 2003 — *Е. В. Горбова*. Двухкомпонентная теория вида: прогрессивно-лимитативный ракурс испанского глагола и его соответствия в русском языке // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 5. Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика. СПб., 2003. С. 131–144.
- Горбова 2010 — *Е. В. Горбова*. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамемы: вопросы взаимодействия. СПб., 2010.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Гуревич 1998 — *В. В. Гуревич*. Видовая семантика в русском и английском языках // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Исаченко 1960 — *А. В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Часть II: Морфология. Братислава, 1960.
- Кароляк 1995 — *С. Кароляк*. Понятийная и видовая структура глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków, 1995. С. 93–112.

- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Климонов 1997 — В. Д. Климонов. Аспектуальные классы и их грамматическая семантика // Семантика и структура славянского вида. II. Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków, 1997. С. 111–125.
- Кошмидер 1962 — Э. Кошмидер. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза (пер. с польск.) // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105–167.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. 7. 1948. С. 303–316.
- Маслов 1959 — Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157–312.
- Маслов 1962 — Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 7–32.
- Маслов 1965 — Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965. С. 53–80.
- Маслов 1973 — Ю. С. Маслов. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Советское славяноведение, 1973, № 4. С. 73–83.
- Маслов 1978 — Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4–44.
- Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мелиг 1985 — Х. Р. Мелиг. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 227–249.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II. М., Вена, 1998.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. IV. М., Вена, 2001.
- Насилов 1989 — Д. М. Насилов. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989.
- Недялков 1986 — В. П. Недялков. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 124–135.
- Недялков 1987/2006 — В. П. Недялков. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; М.: 2006. С. 180–195.

- Павлов 1984 — В. М. Павлов. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 42–70.
- Падучева 1989 — Е. В. Падучева. Вид и лексическое значение глагола // Научно-техническая информация. Серия 2, 1989, № 12. С. 24–31.
- Падучева 1994 — Е. В. Падучева. Семантика видового противопоставления и таксономическая категория глагола // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 7–31.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Языки русской культуры. М., 1996.
- Петрухина 1993 — Е. В. Петрухина. К проблеме аспектуально релевантной классификации глагольной лексики в русском языке // Studia Rossica Posnaniensia. Vol. XXXIII. Poznań, 1993.
- Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарскими языками. М., 2000.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Правдзивый 1974 — А. А. Правдзивый. Видовая актуализация настоящего и прошедшего времени глагола в испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 1974.
- Смит 1998 — К. С. Смит. Двухкомпонентная теория вида / пер. с англ. В. В. Гуревича // Типология вида, проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // ВЯ, 2005. № 1. С. 108–140.
- Тимберлейк 1998 — А. Тимберлейк. Вид глагола как история // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 443–453.
- Уорф 1972 — Б. Л. Уорф. Грамматические категории (пер. с англ.) // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 44–60.
- Холодович 1960 — А. А. Холодович. Время, вид и аспект в современном японском языке // Вестник Ленинградского университета. 1960, № 14. Вып. 3. С. 3–11.
- Шелякин 1972 — М. А. Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1972.

- Шелякин 1982а — *М. А. Шелякин*. Об аспектуальном понимании способа, характера и типа глагольного действия // Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Вып. 625. Тарту, 1982. С. 21–31.
- Шелякин 1982б — *М. А. Шелякин*. О моделировании функционально-семантической категории русского языка (тезисы) // Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Вып. 625. Тарту, 1982. С. 32–39.
- Шелякин 1983 — *М. А. Шелякин*. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин, 1983.
- Шелякин 1987/2006 — *М. А. Шелякин*. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; М., 2006. С. 63–85.
- Шелякин 2008 — *М. А. Шелякин*. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.
- Шлуинский 2006 — *А. Б. Шлуинский*. Акциональные классы глаголов в хакасском языке // Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2006. С. 165–168.
- Якобзон 1962 — *Г. Якобзон*. [Из рецензии на книгу Якоба Вакернагеля «Лекции по синтаксису»] // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 39–40.
- Agrell 1908 — *S. Agrell*. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lund, 1908.
- Andersson 1972 — *S.-G. Andersson*. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen // *Studia Germanistica Upsaliensia* 10. Uppsala, 1972.
- Bennet, Partee 1978 — *M. Bennet, B. Partee*. Toward the Logic of Tense and Aspect in English. Bloomington, 1978.
- Bertinetto, Delfitto 2000 — *P. M. Bertinetto, D. Delfitto*. Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart // Dahl, Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000. Pp. 189–226.
- Borik 2002 — *O. Borik*. Aspect and reference time. Doctoral dissertation. Utrecht, 2002.
- Breu 1984 — *W. Breu*. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // *Die Welt der Slaven*. XXXIX. I. N. F. VIII. I. München, 1984.
- Breu 1985 — *W. Breu*. Handlungsgrenzen als Grundlage der Verbklassifikation // *Slavist. Beiträge*. Bd. 184. München, 1985.
- Bybee 1985 — *J. L. Bybee*. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Cohen 1993 — *D. Cohen*. El aspecto verbal. Madrid, 1993.

- Comrie 1976 — *B. Comrie*. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl*. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000. Pp. 3–26.
- Dik 1989 — *S. C. Dik*. The Theory of Functional Grammar. Part I: The Structure of the Clause. Dordrecht, 1989.
- Filip 1999 — *H. Filip*. Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics. New York, 1999.
- Gramática 1999 — Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid, 1999.
- Guillaume 1929 — *G. Guillaume*. Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris: H. Champion, 1929.
- Johanson, Csato 1998 — *L. Johanson, E. A. Csato* (eds). The Turkic Languages. London, New York, 1998.
- Kučera 1983 — *H. Kučera*. A semantic model of verbal aspect // *Americ. Contr.* 1983. Pp. 171–184.
- Miguel 1999 — *E. De Miguel*. El aspecto léxico // Real Academia Española. Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid, 1999. Pp. 2977–3060.
- Rojo 1988 — *G. Rojo*. Temporalidad y aspecto en el verbo español // *Lingüística española actual*. 1988. 10/2. Pp. 195–216.
- Rojo, Veiga 1999 — *G. Rojo, A. Veiga*. El tiempo verbal. Los tiempos simples // Real Academia Española. Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid, 1999. Pp. 2867–2933.
- Smith 1991/1997 — *C. Smith*. The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht, 1997. [1th ed.: 1991]
- Squartini 1998 — *M. Squartini*. Verbal periphrases in Romance Aspect, Actionality and Grammaticalization. Berlin, New York, 1998.
- Vendler 1967 — *Z. Vendler*. Verbs and times // *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967. Pp. 97–121.
- Verkuyl 2001 — *H. J. Verkuyl*. Aspectual composition: surveying the ingredients // *Proceedings of the Utrecht perspectives on aspect conference*. December 2001. P. 201–219.

Ф. А. Елова

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И ПАМЯТЬ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ)

Когда в 1976 году я поступила в Ленинградский университет, курс «Введение в языкознание» читали два блестящих человека — Юрий Сергеевич Маслов и Евгений Дементьевич Панфилов. Моему потоку этот курс читал Панфилов, — Юрий Сергеевич читал западникам. Предмет меня заинтересовал, я старалась ходить на лекции и того и другого. С самого начала меня поразило, насколько сильно отличался курс «в исполнении» Маслова и Панфилова. Казалось, что речь шла о двух разных научных подходах — если не двух разных науках (хотя это впечатление можно списать на мою научную неискушенность).

Евгений Дементьевич читал индуктивно, эмпирически: он шел от *parole*, от примеров из собственной жизни — живых и часто смешных историй. Отчего-то я часто вспоминаю его прелестный пример на гиперкоррекцию в использовании множественного числа при вежливом обращении — продавица в универмаге сказала ему: «Вы нагрузились, как ослы...». Пример действительно очень характерный — в моем сознании слова продавицы поворачивают время вспять и возвращают меня в атмосферу советского универмага, возвращается особенное чувство нагруженности, сложности добывания пропитания и, вместе с тем, ожидания некоторого чуда. «Каждый сам себе волхв и верблюд», — писал по этому поводу И. Бродский. На лекциях Панфилова много смеялись, но кубики примеров собирались во вполне четкую схему.

Юрий Сергеевич Маслов говорил негромко и начинал всегда с главного, с общей схемы, ничего не упрощая; его слушали с напряженным вниманием. Он удивлял мягким светом глаз, нездешней снисходительно-мягкой интонацией, каким-то особым достоинством и выправкой девятнадцатого века. Это было царство *langue* и дедукции. И было очевидно, что эта благородная сложная простота являет собой высокий образец научной риторики и что нам, слушателям, несказанно повезло.

О Юрии Сергеевиче Маслове я думаю с огромной благодарностью. Мы неизбежно воспринимаем мир через призму собственного опыта. И в моей жизни Юрий Сергеевич сыграл чрезвычайно важную роль. Именно он много лет назад, своим неслышимым тихим голосом сформулировал мысль о необходимости отделения новогреческой филологии. В жизни Маслова это был крошечный эпизод, — он был блестящим болгаристом и славистом; при кафедре общего языкознания, которой он руководил, действовало отделение албанской филологии, созданное Агнией Васильевной Десницкой, и не просто действовало в лучших традициях балканистики — оно во многом определяло и продолжает определять развитие современной балканистики. Казалось, что этого вполне достаточно и что Маслова с его аналитическим складом ума больше волнует теоретический уровень обобщения, чем судьба частной филологической традиции. Тем не менее идея создания новогреческого отделения была сформулирована именно им. Его предложение было реализовано — и мир отчасти изменился, он стал многограннее и богаче.

Сейчас, когда студенты новогреческого отделения имеют счастье слушать лекции моих коллег — балканистов с мировым именем, а студенты албанского отделения замечательно овладевать новогреческой филологией, я очень надеюсь, что Юрий Сергеевич был бы доволен.

Мы смогли погрузиться в волшебный греческий континуум, принять участие в захватывающей языковой игре. Сегодня, благодаря своему «греческому» опыту, я знаю, что все в этом мире преходяще и неповторимо, что миры исчезают — как исчезла Византия, как в три дня дотла сгорела веселая и роскошная греческая Смирна, как ушел в небытие космополитический и избыточный оттоманский Стамбул. Так что, в конечном счете, память — это единственная возможность противостояния смерти, исчезновению, распаду. Филология — наука, напрямую связанная с памятью; видимо, это прежде всего и имеется в виду, когда ее называют гуманитарной наукой.

И потому в данном сборнике, посвященном памяти Ю. С. Маслова, я бы хотела остановиться на теме, очень интересной и безусловно напрямую связанной с идеей противостояния распаду и забвению.

Про лексикон новогреческого кем-то удачно было сказано, что он напоминает книгу архивных записей, куда внесены только рождения, а смерти не фиксируются. И действительно, слова в новогреческом не исчезают, древнегреческое слово в любой момент «явочным порядком» может быть введено в новогреческий.

Историческая тенденция ориентации на аттицистическую норму действовала далеко не прямолинейно. Внешние условия влияли на формирование языка так, что в одни периоды доминировало

давление аттикистических традиций, а в другие серьезную роль играл разговорный язык. Свидетелями взаимодействия и борьбы этих двух тенденций — центростремительной и центробежной мы являемся и в настоящее время.

В XIX и XX вв. этот конфликт отражался в разрыве между двумя вариантами новогреческого языка — «кафаревусой», созданной в начале XIX в. архаизаторами, и демотикой, которая была упорядочена в конце XIX в. радикальными сторонниками ориентации на устно-разговорную речь. И даже признание демотики официальным языком Греции в 1976 г. отнюдь не устранило все трудности. Непосредственным проявлением рассматриваемых противоречий является греческий «языковой вопрос», с трагической силой зазвучавший в конце XVIII в., — вопрос о необходимости выбора между прошлым и настоящим. Такого прошлого, как у греков, в европейском контексте не было ни у кого, и отказаться от попыток сохранения древнегреческого для многих греков до сих пор означает лишиться самой драгоценной части своего культурного наследия.

Ориентироваться, подобно новым европейским языкам, на разговорную норму? Перестать оглядываться на волшебный сад, отказаться от мысли снова войти в ту же реку, перестать думать о возрождении великого прошлого, — для многих греков и сегодня это означает потерять себя. Ниже будет сделана попытка показать неоднозначность и сложность данной ситуации и прокомментировать диалектику взаимодействия понятий «власть» и «язык», проблему «власть языка» на примере греческой лингвистической ситуации.

Спор архаизаторов и новаторов проходит через всю историю греческого языка. Взаимосвязь различных эпох с точки зрения вечного «аттикистического конфликта» с наглядностью предстает в следующем примере. В 1901 и 1904 гг. были осуществлены новые переводы на демотику трагедий Эсхила и Нового Завета; частично эти переводы были опубликованы в газете «Акрополь».¹ Афинское студенчество, подстрекаемое традиционалистски настроенными профессорами и прессой, намеревалось разгромить редакцию этой газеты и организовало ряд демонстраций. В результате в улич-

¹ Интересно, что впервые перевод Нового Завета на новогреческий был осуществлен уже в 1628 году по инициативе константинопольского патриарха Кирилла Лукариса.

ных столкновениях погибли люди. Парадоксальность ситуации заключается в том, что текст Нового Завета, неприкосновенность которого отстаивали крайние пуристы, подвергался в первые века нашей эры суровому осуждению со стороны их духовных предшественников — сторонников аттикизма. Все они, начиная с Фриниха из Вифинии, осуждали Новый Завет за приниженность и простонародность стиля. Таким образом, через 18 веков конфликт повторился. Именно такой временной промежуток понадобился для того, чтобы текст, первоначально не соответствовавший эталонным образцам, сам стал выступать в роли эталона.

Данные факторы обусловили столь отчетливый консерватизм греческой лексики, отличающий ее от лексики других балканских языков. Это позволяет нам утверждать, что новогреческий — самый «небалканский» язык в кругу Балканского языкового союза. Очевидно, что в данном случае языковой вопрос является прежде всего вопросом политическим и идеологическим — по крайней мере, в истории греческого языка дело обстояло именно таким образом. О греческом языковом вопросе — *ὑλωστικό ζήτημα* — существует море литературы. Эта тема продолжает и сегодня волновать греков, поскольку они искренне верят, что непосредственным следствием изменения языка станет потеря самоидентификации. Именно по этой причине языковой вопрос, как Протей, ускользает от понимания исследователей, существует на уровне мифа и в качестве мифа оказывает сильное воздействие на действительность.

Противопоставление книжного и разговорного языков засвидетельствовано уже в эпоху поздней античности. Представляется, что мы можем постулировать своеобразную «рукотворность» греческого, особую важность эстетической функции языка на всем протяжении истории его бытования, что впоследствии отразилось на истории становления стандарта новогреческого. Подобная языковая специфика, постоянное взаимодействие книжной и разговорной нормы, сохранение традиционной орфографии, традиционность школьного обучения, — все это замечательно укладывается в философское лингвистическое направление, представителями которого являлись Фосслер, Бенедетто Кроче, Эмилиу Косериу.

До 1976 г. школьное образование в Греции предполагало основательное знание древнегреческого языка. Вплоть до сегодняшнего дня прихожане привыкли слышать архаические древнегреческие

формы во время церковной службы. Все это приводит к неизбежной интерференции, но на сознательном уровне носители чаще всего стремятся к пуризму (кафаревусному или демотическому). Как отмечает Маргарет Алексиу, «две формы — кафаревуса и демотика — находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, но на осознанном уровне избегают друг друга».

В истории греческого языкового вопроса существует еще одна интересная проблема, которую здесь можно только наметить — она требует пристального изучения. К греческому языку, функционирующему между двумя полюсами — кафаревусой и демотикой вполне применима теория лингвистической относительности Сепира—Уорфа [Whorf 1956]. Действительно, идея, что язык представляет собой некую понятийную сетку, накладываемую на мир носителя, и что меняя языки мы начинаем смотреть на мир иначе, с иной точки зрения, с очевидным успехом приложима к греческому материалу, ведь в случае кафаревусы и демотики мы фактически имеем дело с двумя разными языками.

Некоторые носители греческого языка демонстрируют феномен «кафаревусной ментальности» — тенденции к клише, риторическим изыскам, демонстрации лексической и драматической виртуозности. Есть значительное количество писателей, которые писали на кафаревусе, а затем переключились на демотику и, по их словам, испытали чувство настоящего освобождения. Некоторые информанты сравнивают это чувство языкового раскрепощения с тем, что предположительно испытали христиане Османской империи после освободительной революции 1821 г. По словам Питера Макриджа, именно греческая литература оказалась троянским конем, на котором демотика внедрилась в греческий узус и одержала победу (отчасти пиррову, как мы попытаемся ниже показать) в 1976 г. [Mackridge, 2009, 173].

Официально кафаревуса отменена уже с 1976 г., но в силу определенных причин сегодня мы наблюдаем оживление книжных форм, некоторые фантомные явления в греческой языковой системе (хотя лично мне представляется, что эти фантомные явления скорее украшают язык). Формируются новые парадигмы, комбинирующие кафаревусные и демотические формы. Это очень интересное и необычное явление, поскольку мы имеем дело не только с архаизмами на уровне лексики, но и с морфологическими и даже синтаксическими архаизмами, которые вторгаются в стройную

языковую систему демотики и ведут к существенной ее перестройке. Укажем лишь на некоторые из этих архаических черт.

1. Восстановленный кафаревусный генитив

Родительный падеж занимает чрезвычайно слабую позицию в новогреческой падежной системе. Большинство лингвистов уже давно предрекают ему близкую смерть [Τριανταφυλλίδης 1963: 143]. В литературном новогреческом генитив запрещен для существительных с уменьшительными суффиксами, — к этому вопросу мы позже еще обратимся. Кроме того, генитив запрещен для многих категорий существительных во множественном числе.

Интересно, что в современной языковой практике мы сплошь и рядом сталкиваемся с тем, что слабый и склонный к исчезновению греческий генитив подкрепляется более витальными кафаревусными формами (ср. Nom. ἀσκήση — Gen. ἀσκήσεως вместо нормативного демотического ἀσκήσης). При этом формы типа ἀσκήσεων (Gen. Pl.) закреплены грамматикой демотики как единственно возможные. Таким образом, на выходе мы получаем единую парадигму, где демотические формы перемежаются с кафаревусными (ср. Nom. ἀσκήση / ἀσκήσεις — Gen. ἀσκήσεως (и, значительно реже — ἀσκήσης) / ἀσκήσεων — Akk. ἀσκήση / ἀσκήσεις). Строго говоря, в данной парадигме демотическими являются только формы именительного и винительного падежа единственного числа, при этом парадигма множественного числа должна быть отнесена к архаизирующей модели.

В последнее время, очевидно, усиливается следующая тенденция: в речи носителей (не только старшего возраста, усвоивших в детстве кафаревусные модели, но и молодежи, для которой архаизация становится сознательным стилистическим выбором) демотическая парадигма включает кафаревусные окончания — чаще всего в генитиве. Но существуют отдельные лексемы, для которых предпочтительной является архаическая модель. Последнее в большей степени характерно для существительных женского рода на ις, ας, ότης (демотические окончания — ίδα, άδα, ότητα). Так, форма δεσποινίς — «барышня» предпочтительно используется в кафаревусном варианте: Nom./Voc. Sg. δεσποινίς, Gen. δεσποινίδος, Асс. δεσποινίδα, обращение — δεσποινίδα (демотическая форма принципиально невозможна). Другой лексемой, допускающей (скорее да-

же — поощряющей) использование архаической модели, является *Ελλάς, της Ελλάδος* — «Греция» параллельно с демотической моделью *η Ελλάδα, της Ελλάδας*.

Чаще всего — вероятно, по указанной выше причине «слабости» родительного падежа — кафаревусные окончания активизируются именно в генитиве. Так, в именительном падеже носители с большой степенью вероятности окажут предпочтение демотической форме *ταυτότητα*, но в родительном будет использована *ταυτότητος* (генитив кафаревусы), особенно в выражении *δελτίο ταυτότητος* — «удостоверение личности».

Существует и еще одно правило: демотический вариант предпочтительнее используется при наличии артикля, а кафаревусный — при его отсутствии. В классической, традиционной демотике (в изводе грамматики Триандафиллидиса) генитив существительного редко встречается без артикля, в то время как для кафаревусы существует большое количество безартиклевых словосочетаний с генитивом, калькированных с французского. Однако существуют и исключения. В качестве такого примера можно привести *Κομμουνιστικό Κόμμα Ελλάδας* («Коммунистическая партия Греции») — где нарушаются правила и классической кафаревусы, и классической демотики.

Существительные женского рода, относившиеся к первому склонению в древнегреческом, часто используются с архаическим ударением в генитиве в устойчивых словосочетаниях. Примером может служить выражение *χορήγηση αδείας* — «выдача разрешения, прав» (кафаревусное ударение *adÍas*); отдельно в слове «разрешение» скорее будет использован демотический генитив с определенным артиклем — *της άδειας*. Можно привести целый ряд устойчивых словосочетаний такого типа: *Υπουργός Εθνικής Αμύνης* (дословно «министр национальной обороны»), но — *της αμύνας* (генитивная форма от «оборона»); *λεωφόρος Κυφισίας* /*kifisÍas*/ («проспект Кифисии»), но, говоря о районе Кифисия, — *της Κυφισίας* /*kifisiAs*/; *της Αιγίνας* /*eyÍnas*/ (Gen. Sg. от «Эгины»), но — *φυστίκια Αιγίνης* /*eyÍnis*/ (с архаическим родительным падежом; «фисташки Эгины»). Причем опять-таки мы, по всей вероятности, как очень часто в случае кафаревусы, имеем дело с переводом французского *pistaches d'Egine* [Mackridge, 1976, 234].

Подобным образом ведут себя устойчивые словосочетания — *Ξενοδοχείο πολυτελείας* /*politellAs*/ — «роскошная гостиница»,

γιαλιά ηλίου /iIou/ — «очки от солнца», συζήτηση στρογγυλής τραπέζης /trapEzis/ — «круглый стол». Причем у существительных в родительном падеже с определенным артиклем ударение будет ставиться по демотической модели — της τράπεζας /trApezas/, της πολυτέλειας /politElias/, του ήλιου /iIou/. Столица Греции — Αθήνα /AthIna/, но в устойчивом выражении «Афинский университет» используется генетив плюралис — Πανεπιστήμιο Αθηνών /AthinOn/.

Для существительных мужского рода можно выделить имена, обозначающие деятеля, на -της. Для этого разряда существительных сохраняется, параллельно с демотической, кафаревусная парадигма: Gen. Sg. -του, Nom. Pl. -ται, Akk. Pl. -τας. Выделяющий этот вариант парадигмы в своей грамматике 1987 г. Макридж справедливо отмечает, что использование данной парадигмы вовсе не является отличием более образованных носителей. Скорее наоборот, образованные носители предпочитают в конкретном случае демотическую парадигму; при этом в речи менее образованных носителей встречаются формы типа τουρίσται, τραγουδισταί (в данном случае заимствованные или современные образования приобретают кафаревусные окончания)

Особой темой применительно к кафаревусным преференциям, естественно, становится гиперкоррекция. Использование кафаревусы очень часто обусловлено именно этим явлением.

Архаизированная форма генитива характерна для женских фамилий (используется форма Gen. Sg.) и обозначений улиц — ο κύριος Παπαδιαμαντόπουλος, του κύριου Παπαδιαμαντόπουλου (демотический тип, ударение не переходит), но κυρία Παπαδιαμαντοπούλου «госпожа Пападиамантопулу», οδός Παπαδιαμαντοπούλου «улица Пападиамандопулу». В этом случае используются книжные формы с парокситонным ударением.

И, наконец, параллельно с названием знаменитого фильма 1960-х годов «Παϊδιά του Πετραιά» — «Дети Пирея», где используется демотическая форма генитива, существует форма Δήμαρχος Πετραιώς — «мэр Пирея», где используется архаический родительный падеж.

Можно утверждать, что с течением времени подобные тенденции усиливаются и все отчетливее осознаются носителями — то есть в некотором отношении кодифицируются (хотя удивительным образом вплоть до настоящего времени практически не фиксируются учебными школьными грамматиками).

2. Реставрация дательного падежа

Классическим примером того, как протекал процесс изменения грамматического строя греческого языка, может служить исчезновение дательного падежа. В древнегреческом языке существовал регулярный дательный падеж. По письменным памятникам складывается впечатление, что он стал разрушаться с первых веков н.э. Надписи, в которых вместо древнегреческого датива употреблен аккузатив или генитив, начинают встречаться на остраках из эллинистического Египта — очень часто в именах собственных. Наглядный пример — приветственные формулы на остраках II в. до н.э.: Ἑρμοδωρος ...Ὡρωὶ χαίρειν — «Привет от Гермодора Ору» (с дативом адресата).

В папирусах, датируемых первыми веками нашей эры, заметно замещение датива у местоимений (напр. ἔδωκά σοι «я дал тебе») на генитив (ἔδωκά σου) или аккузатив (ἔδωκά σε). Следует заметить, что эта изоглосса разделяет в настоящее время северную и южную группу греческих диалектов: в Салониках говорят сегодня Σε ἔδωσα (аккузатив), а в Афинах — σου ἔδωσα (датив). В следующем примере из письма IV века н.э. падежи варьируются: ἔδωκα οὖν Μαξίμου σπᾱτῖα (σπαθῖα) τέσσαρες δοθῆναι σοι — «Я отдал Максиму четыре меча, чтобы он передал тебе».

Исчезновение датива в живой речи медленнее отражалось в литературных памятниках. Однако к концу I тыс. н.э. оно прослеживается и в них. Так, Константин Багрянородный (905 — 959 гг. н.э.) регулярно употребляет в своих произведениях аккузатив вместо датива: Ὁ Δαβὶδ ὁ μέγας τὴν ἑαυτοῦ χώραν οὐκ ἐδίδου τὸν βασιλέα. — «Давид Великий не отдал своей страны императору»; Οὐκ ἔγραψα τὸν πρωτοσπαθᾶριον Κωνσταντα περὶ τοῦ κάστρου — «Я не писал протоспафарию Константу о городе».

Так по текстам можно проследить один из аспектов грамматической перестройки — от начала появления аккузативных и генитивных форм в качестве соперников датива до полного вытеснения датива генитивом (и аккузативом в северном диалекте, что связано с византийским константинопольским употреблением — ср. выше примеры из Константина Багрянородного).

Все это укладывается в ясную и логическую (хочется добавить — печальную) картину вытеснения синтетических форм аналитическими, в высшей степени характерную для балканских

языков. Все грамматики греческого языка утверждают, что датива в новогреческом нет. И тем не менее — он есть.

При анализе современной языковой ситуации бросается в глаза огромное количество клишированных выражений с дативом, причем создается впечатление что использование датива с предлогом *εν* из формульного вновь становится живым.² Вот несколько примеров: *εν ουδεμία περιπτώσει* «ни в коем случае», *εν όψει* «ввиду», *εν συνχεία* «в продолжение», *εν ελάρкеία* «в отсутствие», *εν αγνοία* «в неведении», *εν ψυχρώ* «хладнокровно», *εν πάση περιπτώσει* «в любом случае», *εν τούτοις* «несмотря на это», *ιδίοις όμμασι* «лично» (букв. «собственными глазами»). Давно исчезнувший (предположительно уже к I в. н. э.) греческий датив подкрепляется более витальными кафаревусными формами.

Этот список можно продолжить. Складывается впечатление, что безусловная востребованность такого рода выражений — а многие из них фактически не могут быть заменены равноценными синонимами — приводит к тому, что дательный падеж по аналогии снова вводится в обиход.

Интересный пример можно найти в одном из стихотворений греческого поэта Сефериса:

Ενα νεκρώσµο εµβατήριο τριγύριζε µεσ στην ψιλή βροχή.

Πως πεθαίνει ένας άντρας; Παράξενο κανένας δεν το συλλογίστηκε.

Κι όσοι το σκέφτηκαν ήταν σαν ανάµνηση από παλιά χρονικά

της εποχής των Σταυροφόρων ή της εν — Σαλαµίνι — ναυμαχίας.

(Похоронный марш кружился в морозящем дожде. / Как умирает человек — странно, что никто из нас не задавался этим вопросом. / А те, кто задумался об этом, подобны воспоминаниям из старых хроник / Эпохи крестоносцев или при Саламине битвы.)

Вводя древнегреческую именную фразу с архаическим дательным падежом, Сеферис обращает время вспять. К сожалению, отсутствие диглоссии в русском языке не дает возможности передать этот замечательный художественный прием — звучащую по-древнегречески, но абсолютно понятную современному грече-

² Как пример можно привести: Τσιρογλού 1995, 141–169.

скому читателю фразу «της εν — Σαλαμίνι — ναυμαχίας», где существительное в дативе с предлогом вставлено между определенным артиклем и определяемым существительным.

В рамках той же тенденции к архаизаторству можно рассмотреть перипетии греческого синтетического и аналитического перфекта. При этом речь, как и в предыдущих случаях, речь идет о том, что в результате архаизирующих установок говорящего или пишущего утраченная форма возрождается и снова вводится в обиход. В некоторых случаях реанимируется морфология и даже синтаксис.

3. Употребление синтетического перфекта как стилистический прием

Анализ средневековых греческих памятников IX–XII вв. показывает, что древние синтетические формы перфекта к этому времени уже не употреблялись. Уже завершился процесс слияния аориста и синтетического перфекта — были в ходу разнообразные смешанные формы (с суффиксами -s- и -k-, но без редупликации и зачастую без приращения), обозначавшие единовременное совершенное действие в прошлом, а исконную функцию perfectum praesens взяла на себя аналитическая форма со вспомогательным глаголом ἔχω. Между тем, в византийских *belles lettres*, ориентированных на «аттическую» (в византийском понимании) норму, правильный синтетический перфект с редупликацией фигурирует весьма часто. Наряду с ним нередко появляется и плюсквамперфект, чаще всего в пассивном залоге. Однако и здесь сказывается влияние современной языковой ситуации: во-первых, плюсквамперфект нередко предстает в усеченной форме, без аугмента; во-вторых, перфект и плюсквамперфект в большинстве случаев не наделены никакими специфическими функциями, а употребляются в том же значении, что и формы аориста. Показательный пример такого «псевдоаттицизма» — «Хронография» Михаила Пселла, блестящего интеллектуала и литератора середины XI в. Перфект и «усеченный» плюсквамперфект встречаются в этом тексте едва ли не чаще, чем аорист.

Однако не следует полагать, что формы аориста и перфекта/плюсквамперфекта в средневизантийской литературе совершенно идентичны и взаимозаменяемы. Сравнительный лингвистический анализ ряда византийских текстов позволил выявить следу-

ящую закономерность: если семантическое различие между ними напрочь исчезает, то взамен возникает новое — стилистическое. Аорист воспринимается как общеупотребительная, нейтральная форма, приближенная к разговорной речи, а синтетический перфект (равно как и плюсквамперфект) — как признак изысканного «аттического» стиля. О таком разграничении аориста и перфекта свидетельствуют две симметричные тенденции, зафиксированные в текстах средне- и поздневизантийского времени.

1. Когда стиль какого-либо текста подвергается сознательному упрощению, формы перфекта систематически заменяются аористом. Эта тенденция проявляется, в первую очередь, в так называемых «метафразах» — переложениях текстов, написанных усложненным «аттическим» слогом, на умеренный вариант среднегреческого *koine*. Показательные примеры — метафраза «Царской статуи» Никифора Влеммида, составленная Галесиотом и Инеотом, метафраза «Алексиады» Анны Комнины.³

2. Напротив, когда производится намеренная архаизация стиля, аорист регулярно заменяется перфектом и плюсквамперфектом. Эта тенденция наиболее отчетливо представлена в «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (XII в.) — компилятивной всемирной хронике. Привлекая разнообразные источники, как античные, так и византийские, Зонара подвергает их тексты целенаправленной стилистической обработке, основная цель которой — архаизация стиля. Так, пересказывая источник, Зонара старательно исключает элементы простонародной речи, подбирая для каждого «вульгарного» слова «аттический» аналог; общеупотребительные слова источника он заменяет архаизмами, которые встречаются лишь у Гомера и трагических поэтов; он усложняет синтаксис, вводя разнообразные придаточные предложения, и, наконец, регулярно заменяет множественное число двойственным. С той же целью, очевидно, хронист систематически заменяет аорист перфектом и (как правило, усеченным) плюсквамперфектом. Показательно, что подобной правке Зонара подвергает не только стилистически «некорректные» византийские хроники, но и тексты античных авторов — Диона Кассия и Плутарха. Иными словами, хронист производит

³ Выражаю благодарность Д. А. Черноглазову за предоставленный интересный лингвистический материал, а также концепцию анализа перфектных конструкций в византийской литературе XI–XII вв.

замену не для того, чтобы выразить те или иные оттенки значения, а исключительно в целях стилистической архаизации.

Параллельная черта может быть прослежена и в современном новогреческом. Исследование современного языкового материала показало, что в постдиглосном состоянии в ситуации намеренной архаизации языка и возврата к кафаревусе некоторые глаголы практически не употребляются в аористе. Так, для глаголов στέλνωμαι «посылаюсь», «εγγράφομαι» «записываюсь», συλλαμβάνωμαι «захватываюсь» запрещены в узусе предписываемые демотической нормой формы στάλθηκα, εγγράφθηκα. Скорее в таких контекстах, как «я записался в университет», «письмо было отослано», употребительны книжные формы еστάλην, ενεγράφην, συνελήφθην (формально запрещенные нормой после реформы 1976 г.).

Я была свидетелем того, как лет пятнадцать назад на семинаре в Салоникском университете известный салоникийский лингвист, описывая лингвистический эксперимент в начальной школе, направленный на расширение греческого лексикона детей, произнес фразу: Καί όταν εκορέσθη η περιέργεια των παιδιών («Когда любопытство детей было удовлетворено»). Форма εκορέσθη на тот момент не описывалась никакой грамматикой. Я спросила своего коллегу, может ли он объяснить это употребление, и он, пожав плечами, сказал: «Ну, ты же понимаешь, что от κορέννυμαι невозможно образовать пассивный аорист κορέσθηκα, это просто не звучит по-гречески...»

Эта ситуация вызывает много вопросов — например, какому греческому мы должны обучать наших студентов в рамках проблематики Second Language Acquisition: тому, где от κορέννυμαι можно образовать форму εκορέσθη, или тому, где эта форма вообще отсутствует из-за своей принадлежности к книжному языку? И мне, и моему собеседнику было при этом очевидно, что кафаревусная глагольная форма была употреблена не случайно — это была типичная ситуация переключения кодов, когда необычная форма концентрировала внимание слушателей. При этом кафаревусные формы всегда несут определенную стилистическую нагрузку. Кафаревуса связывается с напыщенным, помпезным стилем с одной стороны и канцелярским — с другой. По этой причине она идеально подходит для выражения иронии: чаще всего на кафаревусе шутят.

Следует отметить, что тенденция к архаизации в греческом усиливается по мере того, как воспоминание о черных полковниках и насаждавшейся ими кафаревусе уходит в далекое прошлое и кафаревуса теряет флер «правой политической ориентации». Режим черных полковников (греческая хунта) 1967–1973 гг. официально превратил кафаревусу в государственный язык и запретил употребление демотики. Таким образом, кафаревуса оказалась политически скомпрометированной. Это обстоятельство определило устойчивое негативное отношение большинства греков к кафаревусе и отказ от кафаревусы на протяжении длительного времени. Как было показано выше, в настоящее время происходит неожиданная реставрация кафаревусы и возникает мода на кафаревусу в самых разных социальных кругах.

Интересно, что параллельно с этими кафаревусными и очевидно книжными формами возможно использование форм перфекта — ἐχὼ εὐυραφθεῖ, ἐχὼ σταλεῖ. Следует отметить, что форма перфекта является достаточно малоупотребительной в новогреческом. На синхронном уровне мы явно имеем дело с экспансией форм аориста и вытеснением перфекта аористными формами. Перфект используется в современном новогреческом языке преимущественно в экспериенциальной функции. Классическая функция перфекта — функция результата является сегодня доменом аориста.

Очень интересный пример использования перфекта в стилистической функции приводит в своей статье Марилена Кариолему. Формально считается, что в Греции и на Кипре функционирует одна и та же литературная норма. В школьном и университетском образовании, в речи образованных людей существует установка на афинскую литературную норму. При этом кипрские социолингвисты традиционно говорят о существовании кипрского койне (имеется в виду речь образованного городского населения, ориентированная на афинскую норму, но с некоторыми девиациями — своеобразными «уступками» кипрским диалектным чертам). В частности, характерной особенностью кипрского городского койне является полное отсутствие форм аналитического перфекта.⁴ Анализируя речь жителей Никосии, имеющих университет-

⁴ При анализе глагольных систем диалектов современного новогреческого языка становится очевидно, что за исключением пелопонесско-ионийского диалекта и цаконского диалекта, на котором основан литературный стандарт, перфект прекратил существование (или вообще не существовал) в большин-

ское образование, М. Кариолему выявила интересную закономерность — в речи образованных киприотов очень частотно использование аналитического перфекта (отсутствующего в кипрском диалекте) (Karyolaimou, 1997). Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с гиперкоррекцией. Женской речи, как показывают социолингвистические исследования, свойственна большая ориентация на норму и престиж, чем мужской. Избыточное употребление перфекта (вытесняющего аорист) в речи жительниц Никосии является очевидным стилистическим приемом в духе эстетической функции языка по Якобсону.

* * *

Языкознание, как и все остальные науки, всегда широко пользовалось метафорами. Язык, как знаменитая тень в платоновской пещере, — единственное, что дает нам возможность сделать некоторые выводы относительно окружающего мира и относительно нас самих. Фактически на всем протяжении существования греческой культуры греки полагали, что естественным следствием изменения языка станет потеря самоидентификации.

Официальная отмена кафаревусы сильно изменила расстановку сил в греческой языковой игре. Существенно, что в сознании большинства греков кафаревуса связывалась с правой политической ориентацией. Существует большое количество свидетельств носителей о том, как в период 1970–80-х годов они делали огромные усилия, чтобы «вытравить из себя кафаревусу». Сегодня, как остроумно заметил один из греческих лингвистов, кафаревуса входит с черного хода (από την πίσω πόρτα) — возникает мода на архаизмы, издается большое количество словарей архаических выражений, выстраиваются новые парадигмы с кафаревусными формами, кафаревуса широко используется журналистами. И тем не менее предсказать языковую динамику достаточно сложно. Несколько лет назад — фактически впервые за всю историю существования греческого языка — было отменено преподавание древнегреческо-

стве новогреческих диалектов (последнее можно утверждать лишь с известной долей определенности, поскольку до сих пор отсутствует диалектный атлас Греции, равно как и исчерпывающие описания многих диалектов и говоров). Интерпретации этого «красноречивого отсутствия» (telling absence) и сведению существующих данных по разным греческим диалектам предполагается посвящать отдельное исследование.

го в школах. Большинство греков воспринимает этот шаг как трагическую ошибку, и не вполне ясно, какие последствия будет иметь эта языковая политика для становления греческого литературного стандарта.

ΛΙΤΕΡΑΤΥΡΑ

- Beaton 1994 — *Beaton R.* An Introduction to Modern Greek Literature. Oxford, 1994.
- Ferguson 1959 — *Ferguson Ch. A.* Diglossia. Word 15. 1959. 325–340.
- Karyolaimou 1997 — *Karyolaimou M.* Accomodation theory and the use of aorist in the Cypriot Dialect // Greek Linguistics: Proceedings of the 2nd International Conference on Greek Linguistics. Vol. 2. Salzburg, 1997. P.707–26.
- Mackridge 2009 — *Mackridge P.* Language and National Identity in Greece 1766–1976. Oxford, 2009.
- Mackridge 1976 — *Mackridge P.* Modern Greek Language. Oxford, 1976.
- Whorf 1956 — *Whorf B.* Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Boston: M. I. T. Press, 1956.
- Τριανταφυλλίδης 1963 — *Τριανταφυλλίδης Μ.* Η γενική των υποκοριστικών σε — άκι και το νεοελληνικό κλιτικό σύστημα // Άπαντα Μ.Τριανταφυλλίδη. Αθήναι, 1963. 2. Σ. 141–171.
- Τσιρογλού 1995 — *Τσιρογλού Δη.* Λεξικό αρχαϊστικών εκφράσεων. Αθήνα, 1995. Σ. 141–169.

Л. Р. Зиндер

Ю. С. МАСЛОВ — ОБЩИЙ ЯЗЫКОВЕД
(несколько слов об ученике)*

Юрий Сергеевич Маслов появился в Ленинградском университете в 1934 г. Из тогдашних его преподавателей остался в живых я один, но я уверен, что не только я обратил внимание на серьезное и, можно сказать, зрелое отношение Юрия Сергеевича к науке. Надо думать, что своими интересами он, кроме личных лингвистических способностей, был обязан своему отцу — Сергею Ивановичу, одному из ведущих профессоров филологического факультета Киевского университета, и особенно другу их семьи, незаурядному ученому — Михаилу Яковлевичу Калиновичу, более известному у нас как автор русско-украинского словаря. Как вспоминает одна из ближайших учениц Калиновича — И. П. Сунцова, у которой Юрий Сергеевич участвовал в семинаре по древнеиндийскому эпосу, именно Михаил Яковлевич уговорил родителей Юрия Сергеевича отпустить его в Ленинград, когда в Киеве закрыли университет и открыли педагогический институт.

В Ленинградском университете Юрий Сергеевич поступил на второй курс руководимого В. М. Жирмунским немецкого цикла кафедры романо-германской филологии; кроме того, он продолжал заниматься и санскритом.

Первым серьезным шагом Юрия Сергеевича в науку была защищенная им в 1940 г. кандидатская диссертация, посвященная анализу германского перфекта в противопоставлении претериту. Тема эта с общелингвистической точки зрения связана с тогда еще мало разработанной проблемой скрытых грамматических значений и категорий. Проведенный Ю. С. Масловым глубокий анализ

* Впервые напечатано: Из истории науки о языке. СПб., 1993.

этого противопоставления, считавшегося в то время в германистике, вслед за В. Штрайтбергом, аналогом противопоставления совершенного и несовершенного вида славянских языков, позволил Юрию Сергеевичу опровергнуть теорию последнего. Дальнейшее исследование этого вопроса привело его к занятиям славянскими языками, и он пишет, в основном на материале болгарского языка, докторскую диссертацию, которая представляет собой важную веху в становлении новой общелингвистической дисциплины — аспектологии. Его кредо в этом направлении, заключающееся в тонком различении грамматической категории вида и скрытой категории предельности-непредельности, наиболее полно было сформулировано в книге «Очерки по аспектологии»¹. Методологическое значение аспектологии для лингвистики в целом Ю. С. Маслов сформулировал следующим образом: «В современной науке о языке все более актуальным становится изучение реального, живого функционирования языковой системы в разнообразных речевых ситуациях и в различных типах текстов. Задача такого изучения ставится и по отношению к отдельным фрагментам системы языка — отдельным функционально-семантическим и грамматическим системам и подсистемам, в частности, к таким важным для структурирования текста, как система видо-временных категорий и форм»².

Не построение абстрактных схем, а выявление реального «функционирования языковой системы» — вот в чем Юрий Сергеевич видел задачу языковедения, и в частности аспектологии. С нее он начал свою научную деятельность, ей он, как мы видим, оставался верен до конца своих дней.

Однако Юрий Сергеевич не замыкался на этой теме: среди его трудов мы находим немало работ, посвященных самым разным формам языка. Будучи убежденным приверженцем учения основоположников Ленинградской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, он стремился понять и раскрыть язык как единое целое и увидеть в разных языках — в каждом из них в отдельности — то общее, что проявляется в неразрывности понятий «человек» и «язык». «Нет языка — нет человека», «нет человека —

¹ Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

² Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 22.

нет языка». Цenia в Юрии Сергеевиче указанные качества, Б. А. Ларин и привлек его к чтению курса «Введение в языковедение», а затем и передал ему заведование кафедрой общего языкознания.

Едва ли можно оспаривать, что важнейшее место в научном наследии Ю. С. Маслова занимает его «Введение в языкознание», вышедшее в свет в двух изданиях — в 1975 и в 1987 г. Хотелось бы отметить, что для заслуживающего звания университетского профессора читаемый им курс, а также написание соответствующего учебника — это высокое научное творчество³, в котором без упрощенчества излагается система знаний, основанная на теоретических предпосылках, принимаемых автором.

В упомянутом учебнике мы находим множество важных мыслей, характеризующих взгляды Ю. С. Маслова. Во вступительных замечаниях (во 2-м издании они названы «Что такое наука о языке?») дается такое определение языковедения: «Языковедение (языкознание, лингвистика) — наука, изучающая языки (в принципе — все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым, и человеческий язык вообще. Внутри языковедения условно (разрядка моя.— Л. 3.) различают частное и общее языковедение»⁴. Об общем языковедении сказано: «Общими особенностями человеческого языка занимается общее языковедение. Оно исследует сущность и природу языка, проблему его происхождения и общие законы его развития и функционирования, оно разрабатывает самые методы исследования языков»⁵.

Далее в главе 1 следуют рассуждения о сущности языка, о его функциях, о языке и речи. Интересно отметить, что в разъяснении этих понятий Ю. С. Маслов в 1-м и 2-м изданиях идет разными путями; в 1-м издании это путь чисто лингвистический, а во 2-м, так сказать, более широкий. Здесь он начинает с констатации, что «общение в широком смысле слова существует не только в человеческом обществе, но и в животном мире, а в наши дни мы должны также учитывать общение человека с машиной. Во всех случаях

³ Напомню, что знаменитый профессор О. Хвольсон прославился своим учебником физики, а не собственными исследованиями. То же можно сказать и об академике В. И. Смирнове, авторе учебника высшей математики для технических вузов, который славился тем, что он знает всю математику.

⁴ Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 3.

⁵ Там же.

общение есть передача некоторой информации, преднамеренно или же непроизвольно посылаемой отправителем ее и воспринимаемой получателем»⁶. После ссылки на И. П. Павлова Ю. С. Маслов продолжает: «Человеческое общение — феномен, глубоко отличный от того, что мы наблюдаем в мире животных, качественно более сложный. Человеческое общение осуществляется главным образом с помощью звукового языка (а также с помощью письма и в других — производных по отношению к языку—формах). Вместе с тем, заметную роль в общении людей играют и невербальные (неязыковые) формы, в своих истоках общие у человека и животных»⁷. Имеются в виду мимика и жесты.

Говоря о функциях языка, Юрий Сергеевич называет наряду с коммуникативной мыслеформирующую функцию. Совершенно очевидно, что он имеет в виду не функцию языка, т. е. его предназначение для некоей цели, а свойство языка, его онтологическую сущность. Вне языка нет мысли.

Безусловно удался Юрию Сергеевичу раздел «Язык и речь» В современной лингвистической литературе, в частности в так называемой «лингвистике текста», имеется много сложных определений текста. Юрий Сергеевич, отправляясь от щербовской триады — речевая деятельность, языковая система, языковой материал, — говорит о проявлении речевой деятельности в речевом акте, в котором создается текст, т. е. «речевое произведение любой протяженности — от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги»⁸.

Тема данной статьи не требует того, чтобы останавливаться на всех разделах рассматриваемой книги. Остановлюсь лишь еще на одном, близком мне, разделе фонетики (фонологии). Юрий Сергеевич был одним из последовательных представителей Ленинградской фонологической школы. В методическом отношении очень удачно разъясняются понятия фонемы, аллофонемы, фона. Термином «фонема» Юрий Сергеевич хотел подчеркнуть единство понятий «фонема» и «аллофонема». Заканчивает он так: «фонема есть “общее”, ее варианты (т. е. аллофоны. — Л. З.) — “особое”, а ее экземпляры (т. е. фоны. — Л. З.) — “отдельное”, “единичное”, в ко-

⁶ Маслов Ю. С. Введение в языковедение: 2-е изд. М., 1987. С. 7.

⁷ Там же. С. 7–8.

⁸ Там же. С. 11.

тором воплощается это общее и особое»⁹. Итоговое определение фонемы звучит так: «Фонемой называется кратчайшая звуковая единица данного языка, способная быть в нем единственным внешним различителем экспонентов морфем и слов»¹⁰. Учебник Ю.С.Маслова — единственный, в котором говорится о языках слогового строя. (Разумеется, речь не идет об учебниках для востоковедов.).

Завершая эти заметки, еще раз хочу отметить, что Ю.С.Маслов от германистики через славистику пришел к общему языковедению. Юрий Сергеевич отличался широтой взглядов и всегда был открыт для всего нового и прогрессивного в науке.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 54.

В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова

СИММЕТРИЧНОСТЬ И АСИММЕТРИЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

1. Общие положения

В языкознании хорошо известно положение С. О. Карцевского об асимметричном дуализме лингвистического знака [Карцевский 1965]. В узком смысле указанное свойство знака выступает как отсутствие изоморфных отношений между означающим и означаемым. Например, при образовании множ. числа в английском языке пары типа *boy ~ boys* и *child ~ children* параллельны (изоморфны) в плане содержания, но в плане выражения параллельность отсутствует. Можно сказать в этой связи, что флективность повышает уровень асимметричного дуализма знаков и их соотношений, в то время как агглютинативность способствует снижению этого уровня.

С. О. Карцевский говорил об асимметричности знаков, но асимметричность свойственна также системе в целом и тексту [Гак 1990]. В частности, асимметричность системы проявляется в том, что разные ее подсистемы имеют неодинаковую степень сложности; что лежащие в их основе дифференциальные признаки в большей/меньшей степени распространяются на единицы систем и подсистем — вплоть до уникальной отнесенности к одной-единственной оппозиции (ср. плоскощелевые vs. круглощелевые); что члены данной парадигмы могут расходиться функционально (ср. дейктический характер личных местоимений 1 и 2 л. при преимущественно анафорическом характере местоимений 3 л.) и т. п.

При этом неверно полагать, будто асимметричность выступает неотьемлемым атрибутом знаков и отношений между ними.

Наряду с проявлениями асимметричности, язык изобилует проявлениями прямо противоположного свойства. Например, переход от единственности к множественности в плане содержания есть «прибавление» количества — и в плане выражения чаще всего такому переходу отвечает «добавление» материально представленного грамматического средства: ср. *мальчик* ~ *мальчики*, *boy* ~ *boys*. Такого рода соотношения обычно рассматривают в контексте наличия/отсутствия иконичности знаков и связей между ними, и можно сказать, что всякая иконичность снижает уровень асимметричности, а отсутствие иконичности повышает его.

Об асимметричном дуализме говорят и применительно к ситуации, когда представлены ядро и периферия, — обычно такова структура плана содержания морфологической категории в условиях отсутствия инвариантного значения [Travaux 1966]. Например, ядерное значение русской глагольной формы на -л — прошедшее время, а периферийные значения, возникающие в соответствующих контекстах, — это семантика непосредственного будущего (*пока, я пошел*), сослагательности (*я пошел бы*), отрицания возможности ситуации в будущем (*как же, так я и пошел!*) и др.

Во всех рассмотренных случаях асимметричность — атрибут системы. Между тем в пространстве текста (речи) равным образом нетрудно усмотреть неоднородность его строения, неравномерность распределения тех или иных средств и смыслов. Особенно очевидно это применительно к плану содержания текста: разные фрагменты текста (абзацы и пр.) обычно в разной степени «насыщены» смыслом по отношению к общей семантической структуре, отраженной в тексте, — как, впрочем, и вообще в разной степени «осмысленны» (ср. обычную интуитивную оценку конкретного текста или его фрагмента как «водянистого»).

Уже на материале рассмотрения языковой системы мы видим, что степень асимметричности тех или иных элементов системы может существенно варьировать, из чего следует возможность измерения асимметричности. Еще более очевидна такая возможность для текста: если система каждому носителю языка дана, уровень ее симметричности/асимметричности задан, то текст порождается конкретным носителем языка с конкретными же намерениями и возможностями. Соответственно, семантические характеристики конкретного текста могут очень сильно варьировать в зависи-

мости от целого ряда условий — от «когнитивного стиля» автора текста до отведенного времени на реализацию текста.

2. «Базы» языка. Семантическая база

Асимметричность можно усмотреть и применительно к явлению, которое принято называть артикуляционной базой языка. Артикуляционная (артикуляторная) база — это набор типичных для данного языка или группы языков и обладающих наибольшей функциональной нагрузкой артикуляторных признаков [Зиндер 2007: 96–99]. Например, если в языке богато представлены «задние» согласные — велярные, фарингальные, ларингальные, то это и будет формировать артикуляционную базу языка. Когда говорится (нелингвистами) о, например, «гортанных звуках речи» в некотором языке, то это и есть субъективное ощущение специфики артикуляторной базы языка.

Естественно, что наличие артикуляторной базы определенного типа влечет за собой формирование соответствующей перцептивной базы. Перцептивные механизмы носителя языка, его перцептивные эталоны избирательно «настраиваются» в первую очередь на обработку именно тех признаков, которые связаны с данной артикуляторной базой.

Можно полагать, что аналогично этому в разных языках (и в разных текстах на том же самом языке) представлена разная семантическая база — т.е. набор «излюбленных» значений, пронизывающих систему языка.

Особенно ярко наличие семантической базы видно там, где мы наблюдаем своего рода пересечение словаря и грамматики: близкие значения в некотором языке обнаруживаются как в сфере лексики, так и в сфере грамматики. Например, значение начинательности в русском языке, лексически будучи представлено отдельным глаголом, в то же время входит как необходимый компонент толкования в аспектуальную семантику, в семантику целого ряда глагольных классов, выделяемых по способу действия (типа *занять*) и т.д. В бирманском языке находим множество форм, связанных с выражением перехода от одной ситуации к другой: начинающийся переход, завершившийся переход, указание на саму по себе точку перехода, переход с акцентированием результирующей ситуации (перфект) и некоторые другие; близкие типы значений можно об-

наружить и в плане содержания знаменательных лексем бирманского словаря [Касевич 1997].

«Семантические сгущения» в системе языка могут обнаруживаться и только в грамматике или лексике. Приведем аналогию: в системе фонем конкретного языка мы можем наблюдать локально выделяющиеся богатые подсистемы, представленные обширными классами гласных или согласных без пустых клеток; распространение одних и тех же или как-то связанных дифференциальных признаков на подклассы фонем приводит к образованию многочисленных пучков корреляций [Трубецкой 1960: 95 сл.]. Собственно, как уже говорилось выше, типичность соответствующих артикуляционных укладов, их высокая воспроизводимость (частотность) и создают основания для складывания артикуляционной базы, а настроенность перцептивных механизмов на отвечающие типовым артикуляциям акустические параметры есть источник того, что называют перцептивной базой. Равным образом и в семантике, лексической и/или грамматической: общее семантическое пространство, очевидно, заполнено неравномерно — какие-то его подсистемы «разработаны» более детально, представлены множественными оппозициями, пучками оппозиций.

В связи со сделанными допущениями уместно вспомнить о положении Дж. Байби [Bybee 1985], согласно которому слова ментального лексикона обладают разной силой; более частотные из них, благодаря постоянному воспроизведению, обеспечивают (если воспользоваться выражением И. П. Павлова) более глубокое «проторение» в соответствующих нейропсихологических структурах, результатом чего является как повышенная значимость для системы таких слов, так и низкий порог их активации. Аналогично можно считать, что разные «фигуры содержания» (в смысле Л. Ельмслева) и их конфигурации, констелляции тоже обладают неодинаковой силой как в пределах данного языка, так и в разных языках (разные языки обнаруживают несовпадающие предпочтения к тем или иным областям семантики).

Сразу же нужно оговориться, что здесь никоим образом не имеется в виду существование универсального семантического пространства, априорно заданного до и помимо его конкретно-языковой структуризации и «упаковки», — речь идет о сравнении семантических систем индивидуальных языков и их семантических классов. Говорить об универсальном семантическом пространстве

правомерно лишь применительно к генетически детерминированным системам когнитивных примитивов, которые носят доязыковой характер [Kasevich 2000].

Предпочтения к тем или иным семантическим (под)областям, о которых сказано выше, сродни когнитивным стилям (типам) мышления, которые отмечаются у отдельных людей и их популяций. Более того, когнитивный стиль, устанавливаемый применительно к данной этноязыковой, этнокультурной популяции, и развиваемое здесь понятие семантической базы скорее всего частично совпадают. Они совпадают в той мере, в какой когнитивные и ментальные стереотипы сообщества отражены в языке и проявляются в речевом поведении.

Возникает «вечная» проблема соотношения генетически и культурно обусловленного в выборе, в становлении когнитивного стиля и семантической базы языка. Согласно предположениям таких социобиологов, как Ч. Ламсден и Э. Уилсон, существуют «специальные генетические структуры, направляющие когнитивное и ментальное развитие людей и в значительной мере автоматически предрасполагающие человеческое мышление к выбору только некоторых культурных альтернатив, а также механизмы обратного воздействия культуры на гены через давление эволюции» (цит. по: Меркулов 2000: 71).

Если сказать, что отличающиеся семантические предпочтения разных языков — это их разные внутренние формы, то мы получим гумбольдтовскую характеристику, но с «потембинским акцентом». Внутренняя форма в этом смысле есть, конечно, в большей степени культурное явление, нежели генетически заданное. Однако в действительности ситуация представляется более сложной. Мы обнаруживаем себя в проблемном поле так называемой лингвистической теории относительности (отвлечемся от различий, разделявших Сепира, Уорфа — и даже Гумбольдта и неогумбольдтианство в духе Вайсгербера). Решение этой проблемы было предложено В. Б. Касевичем [Касевич 1977; 2011]. Оно состояло в том, что вопрос «язык определяет мышление или мышление определяет язык?» должен получать принципиально разные ответы в зависимости от выбранного ракурса рассмотрения: фило- или онтогенетического. Лингвистическая относительность действительно существует. Она проявляется в том, что экспонент (означающее) и денотат (референт) соотносятся не напрямую, не

непосредственно, а через десигнат (означаемое, сигнификат). Это хорошо показывает знаменитый треугольник Огдена-Ричардса, в основных своих чертах воспроизводящий взгляды стоиков: означающее («символ») и референт там соединены пунктирной линией, — сплошная идет от означающего к референту и наоборот через означаемое («мысль»). Иначе говоря, идиоэтническая мысль выбирает в «вещи» некий ракурс, который и ассоциируется с данным означающим.¹ Хрестоматийный пример — слова *луна* и *месяц*; они относятся к одному и тому же референту, но каждое из них выбирает в референте «что-то свое», какие-то специфические признаки: обозначение *луна* мотивировано светом, исходящим (отражающимся) от луны (ср. *лунить* ‘бросать тусклый отблеск’ — Фасмер 1967), а обозначение *месяц* (ср. древнегреч. μήν ‘[календарный] месяц, луна’) мотивировано связью меры времени с фазами луны. Здесь разные ракурсы сосуществуют в пределах одного языка, русского, но, конечно, еще чаще такие расхождения мы встречаем в разных языках.

Именно идиоэтничность мысли создает феномен лингвистической относительности. Вполне понятно, что этот выбор ракурса не осуществляется каждым индивидуальным носителем языка, он осуществляется «родом», т. е. в филогенезе. Именно в филогенезе мысль определяет язык; точнее, в языке закрепляются результаты когнитивного опыта, который носит идиоэтнический характер.

Иное дело в онтогенезе. В онтогенезе, где, как уже косвенно упоминалось, каждый «вновь пришедший» член популяции, который не может не осваивать язык, именно через последний получает существеннейшую долю уже «готового» когнитивного опыта, в языке кристаллизованного. (Поэтому во многом прав М. Хайдеггер: «Не мы говорим на языке, но язык говорит нами»; некоторые авторы выдвигают даже тезис о «репрессивности» языка.) Соответствен-

¹ Еще более крайнюю форму приобретает тезис о лингвистической относительности (даже внутриязыковой, т. е. переходящей в лингвосолипсизм) если мы будем выводить ее из положения о тождестве означающего и означаемого: «...Эта теория (неразрывности означающего и означаемого, доходящая до признания их тождества. — В. К., Е. Я.) не объясняет должным образом, как возможна коммуникация между двумя людьми, более того, она не может даже объяснить, как один и тот же человек может понять в последующий момент то, что он же сказал в предыдущий» [Мауро 2000: 26].

но, с онтогенетической точки зрения язык в значительной степени формирует мысль.

Можно сказать, что лингвистическая относительность — лишь частный случай результата, который возникает в ходе эволюционного приспособления к некоторой среде — к разным средам для разных этнокультурных популяций. Чаще всего мы не можем описать такую среду сколько-нибудь полно; на данный, наблюдаемый нами момент эволюции язык — система достаточно консервативная — воспроизводит с помощью отчасти генетических, отчасти культурных механизмов картину мира плюс правила ее описания при коммуникации, которые (картина мира и правила) адаптивно удовлетворительны для «какой-то» (чаще всего не известной для нас сегодня) экологической ниши.

Семантическая база языка — нечто вроде «переднего плана» для такой картины. В славянских языках, например, к области семантической базы принадлежат характеристики, связанные с аспектуальной семантикой, которая пронизывает также акциональные классы и сказывается в других фрагментах системы.

Часть различий в семантических базах языков связана с соотношением утвердительных и отрицательных характеристик, обнаружимых в тех или иных языковых единицах и категориях. Покажем на примере бирманского языка, как может выглядеть «пристрастие» языка к отрицательным характеристикам.

Это тяготение к отрицательности сказывается уже в фонологии — впрочем, в фонологии оно характерно для всех слоговых (силлабемных) языков. В фонологии любого языка есть чисто отрицательный элемент — это пауза. Но только в фонологии слоговых языков есть такие специфические элементы, как нулевые инициалы и финалы. Нулевая инициаль (финаль) — это не обязательно «нулевое звучание» (пауза) в соответствующей позиции: это отсутствие («отрицание») в данной позиции всех ненулевых инициалей/финалей.

В бирманской глагольной системе есть два времени: будущее и небудущее. Отрицание, которое в бирманском языке выступает исключительно глагольной категорией, полностью снимает («вычеркивает») информацию о времени (напр., в *ма-ла-бу*, где *ма...* — конфикс отрицания, этот последний лишает глагольную форму отнесенности ко времени, так что форма может соответствовать ситуациям ‘не пришел, не приходит, не придет’ и т. д.).

Существует также глагольный показатель так называемого другого времени/места. Можно сказать, что использование данного форманта есть способ отрицания двух из трех координат речевого акта «я—здесь—сейчас»: ситуация репрезентируется как имеющая место не здесь и/или не сейчас.

Склонность к оперированию отрицательной семантикой усматривается и в лексике бирманского языка. Приведем лишь два примера. Глагол *нэй* ‘жить, пребывать, находиться’ сам по себе как будто бы не связан с семантикой отрицания. Однако в императиве на первый план выступает именно отрицательная составляющая: *нэй ба* (*ба* — показатель респективности) означает не ‘живи’ и т. п., а ‘не делай(те) [ничего]’, что соответствует рус. ‘не надо!’ (в ответ, например, на предложение помощи и т. п.).

В русском просторечии есть выражение с *гаком*, т. е. ‘значительно больше, чем’. В бирманском языке есть выражение *ша нэ* — тоже разговорное, семантически зеркальное по отношению к указанному русскому, т. е. ‘значительно меньше, чем’ (если угодно, ‘без гака’).

Систематическое обращение к тому, какое место в языках занимает семантика отрицания, может дать в результате нетривиальную континентивную типологию языков. В разных языках, по-видимому, можно обнаружить разные доли такой грамматики, которую, вслед за богословской традицией, можно назвать «апофатической». Разумеется, такого рода типология непосредственно связана с типологией национальных картин мира.

3. Количественная оценка семантической базы

Как следует из вышеизложенного, сравнивать семантические базы разных языков (подъязыков) можно, сопоставляя типы распространения семантических дифференциальных признаков относительно подсистем (под)языка. Но, как известно, в настоящее время в распоряжении лингвистов нет достаточно разработанного инструментария дифференциальных признаков (сем, примитивов), основываясь на котором можно было бы эффективно сравнивать семантические характеристики систем и подсистем. Поэтому в данном ниже фрагменте описания семантических различий между разными подсловарями русского языка сравнение осуществляется не на материале дифференциальных признаков, а на материале слов как целостных (семантических) единиц.

Еще одна необходимая оговорка заключается в том, что семантические базы могут выделяться и описываться по разным признакам. В нашем случае семантические базы формируются по одному-единственному признаку: по степени насыщенности данного подсловаря глаголами передачи информации (коммуникативными глаголами).

Практически это осуществляется следующим образом. В качестве первого шага анализа составляются частотные словари словоформ и их коллокаций для текстов, входящих в соответствующие коллекции. В этих словарях выделяются наиболее частотные словоформы и коллокации. Далее в рамках последних выделяются все глаголы и, наконец, среди глаголов выделяются глаголы с семантикой передачи информации (коммуникативные глаголы). Число такого рода глаголов и их «стиль» (см. ниже) принимается за меру принадлежности к семантической базе (под)языка в данном отношении.

Наиболее актуальным и соответствующим специфике коммуникативных глаголов является материал СМИ. Предполагалось, что анализ словарей и подсловарей позволит разделить те источники, которые выполняют прежде всего информационную функцию, и те, которые нацелены на воздействие на адресат, т. е. специализированы, по сути, в реализации манипулятивной функции [Ягунова и др. 2011]. Предварительные результаты статистического обследования шести информационных источников свидетельствуют о том, что широкое использование конструкции «введения источника информации» со специфическими глаголами, находящимися в вершине такой конструкции, характеризует такие источники прежде всего с точки зрения их главной функции — информационной или публицистической. Портал «Лента.ру» относится к ярко выраженным собственно информационным источникам (новостные ленты и близкие к ним формы подачи материала).

Среди рассмотренных источников к информационно насыщенным — ведущим себя в целом аналогично коллекции портала «Лента.ру» — относятся «РИА Новости», «РосБизнесКонсалтинг» (РБК), «Компьюлента». Наиболее ярко свойства публицистической (манипулятивной) направленности проявляются для «Независимой газеты» [Пивоварова, Ягунова 2011]. Так, для «Независимой газеты» биграмма *ссылкой* на стоит на 1551 месте среди словоформных биграмм, упорядоченных по значению меры *t-score*, а *со ссылкой* — на

1591-м месте. Среди лексем первая биграмма со словом «сообщать» **КАК СООБЩАТЬ** (здесь и далее показаны словарные варианты) стоит на 967 месте, следующая — **СООБЩАТЬ ИНТЕРФАКС** — на 5096 и т. д. (Ср. также с данными «Статистического словаря русской газеты» А. Я. Шайкевича [Шайкевич и др. 2008]: *сообщается* 492, *сообщать* — 1614, *сообщаться* — 29, *сообщение* — 2488, *сообщить* — 8248 (корпус 1997 г., 15 млн. словоупотреблений)).

Для «Независимой газеты» наиболее частотными глаголами в коммуникативной функции оказываются *сказать*, *говорить*, *считать*, *заявить*. Вместо ранее обсуждаемых газетных клише, в ней используются более привычные «негазетные» способы передачи информации. Эти способы весьма разнообразны, и потому сложно выделить частотные n-граммы, которые можно было бы назвать конструкциями ввода источника информации. В текстах «Независимой газеты» наиболее частотным оказывается то, что характерно для текстов-интервью: *отвечать на вопросы* (чуть реже *отвечать на вопрос*), *обратились к X* (где X — это *президенту, правительству, главе, руководству* и т. д. — в порядке убывания частоты встречаемости).

Таблица 1. Список наиболее частотных коммуникативных глаголов и наиболее частотных глаголов для коллекции «Лента.ру»

Коммуникативные глаголы (абс. ч.)		Все глаголы (абс. ч.)	
<i>сообщать</i>	27498	быть	72993
заявить	10861	<u><i>сообщать</i></u>	<u>27498</u>
<i>сообщаться</i>	6670	<u><i>заявить</i></u>	<u>10861</u>
писать	5462	мочь	10007
<i>сообщить</i>	4832	деть	8912
сказать	2281	получить	7924
говориться	1765	являться	7590
подчеркнуть	1637	<u><i>сообщаться</i></u>	<u>6670</u>
заявлять	1165	отметить	5806
говорить	1104	<u><i>писать</i></u>	<u>5462</u>
пояснить	880	находить	5221
написать	841	напомнить	5209
выясниться	803	находиться	5120
выяснить	662	начать	4907
подчеркивать	646	<u><i>сообщить</i></u>	<u>4832</u>

Таблица 2. Список наиболее частотных коммуникативных глаголов и наиболее частотных глаголов для коллекции «Независимая газета»

НГ.Ру			
Коммуникативные глаголы (абс. ч.)		Все глаголы (абс. ч.)	
сказать	101534	быть	1550085
говорить	92014	мочь	239754
заявить	69021	стать	157307
<i>сообщить</i>	<i>42447</i>	деть	137727
писать	31785	есть	125278
<i>сообщать</i>	<i>14988</i>	<u>сказать</u>	<u>101534</u>
говориться	13116	<u>говорить</u>	<u>92014</u>
написать	11315	считать	86323
заявлять	9763	иметь	75300
пояснить	8790	<u>заявить</u>	<u>69021</u>
выясниться	6325	являться	68759
высказать	4711	начать	62696
высказаться	4604	идти	61977
выяснить	3895	получить	54966
<i>сообщаться</i>	<i>3441</i>	оказаться	49748
повторять	3190	знать	49413
сказаться	3133	хотеть	48822
повторить	2704	находить	46363
высказываться	2612	сделать	45003
высказывать	2194	работать	44392
выясняться	1833	<u>сообщить</u>	<u>42447</u>

Иллюстрация сопоставления списков (топов) для трех разных СМИ наиболее частотных коммуникативных глаголов и наиболее частотных глаголов представлена в таблицах 1, 2 и 3. Частоты приведены в абсолютных числах. В первом столбце жирным шрифтом выделены наиболее немаркированные («негазетные») глаголы, которые в максимальной степени позволяют различать СМИ по способу передачи информации и степени публицистичности, жирным курсивом — наиболее «газетные» глаголы. Во втором столбце курсив с подчеркиванием выделяет позиции коммуникативных глаголов в ряду наиболее частотных глаголов.

Таблицы 1 и 2 являются фактически иллюстрацией того, что «Лента.ру» выполняет прежде всего функцию передачи информации (информационно насыщенные тексты), а «Независимая газета»

Таблица 3. Список наиболее частотных коммуникативных глаголов и наиболее частотных глаголов для коллекции «РосБизнесКонсалтинг»

Коммуникативные глаголы (абс. ч.)		Все глаголы (абс. ч.)	
<i>сообщать</i>	15820	быть	118608
объявить	9278	дать	81780
заявить	7882	мочь	29003
<i>сообщить</i>	6019	получить	25394
говорить	4672	следовать	21297
<i>сообщаться</i>	3616	встроить	18263
сказать	2686	представить	17625
писать	1760	работать	16944
записывать	1724	использовать	16941
написать	1420	стать	16744
записать	1296	позволять	16324
заявить	1288	<i>сообщать</i>	<u>15820</u>
выяснить	1226	течь	14906
выясниться	1099	иметь	14756
говориться	1037	являться	14214
<i>ссылаться</i>	412	составлять	13458

демонстрирует яркие свойства публицистической направленности (подчеркнутое внимания к адресату и менее «газетный» язык).

«РосБизнесКонсалтинг» в целом принадлежит к тому же классу информационно насыщенных текстов, что и «Лента.ру» (больше «газетных» глаголов в 1-м столбце таблицы 3), но он представляет собой образец специального тематически ориентированного источника, рассчитанного на определенного адресата, и содержит существенно меньше коммуникативных глаголов (см. 2-й столбец таблицы 3).

Каждому рассматриваемому типу текстов отвечает свой подъязык и, соответственно, своя семантическая база, возможность и необходимость выделения и описания которой очевидны. Своя семантическая база определяется для очень тонко настроенной стратифицированной системы подъязыков (с возможностью частичного пересечения страт). Это усматривается даже в анализируемом случае, когда семантические базы формируются по одному-единственному признаку (степени насыщенности подсловаря коммуникативными глаголами), а рассматриваемый материал представляет собой коллекции разных источников СМИ.

4. Симметричность/асимметричность и семантическая неоднородность текста

Выше речь шла о семантической базе языка, как она представлена в системе в виде неоднородности последней относительно тех иных признаков. Однако, как уже отмечалось, равным образом и текст может обнаруживать неравномерное распределение тех или иных смыслов, определенные семантические «сгущения».

Начать можно с того, что — как известно всем, у кого есть достаточный опыт работы с текстами — и разные тексты, и разные фрагменты внутри данного текста могут обладать неодинаковой степенью семантической насыщенности. По-видимому, объективировать это интуитивное ощущение от разных текстов и «субтекстов» можно через ключевые слова и их распределение в пространстве текста. Семантически «разреженные» тексты не должны включать слова и словосочетания, характеризующиеся повышенной относительной (внутритекстовой) частотностью, что в ряде случаев и соответствует ключевым словам (ключевым словам определенного типа). Кажется ясным, что при любых методиках выделения ключевых слов (см. об этом ниже) именно ключевым словам должна принадлежать особая (ключевая) роль в формировании семантики текста.

Кратко проиллюстрируем принципы анализа семантической насыщенности на примере двух текстов — «Ловля пескарей в Грузии» В.Астафьева (объемом около 10 тыс. словоупотреблений) и «Проблема верволка в средней полосе» В.Пелевина (объемом около 11 тыс. словоупотреблений) (подробнее см.: Ягунова 2010а). Самим выбором примеров мы уже существенно ограничили тип текстов художественным нарративом. При рассмотрении текстов других функциональных типов структура текста, отражаемая в распределении ключевых слов в тексте, окажется существенно отличной (ср. соответствующие описания структур научных текстов в: Ягунова 2010б; Пивоварова, Ягунова 2011).

Картина семантической насыщенности текста (его фрагмента, «субтекста»), как она проявляется в насыщенности текста определенными ключевыми словами, соотносится: 1) с формированием смысловой структуры текста в целом; 2) с композиционной структурой текста.

Для того чтобы экспериментатор имел возможность задать наиболее адекватные ключевые слова (и тем самым смыслы), необходим предварительный эксперимент с носителями языка для объективированного определения ключевых слов группой информантов. В экспериментах по определению ключевых слов участвовало по 21 информанту для каждого текста. Эксперименты проводились с использованием стандартной инструкции А.С. Штерн: «Прочитайте текст. Подумайте над его содержанием. Выпишите 10–15 слов, наиболее важных с точки зрения его смысла» [Мурзин, Штерн 1991: 79].

Как следует из сказанного выше, нас интересуют не просто ключевые слова, но ключевые слова, характеризующиеся повышенной внутритекстовой частотностью. В таблицах 4 и 5 представлена общая информация о ключевых словах (КС): вес ключевого слова — число информантов, выделивших слово как ключевое — частота встречаемости в тексте. Все данные упорядочены по убыванию этих значений.

В графе «тематический класс» приводятся данные для слов, объединенных в один класс единой или близкой тематикой (смыслом) применительно к конкретному тексту. Чаще всего это разные номинации, относящиеся к одному объекту или классу объектов. Например, объединяются «машина + ЗИЛ», «волк + вервольк + вервольф» или «Грузия + грузины + грузинский» и т.д.

В таблицах 4 и 5 жирным шрифтом выделены слова, для которых ниже иллюстрируются типы распределения по тексту.

Для иллюстрации типов распределения по тексту Д.Ландэ предложил «инструментальные средства, позволяющие визуализировать плотность встречаемости слова в тексте в зависимости от ширины окна наблюдения. В ... спектрограмме по горизонтали откладываются номера вхождения слова в тексте, а по вертикали — ширина окон наблюдения (начиная со значения 1 в самом низу, вхождения слова в данном случае выделяется светло-серым цветом). Если в соответствующее окно наблюдения попадает несколько целевых слов, то оно закрашивается более интенсивным оттенком темного» [Ландэ 2009]². На рис. 1–3 представлены спектрограммы для ключевых слов из текста В. Астафьева «Ловля пе-

² Сервис Д. В. Ландэ доступен по адресу <http://ling.infostream.ua/jag/>

Таблица 4. КС: В. Астафьев «Ловля пескарей»

КС			число с/у по тексту		
	лек-сема	тематич. класс		лек-сема	тематич. класс
Грузия	15	20	Отар	54	54
Витязь	12	16	дом	31	34
гость(и)	9	14	земля	27	33
собор	7	7	брат	26	27
Гелати	7	10	гость(-и)	18	21
храм	7	7	русские	18	23
рыбалка	6	14	рыба	18	36
брат (-тья)	6	6	стол	18	22
земля	6	6	сердце	17	19
русский	6	6	человек	17	25
Дом	6	6	друг	16	23
гостеприимство	5		Грузия	15	34
грузин (-ы)	5		пескарей	15	
подарочек	5	5	Храм	15	15
праздник	5	9	собор	13	13
рыба	5		Гелати	12	13
философия	4	5	рак	11	11
человек	4	4	творчества	9	17
писатель	4	4	родник	8	11
Отар	4	4	Витязь	7	7
река	4	7	небо	6	9
небо		5	писатель	5	8
добросердечные		4	товарищ	5	
			реках	4	16

скарей в Грузии», на рис. 4–6 — для ключевых слов из текста В. Пелевина «Проблема верволка в средней полосе».

Анализ семантически «разреженных» vs. семантически «неразреженных» текстов через распределение интересующих нас ключевых слов приводит:

1) к определению основных типов ключевых слов (и соответствующих смыслов, например, тематических классов), характеризующих, с одной стороны, вес данного ключевого слова для текста, с другой — признаки текста в целом;

Таблица 5. КС: В. Пелевин «Проблема верволька»

КС			число с/у по тексту		
	лексема	тематич. класс		лексема	тематич. класс
Саша	14	14	волк	35	38
дорога	10	10	эликсир	7	7
драка	9	11	страх	4	7
стая	9	9	стая	21	21
зов	9	9	совы	4	4
Коньково	9	9	Саша	192	205
машина	8	13	поляна	23	23
костер	8	8	ночь	8	26
деревня	8	8	машина	26	29
Вервольф	8		луна	11	12
волк	7	22	лес	26	28
поездка	7	7	Лена	27	27
лес	7	7	костер	19	19
ночь	7	7	Коньково	20	29
девочка	7	7	зов	8	8
поляна	7	7	дощатых	5	7
Лена	7	7	дорога	41	41
луна	7	7	деревня	9	
страх	6	6	девочка	11	15
эликсир	6	6			
совы	5	5			
оборотни	5	5			
ЗИЛ	5				

2) к определению основных признаков текста — например, сюжетный нарратив vs. описание, динамический (представляющий динамическую смену ситуаций) или статический текст и т. д.

Для двух рассматриваемых художественных текстов выделяется как минимум четыре основных типа ключевых слов.

1. Наименования главных действующих лиц; у них обычно самая высокая частота встречаемости, сравнительно равномерное распределение по тексту (ср. рис. 1 и 4). Степень выраженности этих формальных признаков, как правило, соотносима со значимостью действующего лица и/или степенью динамичности развития сюжета (ср. рис. 1 vs. рис. 4). На нашем примере это одно

из свидетельств большей значимости действующего лица («Саша») и большей динамичности сюжета в «Проблеме верволка в средней полосе» В. Пелевина по сравнению с действующим лицом («Отар») в «Ловле пескарей в Грузии» В. Астафьева. У слова «Саша» распределение слова по тексту равномерное, что показывает его значимость как для текста в целом, так и для всех композиционных фрагментов («субтекстов»).

2. Ключевые слова, аккумулирующие содержательные вехи описания и/или рассуждения; эти слова могут вести себя аналогично наименованию действующих лиц (ср. рис. 2). Слово «Грузия» в «Ловле пескарей в Грузии» В. Астафьева по праву может быть названо одним из действующих лиц произведения: оно было выделено большинством информантов как ключевое слово, характеризуется (почти) равномерным распределением по тексту, сравнительно частотно в тексте.

3. Ключевые слова, отражающие основные идеи нарративного текста, соотносимые с начальным (преамбула и завязка сюжета) или конечным (развязка) фрагментами (ср. рис. 5 и 6 соответственно). Наиболее ярко этот тип ключевых слов проявляется в нарративах с четкой структурой и динамичным развитием сюжета. Слова «дорога» и «волк, Верволк» в тексте В. Пелевина характеризуются «смысловым сгущением», определяющим ориентацию в тексте («дорога», начальный фрагмент) и развязку («Верволк»).

4. Ключевые слова, имеющие сравнительно низкую частоту встречаемости по тексту, неравномерное распределение (например, сосредоточенные на одном композиционном фрагменте) при крайне низкой общезыковой частоте встречаемости (редкие слова) (ср. рис. 3). Данный тип ключевых слов характерен скорее для научных или новостных текстов. Если же он встречается в рамках художественного текста, то позволяет выделить фрагмент («смысловое сгущение»), несущий особую роль в смысловой структуре тек-

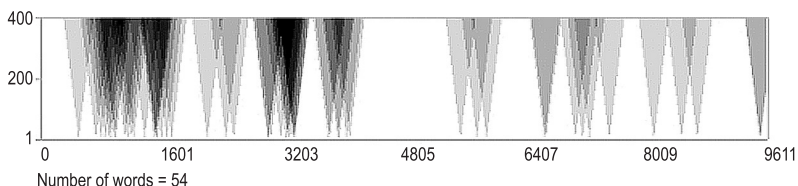

Рис. 1. Спектрограмма вхождения слова «Отар»

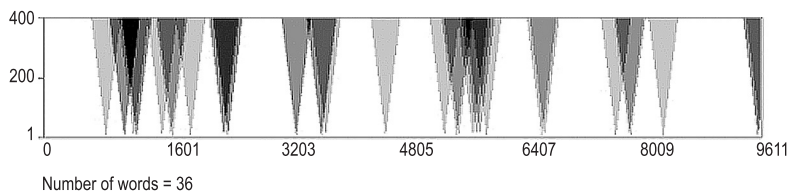

Рис. 2. Спектрограмма вхождения слова «Грузия»

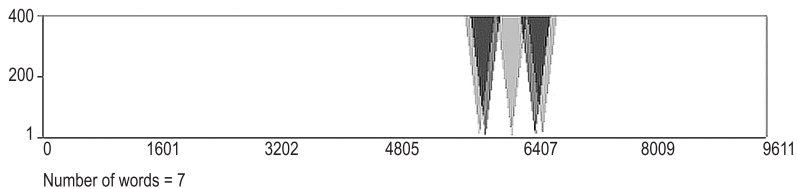

Рис. 3. Спектрограмма вхождения слова «Витязь»

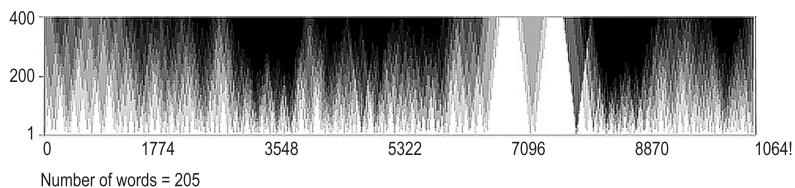

Рис. 4. Спектрограмма вхождения слова «Саша»

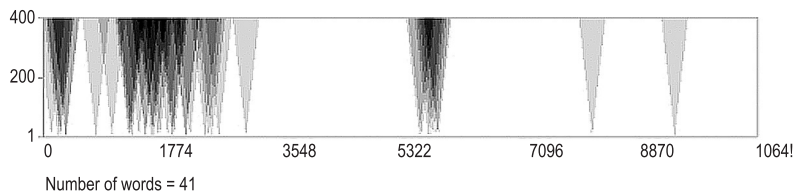

Рис. 5. Спектрограмма вхождения слова «дорога»

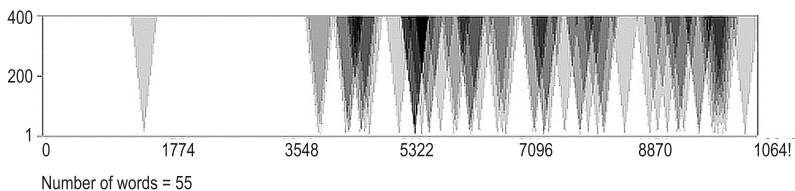

Рис. 6. Спектрограмма вхождения слов «волк, Верволк»

ста (условно говоря, дополнительный «центр тяжести»). «Витязь» в «Ловле пескарей в Грузии» В. Астафьева — это, конечно, «Витязь в тигровой шкуре», олицетворение духа Грузии и знаковый композиционный фрагмент нарратива. В то же время — в отличие от традиционной схемы построения — этот фрагмент не соотносится с наиболее значимыми начальным или конечным фрагментом.

Тексты-примеры различаются степенью динамичности, что также прослеживается на основании семантической насыщенности и способа распределения ключевых слов в тексте.

Все приведенные типы ключевых слов далее могут распадаться на более дробные подтипы. Тип 1 — для текстов с несколькими ключевыми действующими лицами — может разбиваться на подтипы в соответствии со статусом этих действующих лиц и распределением по фрагментам текста. Само определение типа 3 дает возможность отнесения ключевых слов к подтипам этого класса в зависимости от тяготения к началу или концу текста. Дробность классификации можно продолжить. Каждому классу или подклассу соответствует своя картина распределения слова в тексте.

Неравномерное распределение тех или иных ключевых слов, семантические «сгущения» разных типов — все это определяет степень симметричности и/или асимметричности и семантическую неоднородность текста

Семантическую разреженность текста не следует смешивать с лакунарностью [Касевич, Спешнев 2004]. Последняя нейтральна к распределению ключевых слов в пространстве текста. Лакунарный текст минимизирует способы эксплицитной передачи любых языковых средств, переводя существенную часть передаваемых текстом смыслов в смыслы *имплицитные*. Непременное требование к оперированию лакунарными текстами — наличие у адресанта и адресата общего фонда знаний, который помогает адресату восстановить «репрессированные» смыслы, вновь сделать имплицитные смыслы эксплицитными.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак 1990 — Гак В. Г. Асимметрия в языке // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Зиндер 2007 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. СПб., 2007.
- Карцевский 1965 — Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.

- Касевич 1977 — *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич 1997а — *Касевич В. Б.* О метаязыке для описания лексической и грамматической семантики // XXVI Межвузовская научн.-метод. конф. преподавателей и аспирантов: Материалы. Вып. 4: Общее языкознание. СПб., 1997а.
- Касевич 1997б — *Касевич В. Б.* Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // XVI Congrès International des Linguistes. Séances plénières: Textes. Paris, 1997б.
- Касевич 2011 — *Касевич В. Б.* Введение в языкознание. М.; СПб., 2011.
- Касевич, Спешнев 2004 — *Касевич В. Б., Спешнев Н. А.* Лакунарность текста: грамматические, семантические и культурологические аспекты // Востоковедение 23. СПб., 2004. С. 60–68.
- Ландэ 2009 — *Ландэ Д. В.* Визуализация статистики вхождения слов // MegaLing'2009. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. Материалы международной конференции 21–26 сентября 2009 г., Украина, Киев 2009. С. 63–64.
- Мауро 2000 — *Мауро Т., де.* Введение в семантику. М., 2000.
- Меркулов 2000 — *Меркулов И. П.* Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познавание. М., 2000.
- Мурзин, Штерн 1991 — *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991.
- Пивоварова, Ягунова 2011 — *Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В.* Информационная структура научного текста. Текст в контексте коллекции // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2011».
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Хакхвег, Хукер 1996 — *Хакхвег К., Хукер К.* Эволюционная эпистемология и философия науки // Современная философия науки. М., 1996.
- Фасмер 1967 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1967.
- Шайкевич, Андриященко, Ребецкая 2008 — *Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А.* Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). М., 2008
- Ягунова 2010а — *Ягунова Е. В.* Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного текста // Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика №1 Пермь 2010а. С. 83–89
- Ягунова 2010б — *Ягунова Е. В.* Формальные и неформальные критерии выделения ключевых слов из научных и новостных текстов // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы М. 2010б. С. 533–534
- Bybee 1985 — *Bybee J. L.* Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

- Kasevich 2000 — *Kasevich V.B.* On Universal Grammar and cognitive primitives
// *Becoming loquens: More studies in language origins.* Frankfurt am Mein
e.a., 2000.
- Lumsden, Wilson 1981 — *Lumsden C.J., Wilson E. O.* Genes, mind, and culture:
The coevolutionary process. Camb., Mass., 1981.
- Malotki 1983 — *Malotki E.* Hopi time: A linguistic analysis of the temporal con-
cepts in the Hopi language. Berlin, 1983.
- Pullum 1991 — *Pullum G.* The great Eskimo vocabulary hoax // Pullum G. The
great Eskimo vocabulary hoax and other irreverent essays on the study of lan-
guage. Chicago, 1991.
- Trauvau 1966 — *Trauvau linguistiques de Prague.* Vol. 2: Les problèmes du
centre et de la périphérie du système de la langue, Prague, 1966.

О НЕКОТОРЫХ ХОДЯЧИХ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

В мировой практике научной популяризации давно уже заняли свое, подобающее им место словари ходячих заблуждений. Каждая статья в таком словаре как бы помещается в определенную рамку: «все думают, что..., а на самом деле всё совсем иначе, а именно...».

История науки о языке чрезвычайно богата сюжетами, которые вполне могли бы послужить основой для еще одного такого словаря, если бы не то обстоятельство, что эти заблуждения имеют хождение не в народе, а исключительно в профессиональной среде, а значит и их разоблачение — задача профессиональная и вовсе не зачем привлекать к этому широкие читательские массы.

Вообще история науки превратилась в современную область знаний лишь в последние десятилетия. Может быть, эта относительная новизна отчасти объясняет поразительное историческое невежество многих вполне серьезных ученых, безответственность их суждений по историческим вопросам. Когда О. Семереньи, как о чем-то общеизвестном, пишет, что Наполеон «взял Шампольона в свой египетский поход», это выглядит невинным курьезом (египетский поход Наполеона — 1799, Ж.-Ф. Шампольон родился в 1790), однако полностью искажает реальную историю дешифровки иероглифов.

Имена классиков русской грамматической науки окружены заслуженным уважением. Роль Ломоносова, Барсова, Востокова в формировании научных взглядов на русский язык очевидна и несомненна. Однако, коль скоро заходит речь о конкретных идеях и решениях, историки отечественной лингвистики зачастую оказываются склонны видеть открытие там, где классик лишь повторяет общераспространенное в его время мнение, и не замечать реальных заслуг.

Когда младограмматики начинали историю науки о языке с возникновения сравнительно-исторического метода, в этом был смысл. Когда так поступают историки, не считающие себя приверженцами младограмматизма, то это выглядит гораздо менее естественно и приводит к странному нарушению перспективы. Все выглядит так, как будто в XIX веке все занимались исключительно историей языка, а в XX в. ею решительно перестали интересоваться. Но в таком случае историю лингвистики следовало начинать не с Боппа, а с Соссюра.

У богатых американцев одно время принято было покупать европейские замки и перевозить их в США. Часто при этом покупатель приобретал вместе с замком и родословную. Что-то в этом роде произошло с Грамматикой Пор-Ройяля. Под чужим именем «картезианской лингвистики» она вдруг оказалась прабабушкой хомскианской революции.

Поиски научных предков — занятие популярное, но малопочтенное.

Т. В. Клубкова, П. А. Клубков

ЗАБЫТАЯ КНИГА¹

Фрэнсис Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук» полагал, что существуют предрассудки, мешающие познанию истины, — «идолы» [Бэкон]. Такие «идолы» существуют всегда, их можно найти и в современных учебниках по истории языкознания. Так, например, XVIII век в истории языкознания принято считать веком, который не дал каких-либо новых лингвистических теорий². Появление действительно научного сравнительно-исторического метода в языкознании обычно относят к первой четверти XIX в. Считается, что именно в это время языкознание заняло самостоятельное место, отделившись от философских и исторических рассуждений о языке. Но если обратиться к той научной деятельности, которая велась в области языкознания в XVIII в. во всем мире, то с уверенностью можно отодвинуть границу появления научного подхода назад, в середину XVIII в. Такой взгляд на развитие языкознания высказал, кстати, И. А. Бодуэн де Куртенэ в малоизвестном учебнике на польском языке. По его мнению, начало современной науки связано с именем Г. В. Лейбница [Baudoin de Courtenay 1909].

¹ Просматривая все русские грамматики XVII–XVIII вв. в поисках описаний глагола, я натолкнулась и на «Русскую грамматику» А. Шлёцера. Раздел о глаголе в ней отсутствовал, зато обнаружилась нетипичная для универсальных грамматик глава об истории русского языка, а в ней — таблицы сопоставления глагольных флексий. Все это мы обсуждали с Ю. С. Масловым и П. А. Клубковым, а через год Юрий Сергеевич уже рассказывал о Шлёцере на лекциях по истории языкознания. Эта статья и является результатом тех старых разговоров. (Прим. Т. В. Клубковой.)

² Подобный взгляд на языкознание XVIII века мы находим в работах С. К. Булича, В. М. Алпатова, В. Томсена, Н. А. Кондрашова и др.

В течение XVIII в. увеличилось количество известных в Европе языков, активно шел сбор нового языкового материала. На базе этого появлялись новые грамматики, многоязычные словари и компендиумы, куда старались включить информацию о как можно большем числе языков. Для большинства европейских языков к концу XVIII в. сформировалась литературная норма, почти все известные концепции происхождения языка получили свою классическую формулировку именно в XVIII в.

Так, например, в Англии большое значение для установления норм английского языка имела деятельность Сэмюэля Джонсона (1709–1784). В Швеции выдающимся языковедом Иоганном (Юханом) Ире (1707–1780) был создан большой шведский этимологический словарь «*Glossarium Suio-Gothian*» (1769). Во Франции вышел многотомный труд Антуана Кур де Жебелена «Мир первобытный, анализированный и сравненный с миром современным, или естественная история языка» (1774), послуживший поводом к собиранию сравнительных словарей. Лоренцо Эрвас-и-Пандуро в 1800–1804 гг. в Мадриде издал «Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов», где он рассматривает материал более чем 300 языков. В Германии итог многолетних лингвистических исследований был подведен четырехтомным трудом И. Х. Аделунга и И. С. Фатера «Митридат, или Всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера “Отче наш” на почти 500 языках и диалектах» (Берлин, 1806–1817), который «послужил отправной точкой для лингвистов, занимавшихся в первой четверти XIX в. самыми разнообразными проблемами» [Клубкова 1982: 58]. Конечно, все эти работы не были лишены существенных недостатков, но мнение, что «созерцательный подход к изучению языка, нормализация его, осуществляемая с предвзятых позиций, пренебрежение к закономерностям языкового развития, а зачастую и незнание конкретных языковых фактов, своеобразная языковая слепота, — все это было свойственно языкознанию до XIX века» [Кондрашов 1979: 38], видится лишенным всякого основания.

Среди стран, где в XVIII в. велась активная лингвистическая деятельность, следует назвать и Россию. Благодаря деятельности В. К. Тредьяковского, В. Е. Адогурова, М. В. Ломоносова начинают складываться нормы русского языка. В 1786–1791 гг. в Петербурге вышел словарь путешественника и естествоиспытателя П. С. Пал-

ласа, включавший материал 276 языков. Интересна и деятельность Г.Л.Х. Бакмейстера, организовавшего собрание лингвистических материалов при помощи анкеты [Клубкова 1999]. В этом ряду находится также немецкий ученый А.Л. Шлёцер, проводивший в России несколько лет. Рассмотрев внимательнее его деятельность, мы можем с уверенностью сказать, что он занимает важное место в ряду языковедов XVIII в. Так, например, началом сравнительно-исторических афразийских исследований принято считать 1781 год, когда А.Л. Шлёцер предложил объединить в одну группу ряд мертвых языков Ближнего Востока, сходство между которыми было замечено ранее. Эти языки были им названы *семитскими* на основе библейской генеалогии [ЛЭС].

«Некоторые ученые, — пишет В.М. Алпатов, — уже в середине XVIII в. близко подходили к формулированию основных положений сравнительно-исторического метода. Так, выдающийся немецкий историк и филолог Август Людвиг Шлёцер... в своей “Русской грамматике” (1763–1764) писал о регулярности звуковых соответствий между языками как признаке родства языков, о необходимости сопоставления корней, а не целых слов. Однако эти идеи еще не сопровождались основанными на них массовыми сопоставлениями конкретного языкового материала» [Алпатов 2005: 54]. С этим утверждением невозможно согласиться, так как именно в «Русской грамматике» Шлёцера проанализировано более 700 корневых слов. Можно ли считать такое количество незначительным?

Опираясь на анализ теоретических представлений Шлецера о родстве языков и о месте русского языка среди языков мира, рассмотрим его этимологическую практику. Результатом такого рассмотрения может, на наш взгляд, стать частичный пересмотр устоявшихся представлений о предыстории сравнительно-исторического метода.

Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) — историк, статистик, публицист, филолог, ориенталист, ученик Михаэлиса³, мечтавший об исследовательском путешествии на Ближний Восток [Шлёцер 1875: 277], провел в России несколько лет с 1761 по 1769 г. «Русская грамматика» была лишь эпизодом — она осталась, к сожалению, незавершенной. Деятельность Шлёцера — историка, историографа

³ И.Д. Михаэлис (1717–1791), филолог-ориенталист, библеист, специалист по критике текста.

достаточно высоко оценена [Рубинштейн 1941; Вовина-Лебедева 2007].

Конфликт в Академии подробно описан многими [Шлёцер 1875; Пекарский 1866], укажу лишь некоторые причины: возраст участников (Шлёцер молод, его противники относятся к старшему поколению), разность научной подготовки и даже сам язык исследований (немецкий Геттингенской школы Шлёцера и доготтшедский немецкий петербургских переводчиков) [Михина 1987].

Для работы с русскими летописями Шлёцеру пришлось изучать русский и старославянский языки, при том что к середине XVIII в. не было написано ни одной полной русской грамматики на западноевропейских языках. В это время уже существовала «Грамматика» М. В. Ломоносова, но пользоваться ею могли только читатели, уже владеющие русским языком. Шлёцер описывает стадию поиска пособий, выбора текста для перевода. Приходилось обходиться подручными средствами: Латинско-немецкий Целлариус с русским индексом, рукописный лексикон К. Кондратовича, Вейсманнов лексикон, где в качестве приложения была напечатана краткая русская грамматика на немецком языке, составленная В. Е. Адодуровым, наконец, «первая русская грамматика на родном языке» [Успенский 1975], где Адодуров в некоторых случаях оказывается даже более тонким грамматистом, чем Ломоносов.

Грамматика Шлёцера — это грамматика языка до Карамзина и Пушкина, где заимствования петровской эпохи еще не освоены полностью, где нет нормы синтаксиса. Выбор текста для перевода пал на известное сочинение С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», перевод которого можно было бы впоследствии издать⁴.

Изучая русский язык, Шлёцер применил свой «метод корней», начав с лексикона Кондратовича, который он переписал, приме-

⁴ Это произведение положило начало созданию нового жанра научных путешествий по России. Содержащее чрезвычайно интересный в познавательном отношении материал, написанное прекрасным литературным, разговорным в своей основе, языком, «Описание земли Камчатки» неизменно пользовалось популярностью у широких кругов читателей. Наряду с произведениями М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина оно послужило источником для составления «Словаря Академии Российской». Сразу после выхода в свет труд Крашенинников стал хорошо известен не только в России, но и в Западной Европе. Франц. пер. — 1760, нем. пер. — 1766, англ. пер. — 1764, 1770 — голланд. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%A1._%D0%9F

няя для корней и аффиксов буквы разного размера⁵. Раздел, касающийся рыб Камчатки, Шлёцер переводил, как Лютер — Библию, используя информантов: «...в Камчатке я дошел до главы о рыбах, имен которых мой Кондратович или вовсе не приводил, или если и приводил, то не по Линнею. Моя хозяйка знала большую часть этих русских названий, и если попадалась такая рыба, для которой не было немецкого имени, то она приказывала принести ее из рыбного ряда. Чтобы отыскать научное название рыб, я стал систематически изучать ихтиологию, сравнил Артеди с Клейном и характеристики привел в таблице» [Шлёцер 1875: 63].

«Русская грамматика» печаталась по мере поступления рукописи. Печатание книги было прервано из-за возникших разногласий с Ломоносовым, и она осталась недописанной. Поводом для конфликта послужила глава «Происхождение русского языка. Родство русского языка с греческим латинским и немецким» — точнее, завершающий главу словарь из примерно 700 единиц, который вполне можно считать первым опытом этимологического словаря русского языка (экземпляр верстки сохранился в архиве Г. Л. Бакмайлера).

Вот как описывал события сам Шлёцер: «Ломоносов прокричал меня хвастуном, потому, что я обещал приготовить в несколько лет без большого труда такие работы, которые ему стоили 30 лет поту и усилий. В языке и в истории он был чистый натуралист: он не понимал, что тому и другому, как всякой науке⁶, можно и должно было учиться; ему и в голову не приходило, что он, Ломоносов, со всем своим гением, с величайшим трудом в несколько недель произвел бы калеку-сапог, между тем как ученый подмастерье, шутя в два дня сшил бы сапог по всем правилам искусства» [Шлёцер 1875: 230].

К сожалению, трудно говорить о том влиянии, которое могла бы оказать лингвистическая деятельность Шлёцера на сравнительное и, в частности, славянское языкознание. Перевод «Русской грамматики», содержащий главу 6 («Родство русского языка с греческим, латинским и немецким») вышел только в 1875 г., через 60 лет после Боппа, Гримма, Паска, Востокова, а немецкий оригинал (Aug. Schlozer. Ruffische Sprachlehre. I–II) был издан С. К. Буличем только в 1904 г.

⁵ Выделение корней и аффиксов шрифтом разного размера или цвета вполне в традициях ориенталистики, начиная с Э. Гуттера, который, как рассказывал Ю. С. Маслов, уже в 1602 применил для корней и аффиксов красный и черный шрифт.

⁶ Шлёцер оперирует понятиями «наука» и «метод».

Глава «Происхождение русского языка. Родство русского языка с греческим латинским и немецким» начинается с обращения к читателям. Те, кому нужны только склонения и спряжения, говорит автор, могут эту главу пропустить. Но есть два разряда читателей, которым она будет интересна: «Один разряд желает изучить язык совершенно, в основании, критически; другой не столько заинтересован самим языком, сколько его историею. Одни требуют, чтобы им указали все средства, которые могли бы им сберечь и время и труд при изучении языка; другие спрашивают преимущественно о родстве языка с другими, чтобы из языка какого-нибудь народа вывести сведения о его происхождении» [Шлёцер 1875: 437]. Оба разряда читателей, однако, должны знать всеобщую грамматику, должны понимать, как действует «благодетельная природа» [Шлёцер 1875: 438].

Существует, по мнению Шлёцера, два метода обучения языку — школярский, построенный на зубрежке, и философский, приближающий к природе и позволяющий экономить усилия. Чтобы применять последний, надо знать основы всеобщей грамматики. Историю возникновения и способ применения «методы корней», изобретенной им при изучении еврейского языка и впоследствии усовершенствованной у Геснера и Михаэлиса, Шлёцер подробно изложил в своих воспоминаниях. «С одиннадцати лет, — пишет он, — я учился еврейскому языку и вследствие того набил себе голову коренными словами. Впоследствии мне пришлось в голову, что, вероятно, и в других языках можно найти подобную генеалогию слов, и что, по-видимому, самые различные значения должны иметь одну соединительную точку. Так я ломал голову над *alt* и *Eltern*, *trübe* и *betrüben*, *fünf* и *Finger*, *pecus* и *pecuniä*, *pes* и *impedio*, *jacio* и *conjectura*, *servus* и *servare*, *calamus* и *calamitas*, *video* и *invideo*, *venio* и *invenio*... У многих я угадывал соединительный пункт или основное значение и с тех пор во всех языках охотился за корнями. Когда я узнавал в новом языке сто корней, то четыреста производных ... стоили мне не много нового труда: не раскрывая лексикона, я угадывал их значение или по крайней мере очень легко запоминал его. По этой корнесловной методе я стал учиться русскому. Вообще запоминать корни — тягостная работа памяти; но мое знакомство с другими языками почти избавило меня и от этого труда. Я скоро заметил, что из 10 русских (или славянских) коренных слов наверное девять находятся или в немецком, или в латинском, или

в греческом, или даже во всех трех и что первоначальное их тождество может быть доказано по точным правилам без ребячески-насильственной этимологии» [Шлёцер 1875: 40]. «Метод корней», по словам автора, — это «веселый» метод, который «мышлением ведет далее, чем памятью, и того, кто способен думать, избавляет от тупого прилежания» [Шлёцер 1875: 40] —

Этот метод Шлёцер использовал при изучении новых языков, в том числе русского, старославянского, польского, хорватского, чешского. Применял он его и в преподавании латыни: «Между прочими новейшими приемами я, кроме перевода, при чем пользовались грамматикою при случае и в виде таблиц, ввел также разговоры со своими учениками по-латыни. Так как при разговоре, вместо словаря, нужно было прибегнуть к вещественным предметам, то я брал географические карты (естественные науки и математика, может быть, были бы для этого удобнее географии). «*Russia divisa est in partes viginti; haec pars (покажи пальцем!) versus orientem sita, colore viridi tincta, quomodo vocatur?*» Можно вообразить, как легко молодые люди, которые уже бегло говорили по-французски, отгадывали и вместе с тем запоминали значение этих слов; *divise, partie, vingt, orient, verd* и проч, они уже знали» [Шлёцер 1875: 118].

«Метода корней»⁷ состоит в изучении *коренных слов* языка, выявлении законов словообразования и установлении родства или связи языков на основе выявленного сходства корневого состава и значения слов в разных языках. Для практического применения этого метода нужны оригинальный текст, словарь и грамматика. Безусловно полезным является знание многих языков: «... Чем большее количество языков знаешь, тем легче изучаются другие: их особенности больше не поражают, потому что вы их уже где-нибудь встречали. Валах ставит член позади слова; это делает и швед; русское *apud me est*, заменяющее немецкое *ich habe*, есть латинское *est mihi*; греческое, шведское и русское *medium* и еврейское *hiptaël* взаимно разъясняют друг друга; *w* арабы и британцы выговаривают одинаково; японское *a* в названии столицы Мако звучит совершенно как русское *я...*») [Шлёцер 1875: 39].

⁷ Стоит отметить, что именно с ориенталистикой, с именем Й. Рейхлина (1455–1522), связано появление термина «корень» в европейском языкознании. Клод Лансло опубликовал учебник «*Le Jardin des racines grecques*» (1657), удержавшийся во французских средних учебных заведениях до 1870 г. Об этом рассказывал Ю. С. Маслов.

Рассмотрим философскую основу метода, как ее описывает Шлёцер в своей «Грамматике». Язык в понимании Шлёцера, в соответствии с всеобщей грамматикой, есть «совокупность всех членораздельных звуков, которыми он [народ] выражает свои мысли», и каждая мысль требует своего особенного знака или особого слова... благодаря благодетельной природе, которая *по своему вечному закону бережливости*, как во всех своих действиях, так и здесь идет кратчайшим и легчайшим путем, и употребление средства, необходимого нам для того, чтобы подняться из класса животных в разряд разумных существ, делает возможным и легким для неученого, как для философа, для тупой головы как для гения. Подобно божественному изобретателю букв, научившему нас посредством каких-нибудь двадцати знаков выражать все звуки, к которым способно организованное человеческое горло... природа... начинает маленьким запасом каких-нибудь 500 коренных слов и из них тысячью способов создает множество слов, это богатство языков, которого никакой словарь не исчерпает и которое, постоянно возраста, умножается до бесконечности».

Учиться в соответствии с природой — значит использовать те же средства, что и природа. «Средства, употребляемые ею для достижения этой великой цели, очень просты и немногочисленны, и почти те же самые, посредством которых она в человеческой душе раз воспринятый запас понятий из самой себя постоянно умножает и в то же время предупреждает запутанность, естественное следствие многочисленности» [Шлёцер 1875: 438]. Первое из них состоит в том, что «природа соединяет *коренные слова* так, как душа из двух идей создает третью и новую только потому, что она мыслит их в связи, т. е. она сочиняет (*componiert*)» [Шлёцер 1875: 438].

Поиск закономерностей словосложения формируется Шлецером из двух источников — знания еврейской грамматики (в частности пород глагола) и работ шведского этимолога Ире. «Немец образует *hifil*, но не все глаголы к этому способны: *fallen* — *fällen* (*fallen machen*), *sitzen* — *setzen*, *dringen* — *drängen*, *rauchen* — *räuchern*, *wiegen* — *wägen*. Приставка *er-* постоянно дает особенное значение *drücken* — *erdrücken*, *schlagen* — *erschlagen*. В своей старой латинской грамматике (новой я не знаю) я нашел определенное замечание, что уменьшительные образуются посредством *olus*; но чтобы для окончания *or*, *osus*, *ivus*, *tas* (*actor*, *fruktuosus*, *furtivus*, *securitas*) были такие же общие правила, этого я не помню; но в греческой

грамматике (Галле) таких правил не мало. Я надоедал Миллеру вопросами, что вообще значат так часто встречающиеся русские окончания *ость, тель, ив, ский*; он меня не понимал: в его университетские годы еще не было философского языка; но он пересчитал мне дюжину слов с одинаковыми окончаниями, вместе с их значениями; после этого я сам себе составил общее, хотя и темное понятие» [Шлёцер 1875: 41].

Во-вторых, природа «означает подобные отношения, при которых душа мыслит идею также одинаковыми знаками; т. е. она изменяет, склоняет, спрягает (*flectiert*)» [Шлёцер 1875: 438].

Источником сведений о собственно грамматике — склонении, спряжении, степенях сравнения служил Шлёцеру Вейсманов лексикон: «Простые окончания, вместо того, чтобы их запоминать по-детски, я привел в таблицы, которые постоянно лежали предо мною, и много при том выиграл, посредством сокращений; потому что автор, как и все его позднейшие преемники, писал без всякого грамматического гения; так напр. в склонениях принял везде семь падежей, между тем как большая часть имен имеет их только пять. В глаголах славянские наречия имеют наибольшее число особенностей, которые, отдельно взятые, встречаются и в других языках, как напр. их *medium*, о котором было выше упомянуто. Будущее они иногда образуют приставкою к настоящему времени предлога, чему ни одного примера я не знаю в других языках. Во временах они делают такие тонкие различия, как Французы между *j'avais* и *j'éûs* и т. д. Эти тонкости затрудняют иностранцу научиться писать и говорить, но не очень затрудняют понимание языка» [Шлёцер 1875: 43].

Наконец, природа «выражает родственные идеи словами, которые делают это родство очевидным, и из одного однокоренного слова образует целый ряд других слов, точно так же, как одна основная идея производит из себя целый сонм подчиненных или подобных понятий; она производит (*deriviert*)» [Шлёцер 1875: 438].

«Славянин, — пишет Шлёцер, — как и все европейцы (чего не делают евреи и проч.) часто составляет слова, а потому моей третьей заботой было научиться разлагать, в особенности с частицами. Опять чрезвычайное сбережение времени и труда. Если я знаю, что значит *pono* и что значит *ex, prae, cum, trans, post, in* и т. д., то мне нет надобности искать в словаре *expono, praepono*. Я угадываю их значение. Или если в словаре нахожу новое, произвольное зна-

чение (*сотропо* помириться, похоронить, *improпо* обмануть, ср. навязать кому-либо что-либо), то я его легко запоминаю, потому что переход от одной идеи к другой схватываю при первом намеке. Все-му этому, мне скажут, учит разум человеческий; но учит ли этому всякий учитель языка?» [Шлёцер 1875: 42].

Далее в воспоминаниях следует образец применения этих четырех приемов — анализ словоформы *всемилостивейшему*. В словоформе выделяются корень *мил*, который сравнивается с родственными словами *милость*, *милостив*, вторая значащая часть *все* (от *весь*) и флексии суперлатива и дательного падежа. Для всех единиц Шлёцер ищет и находит параллели в германском, греческом или латыни. Сближения правильно выделенных корней оказываются ошибочными, но суффиксы и флексия выделяются и сопоставляются правильно («милостив — *adjectivum*; Флексия: *ейшему*, *ейший*, правильная превосходная степень (*s* везде примета превосходной степени: *clementissimus*, *gnädigster*); *ему* дательный мужеского рода единственного числа (так точно немецкое *dem*, *ihm*, древне-шведское *herrano-m*: нет ли в древнелатинском и греческом следа этого дательного на *m*?») [Шлёцер 1875: 43].

Описав свой метод и его применение, Шлёцер противопоставляет его «ребяческим» этимологиям прошлого века и выражает уверенность, что его никто не смешает «с тем, что недавно предприняли Фульда в немецком языке и некоторые голландские ученые в греческом: они хотели найти первоначальные элементы, монады языка, что я считаю мечтою».

Сам же Шлёцер за четыре недели легко изучает ряд славянских наречий [Шлёцер 1875: 41]. Ученый, по его мнению, при изучении языка действует подобно природе — «разлагает подлежащий ему язык на его простые части и замечает их значение». Затем он, руководствуясь положениями из всеобщей грамматики, ищет ответ на две группы вопросов.

1. Как знаки понятий, или слова, переходят от одного значения к другому? По каким риторическим фигурам они расширяются, сужаются и переменяются? Какие перемены претерпевают сами звуки, как гласные, так и согласные?

2. Какие буквы приставляются, выпускаются или заменяются другими для того, чтобы сделать очевидным различие двух в основании одинаковых понятий посредством различия в слове?

Потом ученый выясняет, какие способы изменений, о которых всеобщая грамматика говорит только как о возможных, существуют в данном языке. Поскольку он уже знает *коренные слова*, то все, что нужно сделать, это «из давно известных положений сделать применение к языку, до сих пор неизвестному». Шлёцер перечисляет выгоды этого метода изучения языка, состоящие главным образом в экономии усилий, и подчеркивает, что «гений, красота и настоящая сила языка навсегда остается закрытой для тех, кто не проникает в познание его *коренных слов*... Тогда слово прекрасно, выражение сильно, когда оно кроме главной идеи... вносит с собою целый ряд побочных идей, дающих главной мысли свет, ясность и приятность, побочные идеи иногда связываются со словом вследствие простого каприза своевольного употребления, но гораздо чаще вследствие этимологии». Рассуждение о духе языка здесь связано с известным конкурсным сочинением Михаэлиса о связи языка и мышления, о их взаимном влиянии [Michaelis 1760].

Шлёцер пытается обосновать цифру 500 — число «коренных слов», из которых возникает, по его мнению, все «богатство языков». Коренные слова отличаются от Radices восточных языков. Количество Radices безусловно больше, и это объясняется объективными причинами: «Не все Radices коренные слова. На всех языках давно уже говорили прежде, чем начали писать. Первобытное однообразие этих слов тогда сделалось неузнаваемым в произношении; в письме более следовали произношению чем этимологии, оттого произошло гораздо больше Radices, нежели действительно коренных слов». По мнению Шлёцера, стоит лишь выучить коренные и узнать правила, по которым эти слова «в устах славянина потерпели такие большие перемены: с помощью этих правил он среди этих перемен найдет свой язык и узнает неузнанное слово, как старого знакомого, который из дальнего путешествия возвращается домой, переменившись. Тогда не придется ему учить наизусть, а только сравнивать: воображение отнимет у памяти половину ее труда, и то, что прежде было трудным занятием, обратит в игрушку в свободные часы» [Шлёцер 1875: 441].

Порадовав читателя-филолога легкостью предстоящей работы, Шлёцер обращается к любителю древностей. «Лейбниц первый учил великому положению, что язык народа — достовернейший исторический источник сведений для отыскания его происхождения» (Шлёцер 1875: 441). Это положение Лейбница используется

историками, но историку надо знать не только словарь, но и грамматику, коренные слова. Шлёцер приводит пример неудачного обращения к языку, когда ошибочность выводов связана именно с неправильной реконструкцией, не учитывающей структуры слова: «Хотя для такого употребления исследователь истории нуждается только в словаре, а не в грамматике, однако и последняя делается ему иногда необходимою, если не для того, чтобы открыть истину, то чтобы избежать ошибки. Славянская История сама представляет тому очевидный пример. Ленгних (Lengnich) (História Polonica p. 343 sqq. в прибавлении, которое трактует de Polonorum maioribus) производит Поляков от Лациров (Laziérn), народа, обитавшего в старину в древней Колхиде. Его главные доказательства этимологические: primum Polonorum nomen, говорить он, sed patrium, seu ducem aliquem sequamur. Поляки называют себя Polacy: кто тут не видит имени Ляды (Lazi). Вспомните при том, что *po* в соединении означает *потомки*, то доказательство будет полное. Однако Polacy множ. ч. от Polak; слог *ак* во всех славянских наречиях есть только окончание, образующее существительное муж. рода. Так говорят по-русски Пруссак от Пруссия, дурак от дур; козак от Вендскаго Ковзам (Kowsara), скоро и легко куда-нибудь ехать верхом. И по-польски говорится: Prusak, Slesak (der Schlesier). Богемцы называют русских Ruszacy и проч. Следовательно, для коренного слова ничего не остается, кроме Pol, и вся гипотеза Ленгниха, которую множество немецких писателей повторяет за ним, основывается на положении, что Pol и Laz одно и то же слово! Нестор естественнее Ленгниха объясняет имя и происхождение Поляков» [Шлёцер 1875: 441–442].

Родство греческого, немецкого, латинского Шлёцер считает доказанным. Его цель — добавить к этой группе славянский. «Греческий, немецкий и латинский в основании один язык, — пишет он. — Я ставлю это предположение как доказанное (не обращать внимание на дурные доказательства). Рядом с этими тремя языками, которые бесспорно братья по одной матери, или по крайней мере двоюродные братья по одной бабке, я ставлю четвертый, именно славянский, по всем его наречиям, и утверждаю, что он со всеми этим языками так же родствен, как эти три упомянутых языка между собою, братья от одной матери или по крайней мере двоюродные братья по одной бабке».

По мнению Шлёцера, славяне, будучи очень древним народом, еще в отдаленнейшие времена «отделились от тех наций, с которыми

раньше составляли одно целое (речь идет о романских и германских народах), и их язык переменялся после отделения. Угасли почти все следы его общего происхождения, но удержался только основной материал — его *коренные слова*. Поэтому в них одних мы должны искать сходство славянского языка с другими европейскими» [Шлёцер 1875: 442], и сравнивать также только с коренными словами. Для доказательства этого положения Шлецер делает краткий экскурс в историю расселения славян, их соседства с греками, германцами.

Шлёцер особо оговаривает, что речь отнюдь не идет о старшинстве того или другого языка: «Здесь нет речи о том, который из этих четырех языков древнее и который из которого произошел. Я говорю только о их родстве; в отношении древности я ни одному из них не даю первенства пред другим; я на них смотрю, как на потоки, выходящие из одного источника, как на рукава одной реки, как на ветви одного ствола. Я думаю, что на Рейне и на Тибре употреблялись слова, корни которых сохранились только на Волге. Но я думаю, что найдется в *славянском языке* столько же других слов, которых этимология не существует более *ни в одном из его диалектов*, а только в немецком, латинском или греческом» [Шлёцер 1875: 443].

Именно этот пункт был камнем преткновения для ученых XVII в. «Ученые прошлого столетия не могли сообразиться в различии этих вопросов: из двух сходных между собою языков один должен был быть древнее другого, один должен был всегда происходить от другого, и так как эти этимологи в то же время были патриоты, то каждый из них своему родному языку приписывал эти мнимые преимущества. Голландец находил в своем языке слова, которые также находились и в различных других языках, и тотчас заключал, что все другие языки в мире происходят от его родного языка, и в своем этимологическом восторге уже в раю слышал голландский язык. Швед, по той же слабости, производил все другие языки от шведского, основывал честь своей нации на древности ее языка, и со всею ревностью патриота бранил тех, кто осмеливался ему возражать. И славянскому языку угрожало однажды подобное усердие, но, не знаю, по каким причинам, оно счастливо его миновало» [Шлёцер 1875: 443].

По мнению Шлецера, славяне жили в древние времена между Доном и Волгой, готы — на берегах Черного моря и Дуная, а южнее их — греки. На этом пространстве и находятся «коренные жи-

лица» трех великих народов и «колыбель трех языков», которые в последующие времена сделались главными языками Европы. Это географическое взаиморасположение может оказаться важным для объяснения остготского языка, остатки которого фиксировали в Крыму. Этот язык Шлёцер считает более древним, чем немецкий, греческий, славянский. «Кроме того, — пишет он, — славяне сближают нас с востоком; они приближаются к соседям Каспийского моря. Если когда-либо придется объяснять родство персидского языка с немецким, — одно из самых странных, но вместе с тем самых решенных явлений языка, — то это должно быть сделано посредством славянского языка» [Шлёцер 1875: 444].

Более того, Шлёцер надеется найти согласие, гармонию между семитскими и индоевропейскими языками — именно таким путем можно будет приблизиться к праязыку: «...Если когда либо будет возможно найти согласие между восточными языками (еврейским и его братьями) и нашими европейскими и указать на их общее происхождение, — надежда, которая с тех пор, как я стал знакомиться с славянским языком, более не представляется мне столь нелепой, — то славянский язык будет иметь ближайшее право составить переход между этими впрочем совершенно различными классами языков и таким образом на целый шаг приблизить нас к важному открытию *linguae primigeniae*» [Шлёцер 1875: 444]. Такой оптимистический взгляд отражен в «Грамматике»; а через 38 лет, в своих воспоминаниях, Шлецер высказывается на эту тему менее оптимистично и поиск первоначальных элементов — монада языка считает мечтой [Шлёцер 1875: 41].

Далее последовательно приводятся доказательства родства четырех языков:

«Я перехожу к доказательствам моего положения. Существуют известные общие характеристические черты, которые тотчас же при первом взгляде делают очевидным родство двух языков⁸. Я отношу к ним:

I. Числительные имена. Все народы считают, и почти все считают до десяти. Не много таких, которые, подобно Корьяканам (Kor'akap), считают не выше 5, и еще меньше таких, которые, подобно Ямеосам (Jameos), не выше 3. Однако нет идеи более подверженной

⁸ Здесь Шлёцер указывает в качестве источника работу Лейбница из сборника «Miscellanea» (p.53).

запутанности, как идея числа; а потому самому грубому народу пришлось изобретать слова, чтобы предупредить эту запутанность.

Эти раз изобретенные числительные имена перешли от одного рода к другому; ежедневное их употребление не позволяло их забывать; но именно вследствие этого частого употребления, которое почти во всех языках сделало неправильными *verbum substantivum*, местоимения и некоторые прилагательные (как *gut*, *böse*, *gross* и проч.), они *мало-помалу до того переменились, что их первоначальное сходство возможно признать только при сравнении нескольких языков*. Русские числительные дают тому очень ясное доказательство [Шлёцер 1875: 444].

Помимо числительных Шлёцер указывает также местоимения (приводится список личных местоимений); слова, выражающие простейшие и наиболее подлежащие чувствам понятия; флексии глаголов (приводится таблица глаголов *быть* и *мешать* в настоящем времени). «Доказательство, — продолжает он, — которое можно отсюда вывести для родства всех этих языков, сильно. Их сходство в самых существенных и вместе с тем самых своеобразных частях слишком велико, чтобы его можно было приписывать только случаю; и еще неестественнее было бы думать, что древние Славяне, у которых искони были носы и глаза, которые искони знали огонь, воду и солнце, только впоследствии заимствовали имена этих предметов у Греков, Римлян, Немцев и других народов. Следовательно, в то время, когда эти слова изобретались и сделались общеупотребительными, должно быть, они вместе со всеми этими народами составляли один род и вместе с ними образовали один язык, который только со временем вследствие разделения семейств разделился на разные наречия. *Переверните доказательство: сравните таким же образом немецкий с турецким, русский с еврейским: оно также сильно докажет различие этих последних языков*» [Шлёцер 1875: 446–447].

Сам словарь должен выполнить двойную роль: облегчить читателю изучение русского языка и доказать родство русского с греческим, немецким и латинским языками. Шлёцер формулирует правила отбора русской лексики для сравнения в рамках словника. Отбор производится по нескольким параметрам: так, в словник не включаются частицы и местоимения, поскольку они очень частотны, запоминаются без труда, а усилия, труд надо беречь. Вторая исключаемая группа — заимствования, «слова, которые религия,

торговля и науки очевидно ввели в русский язык только в новейшие времена». По его словам, «такие слова, которые иные замечают прежде всего, ровно ничего не доказывают; речь идет только о таких, которые составляют собственно сокровище языка» [Шлёцер 1875: 447].

Для вычленения заимствований Шлёцер рассматривает историю формирования русского языка и выделяет эпохи, когда русский язык «отчасти обогатился, отчасти обременился множеством новых слов»: 1) введение христианства при Владимире Великом в 988 г.; 2) владычество татар, от сражения при Калке в 1225 г. до Ивана Васильевича I; 3) реформа Петра Великого с 1700 г. Каждый период характеризуется типичными заимствованиями, списки которых приводятся. Списки первого и третьего периодов бесспорны: это «богослужебные слова, термины науки и искусства, имена, даваемые при крещении» и выписанные из одного номера газеты заимствования петровской эпохи, — эпохи, когда язык обогатился большим количеством иностранных слов, которые «хотя и не украсили его, но в значительной степени облегчили его изучение для иностранцев» [Шлёцер 1875: 440].

Список заимствований татарского периода, т. е. предполагаемых тюркских заимствований, — *анбар, арбуз, дыня, огурец, богатырь, безмен, деньги, полушка, алтын, базар, башмаки, ям, бумага, дед, дядя, тетка, кафтан, колпак, кушак, сарафан, медь, казна, кровать, сундук, фонарь, фитиль, карандаш, караул, ртуть, пуд* — с точки зрения современной науки не безупречен. В нем, помимо реальных тюркизмов, присутствуют и слова, которые сейчас этимологизируют иначе. Так, слова *дыня, дед, дядя, тетка, медь* признаются общеславянскими; слова *полушка* и *пуд* — древнерусскими (последнее — заимствованным из древнескандинавского); слова *огурец, фонарь, кровать* — греческими. Впрочем, *огурец* некоторыми авторами возводится к древнерусскому *aguron*, которое и было заимствовано греками. Слово *бумага* имеет иранские корни, *ртуть* — восточнославянские.

Шлёцер использовал для сравнения следующие языки.

И н д о е в р о п е й с к а я с е м ь я

1. Славянские языки — русский, диалекты русского, старославянский, украинский, польский, чешский, верхне-, нижнелужицкий, сербский.
2. Балтийские — литовский, латышский, древнепрусский.

3. Германские — английский, древнеанглийский, англосаксонский, немецкий, диалекты немецкого (верхненемецкий, нижненемецкий), шведский, датский, исландский, голландский, готский, франкский, фризский.
4. Кельтские — валлийский, кельтский, галльский.
5. Итальянские — латинский, архаичный латинский, латинский средних веков.
6. Романские — испанский, итальянский, французский, молдавский.
7. Греческие — новогреческий, греческий, древнегреческий.
8. Иранские — персидский, древнеперсидский.

Африка́йская семья

Семитские — арабский, еврейский.

Ура́льская семья

Финно-угорские — венгерский.

Картвельская семья — мегрельский.

Поскольку основной задачей Шлёцера было доказать родство русского языка с немецким, латинским и греческим, то почти в каждой словарной статье мы найдем примеры из этих языков. Кроме этого с наибольшей регулярностью встречаются данные франкского, германского, англосаксонского, шведского и готского языков. В некоторых словарных статьях (Грожу, Дева, Князь) для сравнения привлекается большое количество языков. В нем привлекаются примеры из более чем 60 языков, включая их диалекты и наречия, что дает широкий сопоставительный материал.

Основную часть главы 6 — «Родство русского языка с греческим, латинским и немецким» составляет словарь, включающий 701 единицу, который и должен послужить доказательством родства.

В словаре представлены следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие, союз, предлог, местоимение, междометие. Слова расположены по алфавиту корней, коренная часть выделяется более жирным шрифтом (напр.: **Беру**, **Болить**, **Гнеть**). Производные слова располагаются гнездами вокруг этих корней. Например: **Беру** — *беремя, оберемнить, брюхо, зборицки*; **Воля** — *изволить, уволить, доволен, неволю, приневоливаю*. Заглавное слово в статье представлено в форме: существительные — им. п., ед. ч.; прилагательные — им. п., ед. ч., м. р.; глаголы — 1 л., ед. ч., наст. вр.

В словарной статье Шлёцер использует свою систему графических выделений. «Те слова, в которых я собственно ищу сходства с русскими, — пишет он, — отличаю от других, которые привожу только как перевод, курсивом и петитом. Точно так же и в русских словах я отличаю коренные буквы от тех, которые прибавились». Он также вводит пометы, указывающие на принадлежность слова к определенному стилистическому пласту лексики (*Гадъ*, obs.), или на старославянское происхождение (*глаголю*, Slav.; *Жажду*, Slav.; *Гряду*, Slav.). Если в языке закрепились две формы (как старославянская неполногласная, так и русская полногласная), то указаны обе (*Гласъ*, Slav. *голос*; *Глава*, oder *голова*; *гладъ*, oder *голодъ*).

Так как среди слов, привлеченных Шлёцером к анализу, попадаются русские реалии, а словарь в целом рассчитан на иностранца, то в некоторых словарных статьях (*Баня*, *Верста*) он дает обстоятельное толкование слов. Каждому слову в словаре дается перевод: для существительных — на немецкий, для глаголов — на немецкий либо на латинский. Составной частью словарной статьи может быть этимология слова близкого по смысловым ассоциациям заглавному слову (см. *Ветхий*, *Весна*). В одну словарную статью могут быть помещены однокоренные слова, каждое из которых является объектом этимологического исследования (например, для слов *Гребу*, *Дерево*). Ударение в словаре не обозначено.

Даже учитывая все слабые стороны языкознания XVIII в., подход лингвистов этой эпохи к языку никак нельзя назвать ненаучным. При более близком знакомстве с одной частной работой, «Русской грамматикой» Шлёцера, мы видим, что автор опирался на четко осознаваемые принципы, которые впоследствии легли в основу сравнительно-исторического метода. Задавшись целью доказать родство русского, немецкого, латинского и греческого языков, он привлекает исключительно широкий материал для сопоставления. При этом он 1) сравнивает не целые слова, но части слов — корни, окончания; 2) выделяет классы лексики, наиболее показательные для сопоставления и выявления родства; 3) наглядно прослеживает регулярные соответствия между некоторыми индоевропейскими и германскими согласными; 4) выявляет словообразовательные модели, аналогии которых старается найти и в других языках.

Научная деятельность Шлёцера в области истории и языкознания позволила ему подробно проследить этапы исторического

развития русского языка, по выражению Н. Л. Рубинштейна, «протянуть некоторую нить от современного русского языка к славянскому и древнерусскому».

Таким образом, уже в шестидесятые годы XVIII в. А. Л. Шлёцер, возможно, предвосхитил открытие ряда таких методических принципов сравнительно-исторического метода XIX в., как «принцип регулярности соответствий» сформулированный Р. Раском в 1818 г., понимание целесообразности сопоставления составных элементов слова, сформулированное Ф. Боппом в работе 1816 г., наличие соответствий между индоевропейскими и германскими согласными, четко сформулированных Я. Гриммом в 1822 г.

Руководствуясь собственными наблюдениями, а также отчасти полагаясь на опыт предшественников, ученый последовательно строил свои рассуждения с учетом этих принципов и получил более шестидесяти процентов верных этимологий.

Можно, конечно, с позиции современной науки упрекнуть автора словаря в том, что в некоторых случаях он пренебрегает своими правилами, руководствуясь только сходством в звуке и значении и не давая никакой информации о том, было ли слово заимствовано из другого языка, либо усматривает непосредственное родство. Но здесь необходимо учитывать, что его целью было не решение проблемы происхождения слова, а доказательство родства языков, которое он сознательно проводил на языковом материале, наименее подверженном заимствованию. Это родство было им доказано с исчерпывающей убедительностью.

Подводя итог, мы не можем не согласиться со словами Н. Л. Рубинштейна: «Общая теория Шлёцера содержала, конечно, много спорных и неверных с точки зрения нашей современной науки положений. Но 150 лет тому назад высказывания Шлёцера были все же крупным успехом историзма в языкознании, показателем значительного роста научной методологии» [Рубинштейн 1941: 154].

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что основные принципы, на которых основывается научное установление родства языков и которые, по мнению В. М. Алпатова, были сформулированы компаративистами, были известны и использовались учеными XVIII в. Понимание того, что сравнивать следует не целые слова, а их корни, что не вся лексика языка является показательной для установления родства, было вполне осознанным и для Шлёцера.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 2005 — *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Бэкон 1977 — *Бэкон Фр.* Сочинения в двух томах, т.1. М.: Мысль, 1977. С.303–307.
- Вовина-Лебедева 2007 — *Вовина-Лебедева В. Г.* «Геттингенская метода» или Пражская школа (К вопросу о А. Л. Шлёцере и Йозефе Добровском как исследователях русских летописей // *Петербургские балканские и славянские исследования*, 2007, 1/2. С. 57–68.
- Клубкова 1982 — *Клубкова Т. В.* «Митридат» И. Х. Аделунга и И. С. Фатера и его место в истории языкознания // *Вестник ЛГУ*, №20, 1982.
- Клубкова 1999 — *Клубкова Т. В.* Об одном лингвистическом проекте XVI–II века // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 16. Общее языкознание. СПб., 1999. С. 69–72.
- Кондрашов 1979 — *Кондрашов Н. А.* История лингвистических учений. М.: Просвещение, 1979.
- ЛЭС — *Лингвистический энциклопедический словарь*. 2-е изд. М., 1998. См. *афразийские языки*.
- Михина 1987 — *Михина Е.* Обвинен? Да! Но давно оправдан. Знание — сила, 1987, 12. С. 80–83.
- Пекарский 1866 — *Пекарский П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова // *Зап. АН. Т. VIII*, кн. II. СПб., 1866. Прилож. С. 1–128.
- Рубинштейн 1941 — *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М.: Огиз-Госполитиздат, 1941. ТИ.
- Успенский 1975 — *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. М.: «Наука», 1975.
- Шлёцер 1875 — *Шлёцер А. Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная. СПб., 1875.
- Baudouin de Courtenay 1909 — *Baudouin de Courtenay J.* Zarys historii językoznawstwa czyli linguistyki (glottologii) // *Poradnik dla samouków*. Ser. 3. T. 2, Z. 2. Warszawa, 1909. S. 35–302.
- Michaelis 1760 — *Michaelis J. D.* Beantwortung der Frage von dem Einfluß der Meinungen eines Volcks in seine Sprache und der Sprache in die Meinungen. Berlin, 1760.

Е. Д. Панфилов

**О РАБОТЕ Ю. С. МАСЛОВА
НАД РУССКИМ КОММЕНТИРОВАННЫМ ИЗДАНИЕМ
«ГРАММАТИКИ ПОР-РОЯЛЯ»***

Обдумывая издание «Грамматики Пор-Рояля» в русском переводе, Ю. С. Маслов с самого начала имел в виду снабдить этот перевод таким научным аппаратом, который позволил бы читателю понять как общую концепцию книги, так и детали этой концепции. Поэтому он написал развернутое Введение (16 страниц типографского набора), в котором он четко определил место «Грамматики Пор-Рояля» в истории европейского языкознания. Подготовленное в Ленинградском государственном университете русское издание «Грамматики»¹ снабжено обширным указателем — всего 90 имен. Может возникнуть вопрос, почему так много: ведь текст «Грамматики» вовсе не пестрит ссылками. Но дело в том, что Маслов учел имена издателей, комментаторов, предшественников, современников, последователей и критиков. Кроме того, учтены имена современных исследователей, на которых ему приходилось ссылаться при составлении комментариев. Вот, для примера, имена на букву «С»: Сабанеева М. К., Санчес Фр., Скалигер Юлий Цезарь, Соссюр Ф., де. Русское издание «Грамматики» снабжено также продуманно составленным предметным указателем, содержащим 230 пунктов. Каждый пункт сопровождается отсылками к соответствующим страницам текста или введения, а также к номерам комментария. Вот, к примеру, пункты предметного указателя на букву «Л»: Личность речи; Лицо (грамматическая категория); Лицо (человек

* Впервые напечатано: Из истории науки о языке. СПб., 1993.

¹ Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. с франц. Ю. С. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л., 1991.

или олицетворенное понятие); Логическое в языке. А вот как выглядит в предметном указателе рубрика «предложение»: ПРЕДЛОЖЕНИЕ — безличное — вводное — главное — комплексное — полное — приводящее — придаточное — простое, свернутое — составное. Нетрудно понять, что если читатель захочет представить себе, как анализировали предложение А. Арно и К. Лансло, то, пользуясь предметным указателем, он быстро найдет нужные места и быстро сопоставит их друг с другом. Кроме того, он найдет расшифровку части незнакомых ему сегодня терминов в комментарии, который содержит 182 позиции.

Необходимо сказать и о добавлениях в сам текст «Грамматики». Дело в том, что А. Арно и К. Лансло писали в расчете на читателя, знающего латинский и древнегреческий языки, и потому использованные ими примеры из античных авторов не сопровождаются переводом на французский язык. Ю. С. Маслов справедливо исходил из того, что для современного русскоязычного читателя переводы нужны. Поэтому в тексте указывается, на каком языке приведен пример (греч., лат., исп., ит., др.-евр.), и дается его перевод на русский язык. Переведены на русский язык и все примеры, взятые из французского языка. Все эти переводы не имело смысла относить к Комментарию: во-первых, он разросся бы до неприемлемых размеров, а во-вторых, читателю было бы слишком утомительно без конца перелистывать книгу.

В небольшой статье нет возможности перечислить все разнообразные поводы, которые заставляли Ю. С. Маслова комментировать те или иные места «Грамматики Пор-Рояля». Поэтому ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями.

Во-первых, в «Грамматике» есть много отсылок к другой книге Клода Арно, написанной им в соавторстве с Пьером Николем, — «Логика, или Искусство мыслить»². Но эта книга на русский язык не переведена. Поэтому Ю. С. Маслов широко цитирует ее и истолковывает ее важнейшие философские тезисы (см., например, Комментарии 27–29 и ряд других). Во-вторых, в своих комментариях Ю. С. Маслов отмечает те недостатки «Грамматики», которые видны нам сегодня. Например, он пишет: «... Понятие корня и вообще понятия, связанные с морфологической структурой слова, отсутствуют в “Грамматике Пор-Рояля”, как и в той грамматической тра-

² La Logique ou L'Art de penser: 5ème Paris, 1683.

диции, на которую опирались Арно и Лансло. Это не значит, что этих понятий вовсе не было в трудах европейских лингвистов той эпохи: понятие корня, восходящее к древнеиндийской грамматике и занесенное в Европу через арабскую и еврейскую грамматики, использует уже в самом начале XVI в. немецкий гебраист Иоган Рейхлин, а в 1602 г. Элиас Хуттер различает в слове и в связном тексте “корневые буквы” и “буквы вспомогательные или служебные” (Комментарий 32). Или, в другом месте: «Объяснение “изобретения” местоимений первого (а также и второго) лица стремлением избежать употребления имен собственных — одна из очевидных наивностей грамматического учения эпохи...» (Комментарий 65).

В Комментарий 140 он констатирует, что «все рассуждения об *il* в безличных предложениях ... принадлежат к наиболее искусственным построениям в “Грамматике Пор-Рояля”». И далее: «Рассуждения о том, как “оканчиваются” латинские причастия <...-ans, -ens, -tus> являются примерами типичной для того времени нечеткости осознания морфологической структуры словоформы» (Комментарий 146); «Авторам “Грамматики Пор-Рояля” французский и вообще романский перфект со вспомогательным глаголом ‘иметь’ казался “странным” ... так как в XVII в. еще не было обращено внимание на редкие, но встречающиеся уже и в классической латыни конструкции вроде *habeo id factum* (Комментарий 158).

В Комментарий 180 Маслов пишет, что трактовка примера «*est Romae* ‘есть в Риме’» неправильна, — здесь нет пропуска предлога *in*, как и аблатива *urbe*, управляющего родительным падежом. Форма *Romae* — это архаический местный падеж. При этом он ссылается на «Историческую грамматику латинского языка» И. М. Тронского.

В-третьих, значительное число комментариев — это разъяснение языковедческих терминов. Например, в Комментарий 17 Маслов раскрывает сущность таких явлений, как «острое», «тупое» и «циркумфлексное» ударение. Это полезно потому, что большинство современных читателей, не изучавших древнегреческий язык, вряд ли представляют себе конкретно, что стоит за этими терминами. В Комментариях 75 и 76 он разъясняет, что авторы «Грамматики Пор-Рояля» подразумевали, употребляя термины «привходящее» и «комплéксное» предложение. По поводу термина *verbum substantivum* (существительный глагол) в на с. 109 сообщается, что он был впервые использован Присцианом (VI в. н.э.) как перевод

греческого *hypercticòn rhêma* (глагол существования). К. Лансло применяет этот термин не только к латинскому глаголу *esse* 'быть', но и к латинскому глаголу *fieri* 'становиться'. В Комментарий 118 уточняется, что «в принятой до недавнего времени (а в школьном преподавании нередко и теперь) французской грамматической терминологии названия *passé défini* и *passé indéfini* используются обратно тому, как это сделано в «Грамматике Пор-Рояля»: *j'écrivis — indéfini*; *j' ai écrit — défini*».

Особенно много хлопот доставило Ю. С. Маслову, да и другим переводчикам, французское слово *sujet*. В «Грамматике Пор-Рояля» оно используется по меньшей мере в трех различных значениях: 1) в ряду *sujet liaison — attribut* оно обозначает субъект предложения (формальное подлежащее, а иногда тему, или топик), в переводе — 'субъект'; 2) в ряду *sujet—objet* оба термина — прямое дополнение при переходном глаголе, но первый (*sujet*) — при глаголе «реального воздействия», в переводе — 'предмет' или 'предмет воздействия', а второй (*objet*) — при глаголе «интенционального действия» (т. е. мысли, чувства и т. п.), в переводе — '(мыслимый) объект'; 3) наконец, есть случаи, когда *sujet* — это предмет, являющийся носителем того признака, который эксплицитно выражается именем прилагательным (см., например, Комментарий 31).

Довольно много комментариев пришлось сделать Ю. С. Маслову по части древнееврейского языка и письма. Он не считал себя специалистом в области гебраистики и потому консультировался у канд. филол. наук Г. М. Демидовой, а также опирался на такие авторитеты, как Б. М. Гранде и Карл Штойернагель.

В-четвертых, ряд комментариев направлен на то, чтобы поставить «Грамматику Пор-Рояля» в ближайший исторический контекст. Так, многие примечания возникли из необходимости познакомить современного читателя со взглядами тех авторов, с которыми А. Арно и К. Лансло полемизировали. Цитаты из книги Клода Фавра Вожла³, например, приводятся в девяти пунктах Комментария (Комментарий 50, 68, 72, 96, 105, 141, 160, 64, 168). В Комментарий 30 рассказано о том, с каких позиций уже в XVIII в. критиковалась система частей речи в изложении авторов «Грамматики Пор-Рояля» (С.-Ш. дю Марсэ, Энциклопедия Дидро и д'Аламбера, Донзе).

³ *Vuagelas C. F., de. Remarques sur la langue françoise. Paris, 1647.*

В-пятых, в комментариях есть такие пункты, которые можно условно назвать «перспективными». Они соотносят идеи авторов «Грамматики» с современными теоретическими представлениями. Ср., например, Комментарий 34: «Таким образом, для имени прилагательного “Грамматика Пор-Рояля” постулирует совмещение двух значений: явного и смутного. При этом явным значением Арно и Лансло называют указание на соответствующее качество или свойство (например, указание на красноту), а смутным (*confuse*) значением или “сопутствующим обозначением вещи”, ее “коннотацией” (не смешивать с омонимичным термином “коннотация” современного языкознания!) — указание на тот предмет, в котором воплощено это качество или свойство, т. е. на “вакансию”, предусматриваемую всяким прилагательным и заполняемую в контексте каким-либо существительным не определенным заранее. Ср. формулировку А. А. Потебни, согласно которой прилагательное обозначает “признак, данный в чем-то, что без помощи другого слова остается со стороны содержания неопределенным”». Еще один пример «перспективного» комментария это Комментарий 99: «Как видим, здесь, рассматривая выделенный оборот *se ... qui*, авторы “Грамматики Пор-Рояля” считают атрибутом то, что позже было названо “психологическим сказуемым” высказывания или его ремой, а субъектом, соответственно, называют то, что позже квалифицировалось как “психологическое подлежащее”, тема высказывания, “данное” или топик В Комментариях 79 и 129 отмечается переключка мыслей А. Арно и К. Лансло с современными терминами «глубинные» и «поверхностные» структуры Н. Хомского.

А. Арно и К. Лансло писали о чудесном изобретении, «благодаря которому из 25 или 30 звуков создается бесконечное разнообразие слов, которые, ни в чем не будучи похожи на то, что происходит в нашем уме, тем не менее раскрывают его тайну другим, и позволяют им проникнуть в наши мысли и уловить различные движения нашей души»⁴. Комментируя это место, Ю. С. Маслов замечает: «Как видим, здесь уже четко сформулирован “принцип экономии языковых средств”, в нашем веке выдвинутый Луи Ельмслевом и Андре Мартинэ».

В-шестых, Ю. С. Маслов не упустил из виду еще и тот факт, что язык «Грамматики Пор-Рояля» — это французский язык XVII века,

⁴ Арно А., Лансло К. Указ. соч. С. 29.

а не века XX. Поэтому в Комментарии есть замечания, состоящие в том, что звучания ряда слов были во времена А. Арно и К. Лансло не такими, какими они нам известны из французского языка в его современном состоянии (Комментарий 14, 15).

Нельзя не сказать и о величайшей тщательности, с которой Ю. С. Маслов отнесся в своем Комментарии к документации примеров, использованных А. Арно и К. Лансло. Например, на с. 43–44 «Грамматки Пор-Рояля» говорится: «Таким образом, по словам одного древнего автора, *Impetratum est a ratione ut peccare suavitatis causa liceret* ‘Разум позволяет грешить ради приятности (стиля)’». Следовало установить, что имеется в виду Цицерон и что этот тезис можно найти в его сочинении «Оратор», XVIII, 159. Соответствующую справку Маслов и помещает в Комментарии 64. В ряде случаев он обращает внимание читателя на неточности, допущенные А. Арно и К. Лансло при цитировании древних авторов, и вносит необходимые поправки. Напр., на с. 99 «Грамматики» рассматривается латинский текст «*Facilius reperias qui Roman proficiscantur, quam qui Athenas*» ‘Ты легче найдешь <людей>, которые отправятся в Рим, чем <таких>, которые <отправятся> в Афины’. В Комментарии 181 Ю. С. Маслов замечает: «Пример приведен в „Грамматике Пор-Рояля” неточно. У Цицерона, кроме противопоставления Рим — Афины, есть еще второе противопоставление: ты — я. Конец предложения звучит: ... *quam ego qui Athenas* (Cicero, *Ad Atticum*, I, 9) и соответственно в переводе должно быть: ‘чем я <найду таких>, которые отправятся в Афины’».

В заключение следует подчеркнуть, что перевод «Грамматики Пор-Рояля» на русский язык был делом достаточно деликатным, поскольку переводчиками выступили три человека, и на долю Ю. С. Маслова выпала большая работа по «стыковке» терминологических решений, равно как и работа по возможной унификации стилистических различий в трех частях русского перевода.

К. А. Рогова

ВИДО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ю. С. МАСЛОВА

Недавно мне встретилась фраза: «Речь не о том, что есть другие, / Беда, что этих больше нет...» — и вспомнились большие ученые, профессора филологического факультета, исследования которых составили гордость филологической науки XX в. В этом ряду занимает свое место и Юрий Сергеевич Маслов — замечательный аспектолог, человек разносторонних знаний и интересов, обладавший высоким чувством языка. Его работы поражали богатством рассматриваемого материала и поиском методов его анализа, адекватных поставленным задачам. Эти качества обеспечивали достоверность полученных результатов, которые не устарели и в наше время. Статья, к которой мы обратились, представляет запись доклада, прочитанного Ю. С. Масловым в 1979 г. в Копенгагене. Это время, когда еще не вышли первые исследования по теории текста (работы И. Р. Гальперина и О. И. Москальской появились только в 1981 г.), но в ней уже обозначены модели текстовой информации с представлением форм их языкового наполнения. Научные интересы у Ю. С. Маслова органично сочетались с пристальным и внимательным отношением к окружающим. Помню экзамен при поступлении в аспирантуру. Получилось так, что я тяжело болела и меня отпустили из больницы на несколько часов. Можно представить мое волнение. Но Юрий Сергеевич как-то незаметно перевел экзамен в форму доброжелательного собеседования, которое позволило обратиться с мыслями, вступить в беседу и справиться с этим испытанием — одним из труднейших испытаний молодости. Его доброжелательность мы, аспиранты тех лет, ощущали постоянно. Полагаю, что все, кто знал Юрия Сергеевича, хранят о нем самую добрую память и что работы, в которых звучат интонации его голоса, будут долго еще с живым интересом читаться молодыми исследователями.

Занимаясь изучением глагольной системы славянских и германских языков, рассматривая вопросы глагольного вида и времени, Ю.С.Маслов с особым вниманием относился к семантике изучаемых языковых явлений. Так, определяя цель исследования глагольного вида, он не ограничивает ее исчерпывающим описанием «полноты оттенков», а считает необходимым, «выделив наиболее важные группы глаголов», показать на практике «выводимость их видовых значений и видовых свойств из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий» [Маслов 1984: 65].

Не менее важным для идентификаций вида Маслов считал учет контекстуальных связей глагольных предложений, о чем свидетельствует такой параграф в его «Очерках по аспектологии», как «Структура повествовательного текста и типология претеритальных систем славянского глагола». Определив специфику художественного — «фикционального» повествования, основными глагольными формами которого являются претеритальные формы [Маслов 1984: 181], автор отмечает разнообразие ролей этих форм: «Они могут указывать на нечто такое, что вовсе не мыслится как прошлое, на некое условное, воображаемое, “эпическое” время, некое “*tunc*” отрешенное от конкретного соотнесения с моментом реального (“нашего”) настоящего, с “*ego, hic et nunc*” как рассказчика, так и читателя». Это «эпическое *tunc*» есть «настоящее персонажей повествования» — время, в котором эти вымышленные персонажи действуют, чувствуют, мыслят, разговаривают друг с другом, — «их время». И далее: «В рамках этого времени выявляются внутренние, иногда очень сложные отношения последовательности и одновременности, предшества и следования; обнаруживаются убыстрения и замедления темпа, вплоть до полной остановки, встречаются возвращения вспять и забегающие вперед и т. д.» [Маслов 1984: 182].

Дальнейшее описание посвящается собственно структуре повествовательного текста, включающего ряд компонентов, «которые обладают разной степенью обязательности и типичности» [Маслов 1984: 183]. Выделяются следующие компоненты: 1) динамический, без которого нет повествования, который осуществляет поступательное развитие действия; 2) описывающий ситуацию, задерживающий действие, прорисовывающий фон этого действия; 3) так называемый регресс, возвращение к прошлому, — неглубокий или глубокий в зависимости от меры удаления предшествующих событий от сообщаемого; 4) направленный на предвосхищение собы-

тий; 5) переводящий повествование на прямую речь персонажей. Отмечено также возможное включение сентенций, «рассуждений по поводу», отсылки к «вечным истинам» [Маслов 1984: 188].

Выделив эти структурно-смысловые компоненты повествовательного текста, автор переходит к рассмотрению тех языковых явлений и их признаков, которые и осуществляют противопоставление выделенных компонентов в тексте. Для русского языка здесь выявлена в качестве основного средства оппозиция совершенного/несовершенного вида: претеритом СВ повествование продвигается, претеритом НСВ останавливается [Маслов 1984: 193].

Однако это основное положение получает в изложении «довольно важные дополнения». Используя тексты К. Г. Паустовского, Маслов демонстрирует мотивированные семантикой вида или лексического значения глагола отступления от общего правила. Например, случаи перехода «фона» в новое звено основной линии повествования при сохранении претерита НСВ, «хотя с точки зрения динамики повествования они должны рассматриваться как «глубинные аористы». Решающим при выборе вида оказывается здесь характер самого действия, а не его место в структуре повествования» [Маслов 1984: 192]. Это положение вписывается в самые актуальные сегодня проблемы типологии контекстов и их взаимоотношений с семантикой языковых единиц.

Свои наблюдения, как мы уже отметили, Маслов иллюстрирует примерами из прозрачной, отличающейся стройностью повествования прозы К. Г. Паустовского. Современной прозе присущ ряд особенностей, усложняющих ее смысловую структуру, что происходит в значительной мере под воздействием экранных — «дисплейных» текстов. Эти «синтезирующие» тексты с нерасчлененным характером повествования «вовлекают зрителя как соучастника, обрушивая информацию в имитирующей реальность обстановке, звучании, красках, движении» [Костомаров 2008: 64]. Они меняют характер как представления действительности, так и ее восприятия. Воспользуемся еще одной цитатой указанного автора: «Великая тайна книги, живописи художников и других не синтезирующих форм текста в том, что они ярким прожектором высвечивают центр данной картины бытия — важное и существенное для обработки разумом и чувством человека, оставляя в тени, вне полотна бесконечные детали, не принципиальные для содержательной идеи. Неспособная к отбору, боящаяся что-то пропустить техника син-

тезирующего охвата мешает включению критического разума, отвлекает блеском могучих носителей формы» [Костомаров 2008: 70].

Возникает вопрос: действительно ли письменные тексты, испытывающие давление дисплейных текстов, теряют способность «высвечивать» центры картины бытия, затенять «существенное для обработки разумом и чувством», или они ищут средства защиты от этой опасности? Обратимся, используя метод анализа, предложенный Ю. С. Масловым, к целому тексту короткого рассказа Ю. Алехиной, опубликованному на страницах журнала «Знамя» (2006, № 9). В нем нами выделены предложения с глаголами совершенного вида, «продвигающего» повествование.

Миха

... в этот год быстро, одна за другой, умерли обе бабушки, и я теперь ничья не внучка, за спиной остались только мама с папой, следовательно, пора уже что-то думать; потом мама начала в бабушкиной комнате ремонт, который со скоростью лесного пожара распространялся по всей квартире, и она даже не подозревала, что я нахожусь в это время у себя, через три подьезда от нее, потому что мы с тобой поссорились, я вернулась домой, скоростно и трагически, и не особенно стремилась в люди, сидела, пережевывая слезы;

и все-таки мне надо было ходить на работу, я воровато пробиралась по двору, заносила в свое жилище питательный минимум; а через пару дней, спозаранку увидела в детской песочнице что-то отчаянно желтое и уже метров за двадцать твердо знала, что это Миха, мой медведь, ни у кого больше я не видела такого желтого медведя, после меня с ним играли еще сестра и брат; а теперь, значит, мама разбирала бабушкину комнату и вынесла его на улицу и вот он сидит в картонной коробке, штопанный-перештопанный старичок тридцати восьми лет от роду, в полосатых штанах на косой лямке, сшитых ему бабушкой: одна лапа наполовину оторвана, полтора стеклянных глаза;

у нас на работе не заскучаешь, но я все вспоминала фотографию, где мне два годика: мы с Михой сидим на родительской кровати, совершенно одного размера, у меня улыбка до ушей и челка скобкой, а он в нарядном костюмчике, и думала: *будь я проклята, если не найду угла для него*, и еще: хоть бы он был на месте, только бы его никто не унес и не выбросил в помойку, только бы не пошел дождь;

в семь часов в песочнице его уже не было, мамы гуляли с детишками, трезвонили велосипеды; *я отправилась на поиски и нашла его на лавочке в соседнем дворе*, он сидел, устало привалившись, наверное, играл с детьми, и вот — они убежали; *я взяла его на ручки и пошла к дому, словно Сикстинская мадонна*,

а ночью зазвонил телефон, ты попросил: приезжай; и, прежде чем уйти, я обошла квартиру, включала и гасила свет: все ли в порядке; кажется, он чувствовал себя неплохо на кухонном диване, вот смеху будет, если мама зайдет в мое отсутствие и увидит его:

подумает что он раздобыл где-то ключи и вернулся жить к своей первой хозяйке...

Если провести наблюдение за выделенными предложениями, то можно обнаружить, что в тексте сосуществуют по крайней мере четыре тематических линии. 1) *Мы с тобой поссорились и я вернулась домой; ты попросил: приезжай,* — ее можно считать организующей как по содержанию, так и по занимаемым сильным позициям текста (начало и конец, своего рода рамка-сюжет). 2) *Умерли обе бабушки; мама начала в бабушкиной комнате ремонт; мама ... вынесла его [Миху] на улицу; мама зайдет в мое отсутствие и увидит его: подумает,* — она развивается независимо от первой, в смысловом отношении указывая на отрешенность героини, ее одиночество. 3) *Спозаранку увидела в детской песочнице что-то отчаянно желтое; будь я проклята, если не найду угла для него; я отправилась на поиски и нашла его на лавочке в соседнем дворе, я взяла его на ручки и пошла к дому, словно Сикстинская мадонна,* — действия, связанные как с обращением к прошлому — регрессом (который, как отмечал Маслов, использует оба вида), так и с предвосхищением событий; эта развивающаяся тема «удваивает» сюжет брошенности, забытости. 4) Действия, а скорее состояния, Михи в варианте перехода фона в «новое звено основной линии повествования при сохранении претерита НСВ», где «решающим при выборе вида оказывается характер самого действия»: *вот он сидит в картонной коробке; он сидел, устало привалившись, наверное, играл с детьми; кажется, он чувствовал себя неплохо на кухонном диване.* Это «состояние» и его итог (*он чувствовал себя неплохо; вернулся жить к своей хозяйке*) открывают нижнюю границу текста для (виртуального) продолжения сюжета.

Остальные компоненты текста представляют собой те «остановки», которые позволяют задержаться и осмыслить основные события (*не особенно стремилась в люди, сидела, пережевывая слезы; и все-таки мне надо было ходить на работу, я воровато пробиравась по двору, заносила в свое жилище питательный минимум и т.п.*).

Таким образом, общий принцип — использование СВ для продвижения повествования и НСВ для остановок в нем — оказыва-

ется незыблемым. Дело осложняется тем, что в тексте сосуществует несколько линий повествования; их значимые части, расположенные дистантно, параллельно вводят события, одновременно происходящие в изображаемой действительности. Перед читателем стоит задача «сложить» их для получения общего, или концептуального, смысла текста, в котором «бесконечные детали, не принципиальные для содержательной идеи» на самом деле оказываются важнейшими.

Если в классических текстах задачу ранжирования событий брал на себя автор, то в текстах, подобных приведенному, читатель стоит перед задачей самому произвести эту работу — как на уровне анализа, так и на уровне эмоционального переживания. Решение этой задачи облегчено введением смысловых показателей в виде тематических цепочек номинаций действующих лиц (мы с тобой, мама, я, Миха) и обозначения поступательного развития их действий с помощью форм СВ глагола. На этом фоне семантика состояния (НСВ) может стать приемом выделения внутренней темы. Конкретизирующее пространство в каждой теме получает возможность быть заполнено нетривиальной лексикой (*вернулась домой, скоростно и трагически; заносила в свое жилище питательный минимум* и т. п.).

Таким образом, применение приемов анализа повествовательного текста с учетом семантики глагольного вида оказывается плодотворным и по отношению к современным текстам, испытывающим на себе давление «синтезирующих» «дисплейных» форм.

ЛИТЕРАТУРА

- Гальперин 1981 — Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Костомаров 2008 — Костомаров В. Г. Рассуждение о формах текста в общении. ГИРЯ им. А. С. Пушкина. М., 2008.
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Изд-во Ленингр. ун-та. Л., 1984.
- Москальская 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АСПЕКТУАЛЬНОГО
ЗНАЧЕНИЯ ЛИМИТАТИВА И ВОПРОСУ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «ДЕЛИМИТАТИВНОЙ»
ДЕРИВАЦИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА¹

— Молодец, Штирлиц, хорошо по-
работали. Честно говоря, не думал.

«Семнадцать мгновений весны»

Существующий в русском языке класс делимитативных² глагольных предикатов (ср. *погулять, поработать, почитать книгу*) и явление делимитативной деривации — так называемый делимитативный способ глагольного действия — давно привлекают пристальное внимание аспектологов. Приведем следующие иллюстрации употребления делимитативных предикатов:

- (1) *Мы погуляли немного, а когда нам надоело удивлять прохожих, пошли играть в футбол* (А. Саломатов. Гости из прошлого // «Трамвай», 1991).

¹ Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-575.2012.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

Авторы благодарны Елене Викторовне Горбовой за советы и обсуждение работы на разных этапах ее написания, а также всем, кто принимал участие в дискуссиях на наших докладах. Все ошибки и недочеты остаются при этом исключительно на совести авторов.

² В настоящей статье понятие «делимитативный предикат» (и «делимитативная деривация») используется в соответствии с терминологией, принятой в русской (и, шире, славянской) аспектологической традиции. При этом авторы осознают частнолингвистический характер данного термина (ср. нетождественное типологическое понятие «лимитатив», введенное В. А. Плунгяном). То же самое касается понятия «пердуративный предикат» (см. далее).

- (2) *Достаточно он уже покняжил на земле российской. Итоги его княжения крайне плачевные и, на мой взгляд, ведут нашу Родину к полнейшему краху!* [<http://www.putinavotstavku.org/material.pup?id=4F37FFB3F20A7>].
- (3) *Заранее приготовьте тузлук: три стакана воды на стакан соли, пусть покипит минут пять, потом поставьте остывать до комнатной температуры* [<http://hippy55.livejournal.com/74837.html>].

Несмотря на значительное количество исследований, в той или иной степени затрагивающих проблематику русской делимитативной деривации³, многие важные особенности этого явления по-прежнему не получили последовательного описания.

Отметим также типологический аспект, связанный с рассматриваемым явлением. Как представляется, значение, привносимое делимитативной деривацией в русском языке, обнаруживает определенные параллели в других языках и может быть отнесено к аспектуальному семантическому типу «лимитатив», выделенному в работах В. А. Плунгяна.

Настоящая работа посвящена обоим указанным проблемам — вопросу о семантике лимитатива в типологическом ракурсе и особенностям, характерным для делимитативной деривации в русском языке.

В разделе 1 осуществлена попытка дать (в первом приближении) типологическое освещение семантического типа «лимитатив» и сформулировать его определение (в сравнении с другим аспектуальным семантическим типом — «дуратив»).

Остальные два раздела посвящены русской делимитативной деривации. В разделе 2 будут обобщены наблюдения авторов относительно некоторых ее семантических и сочетаемостных особенностей. В разделе 3 затронуты особенности морфосинтаксического характера, а также вопрос о возможном месте делимитативного значения в грамматической системе русского языка.

³ Из недавних работ упомянем исследования С. Дикки и Дж. Хатчесон [Dickey, Hutcheson 2003; Dickey 2006], Е. В. Петрухиной [2000/2012], Е. В. Падучевой [1996/2011], Х. Р. Мелига [Mehlig 1994; Мелиг 2008], К. Л. Киселевой и С. Г. Татевосова [Kisseleva, Tatevosov Ms.], Е. В. Горбовой и Е. М. Малова [Горбова 2009; Малов, Горбова 2008], М. Ю. Чертковой [1996], Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк, Шмелев 2000]. Обзор более ранних работ см., например: Петрухина 2000/2012.

1. Семантика лимитатива в типологическом ракурсе

По-видимому, сравнение материала даже ограниченного числа языков (славянских, германских и романских) позволяет выделить в качестве элемента «универсального грамматического набора»⁴ такое значение, как *ли м и т а т и в*. Здесь и далее при обсуждении аспектуальных семантических типов (лимитатив, дуратив, пун-ктив) мы будем придерживаться терминологической системы, разработанной В. А. Плунгяном [Плунгян 2011а: 377–416].

Примером реализации этого типа в конкретном языке можно считать *делимитативное* и *пердуративное* значения⁵ в русском языке (грамматическую часть семантики делимитативных дериватов с префиксом *по-* и пердуративных предикатов с префиксом *про-* (ср.: *Петя почитал книгу три часа, Петя поспал три часа; Петя проспал три часа*)⁶).

Также примерами реализации этого значения в качестве частного значения некоторого полисемичного показателя можно считать:

а) некоторые употребления предикатов несовершенного вида (НСВ) в русском языке, а именно употребления типа *Петя поел, некоторое время читал книгу, а потом лег спать* или *Они вчера гуляли всю ночь* (возможны почти исключительно в сочетании с обстоятельствами длительности)⁷;

⁴ То есть в качестве «грамматического атома» — семантического элемента, выражаемого в языках специализированными показателями либо выделяемого при сравнении (неэлементарных) планов содержания грамматических показателей в разных языках; см.: Плунгян 2011а: 93–100.

⁵ Использование термина «(грамматическое) значение» позволяет нам на время отложить вопрос о статусе этих единиц в грамматической системе русского языка (граммемы? квазиграммемы? дериватемы?). О статусе делимитативного значения см. раздел 3.1.

⁶ А также аналогичные русскому делимитативному значению единицы в славянских языках, в первую очередь в восточнославянских, а также в польском и болгарском (в других славянских языках близкий словообразовательный тип с префиксом *по-* обладает низкой продуктивностью [Dickey, Hutcheson 2003]).

⁷ А также аналогичные употребления предикатов НСВ в других славянских языках (ср. о чешском: Dickey, Hutcheson 2003: 25–26). Такой тип употреблений предикатов НСВ в русскоязычной традиции принято называть «подчеркнуто-длительным» частным значением НСВ (или «дуративным» [Падучева 1996/2011: 10]). Ю. С. Маслов относит его к периферийным значениям НСВ и отмечает конкуренцию с употреблениями делимитативных и пердуративных предикатов [Маслов 1984/2004: 105–106, 111].

б) употребления показателей перфектива/аориста (и близких к ним) с неопределёнными глаголами и/или с обстоятельствами длительности во многих языках, в том числе в европейских — ср. англ. *The girl danced* 'Девушка (по)танцевала [некоторое время]', *He read the book for three hours* 'Он (по)читал книгу три часа' (формы «общего вида» — непрогрессива в прошедшем); фр. *Il a lu le livre pendant trois heures* 'Он (по)читал книгу три часа' (форма «законченного прошедшего» — аориста)⁸.

Ниже будут рассмотрены семантические компоненты, которые можно выделить в составе значения лимитатива. Нам представляется показательным их рассмотрение в сравнении с компонентами значения дуратива (по: Плунгян 2011а: 394). В качестве примеров реализации последнего приведем «актуально-длительные» употребления русских глаголов НСВ (*Смотри, Петя читает книгу*; *Когда я вошел в комнату, Петя читал книгу*)⁹, употребления английской формы прогрессива типа *Look, he's reading a book* 'Смотри, он читает книгу' и употребления французской формы имперфекта типа *Quand je suis entré dans la chambre, il lisait un livre* 'Когда я вошел в комнату, он читал книгу'.

Здесь необходимо сделать терминологическое отступление. Далее будут противопоставляться две сущности, ассоциированные с любым предикатом как с полноценным языковым знаком: «идеальная» ситуация, тождественная сигнификату (либо прототипу, наиболее типичной реализации) этого предиката, и «реальная» ситуация, тождественная его текущему референту (т. е. конкретная, реализуемая в действительности). Следует также сказать, что описание глагольной лексики русского языка с позиций концепции видовых пар (которой в общих чертах придерживаются далее авторы настоящей работы) предполагает в этом смысле отождествление сигнификатов обоих видовых коррелятов в составе пары. Таким образом, применительно к парным глаголам типа *открывать* / *открыть* или *читать* / *прочитать* мы будем говорить далее о единой «идеальной» ситуации, соответствующей данной видовой паре.

⁸ Приводимые в статье английские и французские примеры (кроме наиболее тривиальных) были получены и проверены у носителей либо найдены через поисковую систему Google.

⁹ Равно как и «континуальные» (*Петя работает в Университете*) и «постоянно-непрерывные» (*Петя приходится ему двоюродным братом*) употребления НСВ.

Также будут различаться время ситуации (time of situation по: Klein 1994) — отрезок времени (или временная точка), занятый реальной ситуацией, время ассерции¹⁰ (\approx topic time по: Klein 1994) — отрезок времени (или точка), о котором делается утверждение; а, также время отсчета (reference time вслед за Г. Рейхенбахом) — отрезок времени (или, чаще, точка), относительно которого локализуется время ассерции (может совпадать или не совпадать с моментом речи). К примеру, в ситуации, описываемой в предложении (*Когда я вошел в комнату,*) *Петя читал книгу*, время ассерции совпадает с временем отсчета (не совпадающим с моментом речи) и соответствует моменту вхождения говорящего в комнату, время же ситуации явным образом шире времени ассерции и времени отсчета. В случае *Петя недавно прочитал интересную книгу* или *Петя хорошо погулял* время ассерции совпадает с временем ситуации, но предшествует времени отсчета (в данном случае совпадающему с моментом речи).

1.1. К определению значений лимитатива и дуратива

1.1.1. Компоненты, относящиеся к собственно аспектуальному семантическому домену (то есть указывающие на то, какие стадии (фрагменты) идеальной ситуации реализуются на протяжении времени ассерции).

Как дуратив, так и лимитатив указывают на то, что на протяжении времени ассерции реализуется срединная стадия ситуации — то есть что в него не попадает внутренний предел ситуации в случае его наличия (ср. дуративное *читает книгу* [*но еще не прочитал*], лимитативное (*но*)*читал книгу некоторое время* [*но за это время не прочитал*]¹¹). Таким образом, с точки зрения собственно аспектуальной части семантики эти типы не различаются.

Следует отметить, что аспектуальную составляющую значения лимитатива можно в целом трактовать иначе: не как указывающую на реализацию срединной стадии ситуации (которая в целом может быть как неопределенной, так и предельной), а скорее как выполняющую «вторично-аспекту-

¹⁰ Русскоязычный термин «окно наблюдения», который используется в работе В. А. Плунгяна [Плунгян 2011а], представляется авторам недостаточно точно отражающим суть этого чрезвычайно важного понятия.

¹¹ Ср. англ. дуративное *He's climbing the mountain* 'Он взбирается на гору'; лимитативное *He climbed the mountain for some time (and then stopped)* 'Он некоторое время взбирался на гору (и затем остановился)'. В обоих случаях естественный предел (момент достижения вершины горы) на протяжении времени ассерции явно не реализуется.

альную» [Плунгян 2011а: 381] функцию акциональной реинтерпретации любого предиката как неопределенного (а следовательно, имеющего только срединную стадию)¹². К примеру, можно предположить, что предельная «идеальная» ситуация, соответствующая паре *читать книгу* / *прочитать книгу*, в случае *Петя (но) читал книгу три часа* представляется уже как неопределенная, как в принципе не имеющая естественного предела (\approx ‘быть вовлеченным в процесс чтения (чего-либо)’). Возможно, такая модификация определения значения лимитатива поможет более адекватно трактовать примеры вроде *Я читал эту книгу целых три дня* или англ. *I read this book for three days straight* ‘(Указывая на прочитанную книгу:) Я читал эту книгу целых три дня’. Такие предложения допускают интерпретацию, при которой к концу времени ассерции книга была дочитана (то есть по крайней мере экстралингвистический «предел» действия был достигнут), но при этом делают акцент на протекании процесса чтения, то есть на неопределенной составляющей семантики глагола — ‘быть вовлеченным в процесс чтения’.

1.1.2. Компоненты, относящиеся к семантическому домену *т а к с и с а* (то есть указывающие на относительную локализацию времени ассерции и времени отсчета — в терминах предшествования, одновременности и следования, т.е. хронологически).

По-видимому, именно в этом отношении семантика лимитатива кардинально отличается от семантики дуратива. Дуратив указывает на пересечение времени ассерции с временем отсчета (обычно — их совпадение или вложенность последнего в первое) — отсюда традиционная метафора «взгляда на ситуацию изнутри». Лимитатив же, наоборот, указывает на непересечение времени ассерции с временем отсчета — т.е. полное предшествование или следование одного другому¹³ (ср. традиционную для перфектива в целом метафору «сворачивания ситуации в точку» или рассмотрения ситуации «извне», «целостно»).

Это различие можно проиллюстрировать следующими примерами для семантики *д у р а т и в а*.

¹² Ср. близкую идею в отношении русских делимитативных предикатов у Х.Р.Мелига: делимитативные предикаты являются «нетрансформативными» (неопределенными) и обозначают «деятельность, которая концептуализуется как гомогенная»; возможная внутренняя граница (предел) «затемняется» [Mehlig 1994: 597].

¹³ Ср. близкое противопоставление синхронной и ретроспективной точек отсчета и разграничение при помощи этих понятий «актуально-длительного» и «общефактического» значений НСВ у Е.В.Падучевой [Падучева 1996/2011: 9–23].

Смотри, Петя *читает* книгу [в данный момент], — в этом примере время отсчета, совпадая с моментом речи, совпадает (частный случай пересечения) также и с точечным временем ассерции («выхватывающим» одну из точек в составе неточечного¹⁴ времени ситуации) — ‘в данный момент’. Точно так же дело обстоит и в случае: *Когда я вошел в комнату, Петя читал книгу* [в то время как я наблюдал за ним] — с той лишь разницей, что время отсчета здесь не совпадает с моментом речи, а погружено в план прошедшего (оно эксплицитно задано указанием на другую ситуацию в прошлом, которая привела к наблюдению этой ситуации: *Когда я вошел в комнату [и посмотрел на Петю, я увидел]*). Наконец, можно рассмотреть пример с «частичным» предшествованием моменту речи (ср.: Плунгян 2011а: 351–354): *Петя читает книгу уже три часа*. В данном случае мы имеем эксплицитно выраженное время ассерции, распространяющееся от момента речи на три часа в прошлое, но захватывающее момент речи своей правой границей (ср. **Петя читает книгу уже два часа, но сейчас он ее не читает*) — при этом точечное время отсчета, совпадающее в данном случае с моментом речи, оказывается «вложенным» во время ассерции (а следовательно, но, пересекающимся с ним)¹⁵.

Для семантики *лимитатива* характерны следующие примеры.

Они вчера гуляли всю ночь; Петя сегодня хорошо погулял, — эти примеры, по-видимому, предполагают неточечное¹⁶ время ассерции (в первом случае — ‘вся ночь’), которое предшествует времени отсчета (совпадающему с моментом речи). В случае употреблений в нарративной цепочке типа *Петя поужинал, некоторое время (по)читал книгу, а потом лег спать* мы можем говорить о продвижении «нарративной» точки отсчета в конец времени ассерции каждого нового предиката. Следовательно, в данном случае точкой

¹⁴ «Неточечность» времени ситуации, по-видимому, прямо следует из выделения у ситуации срединной стадии. Таким образом, дуративное и лимитативное значение всегда указывают на наличие у реальной ситуации длительности.

¹⁵ Ср. также английский эквивалент этой фразы: *He has been reading the book for three hours*; хотя он демонстрирует использование совсем других грамматических средств для выражения временной семантики (не настоящее время, а перфект в «инклюзивном» частном значении), он также содержит именно «дуративную» аспектуальную граммему — прогрессив.

¹⁶ Указание на «неточечность» (ненулевую длину) времени ассерции также, возможно, входит в семантику лимитатива в качестве самостоятельного компонента.

отсчета для ситуации ‘Петя читает книгу’ будет являться момент завершения предшествующей ситуации ‘Петя ужинает’ — а этот момент не пересекается с временем ассерции: *Некоторое время (по)читал книгу*. Также, по-видимому, именно из-за таксисного компонента семантика лимитатива несовместима с семантикой настоящего времени (‘время ассерции пересекается с моментом речи’) — отсюда невозможность использования предикатов типа *погулять, почитать книгу* или *гулять всю ночь, читать книгу два часа* с референцией к плану настоящего.

1.1.3. Отдельную проблему представляет вопрос о наличии в семантике дуратива и лимитатива компонентов, относящихся к семантическому домену фазовости (в понимании В.А. Плунгяна [Плунгян 2011а: 416–422]) — указывающих на наличие или отсутствие изменения в «экзистенциальном» (‘существует’ vs. ‘не существует’) статусе реальной ситуации в конкретный момент времени по сравнению с неким более ранним моментом. Данный вопрос будет освещен ниже отдельно для значения дуратива (раздел 1.1.3.1) и для значения лимитатива (раздел 1.1.3.2).

1.1.3.1. Во многих дуративных употреблениях (то есть в употреблениях, демонстрирующих семантические компоненты, описанные в разделах 1.1.1 и 1.1.2) предикат реферирует к ситуации, явным образом существующей не только внутри, но и за рамками времени ассерции — как до, так и после него. Рассмотрим следующий пример.

(4) *Смотри, самолет летит!*¹⁷

В данном случае время ассерции является точечным (утверждение делается относительно ‘сейчас’), однако реальная ситуация явно существует не только в этой точке — из такого высказывания мы можем сделать вполне однозначный вывод, что самолет летел какое-то время до момента речи и что он наверняка будет хотя бы некоторое время лететь и после него (время ассерции «вложено» во время ситуации). Таким образом, мы могли бы предположить, что в значении дуратива имеется фазовый компонент ‘ситуация существует за рамками времени ассерции’ (= ‘ситуация продолжается

¹⁷ Здесь и далее если при русском примере не указан источник, это означает, что пример сконструирован авторами.

на левой границе времени ассерции и продолжается сразу после времени ассерции’).

Тем не менее вывод о существовании той же ситуации до и после времени ассерции следует, на наш взгляд, считать лишь импликацией, которая в некоторых случаях может быть отменена. По-видимому, импликация эта возникает из-за частотности случаев, в которых (как в примере выше) время ассерции является точечным и находится внутри, а не на границе времени ситуации (которое в случае дуратива всегда неточечное, поскольку несобытийные ситуации — процессы и состояния — всегда длительны). В этих случаях ситуация действительно с необходимостью существует некоторое время до времени ассерции и некоторое время после него. Однако в других случаях эта закономерность нарушается. К примеру, это происходит в случае неточечного времени ассерции (примеры 5–6), а также в случае неестественного прерывания ситуации (пример 7).

(5) (Опоздавшему к месту встречи другу:) *Я стою здесь уже сорок минут, пойдем скорее!*

(По-видимому, в этом случае время ассерции — начинающееся за сорок минут до момента речи и распространяющееся по момент речи включительно — захватывает все время ситуации: более чем за сорок минут до момента речи говорящий еще не находился на месте встречи, и сразу после момента речи он с высокой вероятностью перестанет там находиться.)

(6) *Пока мама была дома, Петя делал уроки.*

(Подобное предложение ничего не утверждает о том, делал ли Петя уроки в отсутствие мамы; нахождение же самой мамы дома совершенно явно ограничено временем ассерции.)¹⁸

(7) *Когда Петя переходил улицу, он провалился в люк.*

(По-видимому, в этом случае реальная ситуация ‘Петя переходит улицу’ перестает существовать сразу после (или на правой границе) времени ассерции.)¹⁹

¹⁸ Ср. также англ. *While he was at home he was washing clothes* ‘Пока он был дома, он стирал одежду’, не предполагающее продолжение обеих ситуаций за рамками времени ассерции.

¹⁹ Ср. также англ. *When he was crossing the street he got hit by a car* ‘Когда он переходил дорогу, его сбила машина’.

1.1.3.2. Во многих употреблениях, относимых нами к лимитативным, также можно заподозрить некоторый фазовый компонент. Рассмотрим примеры 8–11 из русского, английского и французского языков, в которых представлены лимитативные употребления в составе нарративной цепочки.

(8) *Петя поужинал, некоторое время читал книгу, а потом лег спать.*

(9) *Петя поужинал, некоторое время почитал книгу, а потом лег спать.*

(10) *He had his dinner, read a book for a while and (then) went to bed.*

(11) *Il a soupé, **a lu** un livre pendant un temps et s'est couché.*

Во всех трех примерах реальная ситуация чтения книги явным образом существует только на протяжении времени ассерции, так как и до и после времени ассерции тот же участник вовлечен в другие ситуации. Таким образом, можно предположить, что в значении лимитатива имеется фазовый компонент 'ситуация не существует за рамками времени ассерции' (= 'на протяжении времени ассерции ситуация начинается и прекращается').

По-видимому, это действительно (отчасти) верно для некоторых конкретно-языковых реализаций этого типа — в первую очередь для русского делимитативного значения (см. далее), однако подобный компонент не обнаруживается в других реализациях, которые нам также кажется целесообразным считать представителями типа «лимитатив».

Наличие подобного фазового компонента в значении русских делимитативных предикатов типа *почитать* можно продемонстрировать при помощи примеров 12–13.

(12) **Мы посидели в приемной час и в пять часов все еще сидели там.*

(13) **Они погуляли три часа и все еще гуляют.*

Аграмматичность подобных примеров (на нее указывают С. Дикки и Дж. Хатчесон [Dickey, Hutcheson 2003: 30] вслед за Е. В. Петрухиной) показывает, что русские делимитативные предикаты указывают на отсутствие продолжения ситуации после времени ассерции (ср. при этом примеры 16–22 ниже).

При этом русские делимитативные предикаты, как кажется, прямо не отрицают существования той же ситуации до времени ассерции, отсюда возможность примеров 14–15.

- (14) После этого мы *посидели* в приемной еще час и только тогда ушли, так ничего и не дождавшись.
- (15) Несколько недель он уже в больнице пролежал, и еще день-другой *полежит* [Dickey, Hutcheson 2003].

Итак, для русского делимитативного значения можно постулировать по крайней мере наличие компонента ‘ситуация не существует после времени ассерции’ (= ‘на протяжении времени ассерции ситуация прекращается’).

Обратимся, однако, к другим показателям, значение которых здесь также предлагается относить к типу «лимитатив» — к показателям английского непрогрессива, французского аориста, пердуративного значения в русском языке, лимитативных употреблений глаголов НСВ в русском языке (типа *Они вчера гуляли всю ночь*) и делимитативного значения в чешском и польском. В случае этих реализаций лимитативного значения вывод о несуществовании ситуации за рамками времени ассерции (как и обратный вывод в случае дуративного значения) скорее является импликацией²⁰, которая может быть отменена. Для перечисленных показателей можно найти случаи, когда указанный выше вывод явно не может быть сделан — ср. возможность примеров 16–22 (примеры 19 и 21–22 воспроизводятся из: Dickey, Hutcheson 2003: 30–31, где приводится аналогичный анализ).

- (16) [*We came to see Mr. Smith at noon, but we were told to wait,*] *so we sat in the waiting room for an hour and (even) at five o'clock we were still sitting there* ‘[Мы пришли на прием к господину Смитту в полдень, но нам сказали подождать,] так что мы просидели в приемной час, и (даже) в пять часов мы все еще сидели там.’
- (17) [*Nous sommes venus chez M. Smith à midi, mais on nous a dit d'attendre,*] *donc nous avons attendu / avons été assis dans la salle d'attente pendant une heure — et même à cinq heures nous y attendions / étions toujours* ‘[Мы пришли на прием к господину Смитту в полдень, но нам сказали подождать,] так что мы

²⁰ Одним из контекстов, в которых подобная импликация возникает всегда, являются нарративные употребления вроде представленных в примерах 8–11 выше, где имеет место указание на цепочку ситуаций, в которые вовлекается один и тот же участник, что с необходимостью предполагает в каждом случае завершение предыдущей ситуации перед возникновением новой.

прождали / просидели в приемной час — и даже в пять часов мы все еще ждали / сидели там’.

(18) *Ils se sont promenés toute la matinée, et ils se promènent toujours!* ‘Они гуляли все утро, и все еще гуляют!’

(19) *Мы просидели в приемной час и в пять часов все еще сидели там* (ср. также пердуративный предикат *пролежал* в примере 15 выше).

(20) *Они гуляли все утро и все еще гуляют.*

(21) чешск. *Poséděli jsme hodinu v recepci a ještě o páté jsme tam sěděli* ‘Мы просидели в приемной час и в пять часов все еще сидели там’.

(22) польск. *Posiedzieliśmy godzinę i o piątej jeszcze tutaj siedzieliśmy* ‘Мы просидели в приемной час и в пять часов все еще сидели там’.

Во всех этих примерах во втором предложении имеется эксплицитное указание на то, что та же реальная ситуация продолжается после времени ассерции первого предложения.

Точно так же можно продемонстрировать и отсутствие в семантике рассматриваемых предикатов компонента, который отрицал бы существование той же ситуации до времени ассерции (по крайней мере в случае английского непрогрессива, французского аориста и русских пердуративных предикатов и лимитативных употреблений глаголов НСВ).

(23) *The alarm went off promptly at 6:30, but I lay in bed for 15 more minutes* ‘Будильник прозвенел ровно в 6:30, но я пролежала в кровати еще 15 минут’.

(24) *Le réveil a sonné à 6:30 juste, mais j’ai été au lit pendant encore quelques minutes* ‘Будильник прозвенел ровно в 6:30, но я пролежал (пробыл) в кровати еще несколько минут’.

(25) *После этого мы (про)сидели в приемной еще час.*

В этих примерах есть эксплицитное указание на существование той же самой ситуации до времени ассерции (обстоятельства «продолжающейся длительности» с *more* / *encore* / *еще*).

Таким образом, представляется некорректным говорить о наличии каких-либо фазовых компонентов, общих для всех лимитативных показателей.

1.1.4. Обобщая приведенные выше рассуждения, мы приходим к следующей общей формулировке семантики лимитатива: ‘на

протяжении (неточечного) времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации; время ассерции не пересекается с временем отсчета'²¹.

Семантику дуратива можно сформулировать как 'на протяжении времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации; время ассерции пересекается с временем отсчета'.

В дополнение к двум описанным значениям можно также привести для сравнения определение значения п у н к т и в а (которое трактуется В. А. Плунгяном [Плунгян 2011а: 396–397] как (аспектуально) аналогичное лимитативному). Сравним употребления русских моментативных глаголов совершенного вида (СВ) в примерах типа *Петя нашел ключи*, *Петя очнулся*, а также употребления английского непрогрессива в прошедшем с моментативными глаголами (achievements) в примерах типа *He found the keys*. На наш взгляд, семантику пунктива следует формулировать отличным от лимитатива образом, а именно 'на протяжении времени ассерции реализуется единственный естественный предел ситуации; время ассерции не пересекается со временем отсчета'.

В свете сказанного выше относительно (отсутствия) фазовых компонентов в значениях л и м и т а т и в а представляется не вполне корректной формулировка семантики лимитатива (и пунктива) как указывающей на «вложенность» времени ситуации во время ассерции (ср.: Плунгян 2011b: 294) — то есть как фазовой.

Некорректной, по нашему мнению, следует признать и традиционную формулировку инвариантной семантики «широких» п е р ф е к т и в н ы х показателей (вроде показателя французского аориста и, с некоторыми оговорками, английского непрогрессива) как указывающей на ту же самую «вложенность» времени ситуации во время ассерции (ср.: Klein 1994). По-видимому, если и пытаться определить семантический инвариант для (собственно «перфективных») употреблений этих показателей, то это будет скорее таксисное значение 'время ассерции не пересекается с временем отсчета'.

1.2. Значение лимитатива и предельные предикаты

По-видимому, прототипическими (в том числе наиболее частотными) случаями употребления показателей с лимитативной семантикой можно считать их использование с неопредельными предик-

²¹ Или 'ситуация, реализуемая на протяжении (длительного) времени ассерции, осмысливается как неопредельная; время ассерции не пересекается с временем отсчета' (см. примечание в конце раздела 1.1.1).

катами вроде 'гулять' или 'работать' (так, лимитативное оформление — единственный полноценный способ встраивания подобных предикатов в нарративную цепочку)²².

Тем не менее, как в русском, так и в других языках сочетаемость лимитативных показателей²³ не ограничивается исключительно неопределёнными предикатами — она охватывает также и часть предельных предикатов (ср. примеры вроде *Петя почитал газету и бросил*; *Петя немного поубирался в своей комнате*; *Петя проубирался в своей комнате весь вечер*). Отметим, однако, возможность трактовки аспектуальной составляющей лимитативного значения как выполняющей «вторично-аспектуальную» функцию акциональной реинтерпретации любого предиката как неопределённого (см. примечание к разделу 1.1.1).

В акциональной классификации С. Г. Татевосова [Tatevosov 2002, Татевосов 2005; Лютикова и др. 2006], созданной для типологического изучения акциональности, соответствующие классы глагольных лексем называются «сильными» и «слабыми» предельными²⁴. «Слабые» предельные глаголы отличаются от «сильных» как раз тем, что в «перфективной» форме они могут давать как интерпретацию с достижением предела, так и интерпретацию без достижения предела — лимитативную²⁵ (обычно две интерпретации разграничиваются при помощи обстоятельств длительности (*два часа*) и срока (*за два часа*)). Состав классов сильных и слабых пре-

²² Ср. также близкую идею С. Дикки и Дж. Хатчесон о «востребованности» делимитативной деривации в русском языке именно как средства «перфективации» (при всей неоднозначности и обтекаемости этого понятия) предикатов, обозначающих неопределённые ситуации [Dickey, Hutcheson 2003]. Отметим также, что альтернативным способом «перфективации» таких предикатов является указание на начало ситуации (ср. *Двигатель заработал*).

²³ В случае русского языка более осторожной формулировкой будет «возможность делимитативной / пердуративной деривации».

²⁴ Применительно к последнему классу используются также термины «гибридные предикации» [Мелиг 2008] (вслед за: Bertinetto, Squartini 1995) и «ноль-предельные» («zero-telic») глаголы [Declerck 1979; Depraetere 1995: 45].

²⁵ Возможно, в случае «слабых предельных» глаголов следует говорить о том, что это предельные глаголы, способные к неопределённой «реинтерпретации» (ср. примечание в конце раздела 1.1.1) — то есть способности выражать как предельную, так и лишённую естественного предела ситуацию, а значит, относиться сразу к нескольким акциональным классам (в понимании, заложенном З. Вендлером [Vendler 1967]).

дельных глаголов, по всей видимости, может нетривиальным образом различаться в разных языках²⁶.

2. Делимитативная деривация в русском языке. Семантика и сочетаемость: некоторые наблюдения

В соответствии со сказанным в предыдущем разделе, основную часть семантики делимитативных предикатов в русском языке можно сформулировать следующим образом: 'на протяжении (неточечного) времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации (/ситуация осмысляется как неопредельная); на протяжении времени ассерции ситуация прекращается; время ассерции не пересекается с временем отсчета'.

Тем не менее русские делимитативные предикаты демонстрируют также некоторые дополнительные семантические и сочетаемостные особенности, не выводимые из этой формулировки (отчасти эти особенности можно считать наследием более ранних этапов грамматикализации русского делимитативного значения).

Далее в этом разделе обобщены некоторые наблюдения и идеи авторов в отношении этих особенностей. В разделе 2.1 рассмотрена способность делимитативных предикатов иметь различную количественную интерпретацию (единичную и множественную). В разделе 2.2 рассмотрены сочетаемостные ограничения и семантические компоненты, которые можно, как представляется, постулировать для делимитативной деривации в целом, а в разделе 2.3 — «непостоянные» семантические компоненты, присутствующие не во всех употреблениях делимитативных предикатов.²⁷

²⁶ Например, применительно к татарскому языку отмечается, что все или почти все неинкрементальные и/или неагентивные глаголы в этом языке относятся к классу «сильных» предельных глаголов — то есть не допускают лимитативной интерпретации [Татевосов 2005: 129]. Такое распределение во многом согласуется с сочетаемостным потенциалом делимитативной деривации в русском языке. Тем не менее неинкрементальные глаголы в целом могут относиться и к классу «слабых» предельных — например, английские глаголы *fall* 'падать' и *open* 'открываться', допускающие в формах «простого прошедшего» лимитативную интерпретацию.

²⁷ Наблюдения основываются, помимо авторской интроспекции, на изучении коллекции из 205 предложений с делимитативными предикатами (результаты несистематических запросов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ; <http://www.ruscorpora.ru>) и в поисковых системах Яндекс и Google, а также примеры из других исследований, затрагивающих проблематику дели-

Предварительно хотелось бы отметить, что, как мы убедились в ходе изучения различных аспектов русской делимитативной деривации, с точки зрения возможности такой деривации нередко различаются не только разные глагольные лексемы (/видовые пары), но и разные употребления одной и той же лексики (соответствующие разным лексико-семантическим вариантам, выделенным лексикографами, либо различающиеся более тонким образом); определенную роль играют также свойства аргументов глагола.

Так, для глаголов *умирать* и *тонуть* в основных значениях делимитативная деривация аномальна (‘???Петя поумирал некоторое время и вдруг выздоровел; ???Петя потонул некоторое время и был спасен’), но они допускают делимитативную деривацию при окказиональном непредельном прочтении: ‘притворяться, что делаешь Р’, ‘делать Р «понарошку»’. Приведем следующие примеры:

(26) *Некоторых звезд Голливуда просто хлебом не корми — а дай им поумирать*²⁸ *на экране. Premiere.com опубликовал собственный рейтинг актеров, многократно отходивших в мир иной по сюжетам фильмов, где они снимались* [<http://sbblog.ru/2009/04/23>].

(27) *В море можно нырять, раздвигая руками медуз, любоваться красивыми камушками на дне. Можно лежать на воде раскинув руки, и даже немного потонуть, если рядом симпатичный парень...* [http://statustop.ru/statusy/pro_more/page/4].

Глагол *курить* может обозначать как конкретный процесс ([Где Петя?] — *Курит на улице*), так и более стабильное свойство участника — скорее временное (*Петя сейчас (уже снова) курит, хотя неделю назад бросал*) или скорее постоянное (*Петя (?сейчас) постоянно курит*). Делимитативная деривация возможна только при обозначении конкретного процесса и временного свойства, но не при обозначении постоянного свойства (ср. раздел 2.2.1).

Наконец, зачастую делимитативная деривация возможна только при множественной интерпретации исходного предиката НСВ

митативной деривации). При исследовании перфектных употреблений (см. раздел 2.3.2) был также произведен анализ всех вхождений (около 700) ряда глаголов в устный корпусе НКРЯ в формах изъявительного наклонения прошедшего времени.

²⁸ Может иметь как единичную (‘один раз некоторое время делать вид, что умираешь’), так и множественную (‘несколько раз «понарошку» умереть’) интерпретацию (см. раздел 2.1).

(см. раздел 2.1) — а последняя может задаваться свойствами аргументов (при дистрибутивной множественности) или определяться из более широкого контекста (при «нелексической» мультипликативной множественности). Отсюда возможность примера *повыдавать книги* (множественное число прямого дополнения → объектная дистрибутивность) при аномальности примера **повыдавать книгу*. Делимитативные предикаты *пооткрывать дверь* и *позабрасывать мячик в кольцо* возможны, но лишь при мультипликативной интерпретации (ср. примеры 28–29 в разделе 2.1).

Таким образом, при изучении делимитативной деривации за единицу описания сочетаемости и за носитель релевантных для сочетаемости семантических характеристик целесообразно брать не лексему НСВ, а конкретное употребление (лексико-семантический вариант) лексики НСВ²⁹ вместе с релевантным контекстом.

Прежде чем перейти к дальнейшему обсуждению, нам представляется важным очертить класс единиц русского языка, которые мы относим к делимитативным предикатам. Формальным показателем делимитативного значения (делимитативного способа действия) в русском языке является приставка *по-*, присоединяющаяся к глагольной основе НСВ. Тем не менее омонимичным планом выражения *по-* обладают и другие приставки русского языка, в том числе показатели некоторых (других) способов глагольного действия³⁰. К подобным образованиям относятся в том числе ингрессивные глаголы (ср. *пойти*, *полюбить*, *подуть*), дистрибутивные глаголы (ср. *побросать* (все камни в воду), *поразбивать* ~ *поразбить* (все тарелки)), аттенуативные («смягчительные») глаголы (ср. *поразмыслить*, *поостыть*, *попривыкнуть*). При этом ингрессивные глаголы хорошо разграничиваются с делимитативными с опорой на семантику (ср. *Вдруг подул ветер* — начало действия, ингрессивный глагол; *Ветер подул нару дней и успокоился* — длительное действие, делимитативный предикат)³¹, а аттенуативные — по формальным признакам: они образуются только от основ СВ.

²⁹ Подразумевается основа НСВ, являющаяся мотивирующей для рассматриваемого делимитативного деривата (взятая в данном конкретном значении и вместе с релевантным контекстом).

³⁰ А также приставка *по-* с пространственным значением в глаголах типа *покрыть* / *покрывать*, *полить* / *поливать* и связанная с ней «чистовидовая» приставка *по-* в глаголах типа *постелить* (/ *стелить*), *погладить* (/ *гладить*), *покрасить* (/ *красить*). Как представляется, для разграничения этих глаголов и делимитативных предикатов достаточно опоры на семантику.

³¹ Также глаголы ингрессивного способа действия не сочетаются с обстоятельствами длительности — ср.: *Петя удивленно посмотрел на меня (*нару*

Глаголы дистрибутивного способа действия образуются и от основ СВ, и от основ НСВ — *Все двери позаперли / позапирали* [Зализняк, Шмелев 2000: 125]. Таким образом, могут возникнуть трудности с разграничением дистрибутивных глаголов, образованных от основ НСВ, и делимитативных предикатов, у которых один из участников также представлен множеством вовлекаемых в ситуацию сущностей (дистрибутивная множественная интерпретация — см. раздел 2.1). Сравним следующие пары: *Петя (некоторое время) побросал камни в воду* (делимитативный глагол с дистрибутивной интерпретацией) и *Петя побросал (все) камни в воду* (дистрибутивный глагол), демонстрирующие множественность дополнения. Сравним также: *Мальчики (еще некоторое время) попрыгали с моста в реку* (делимитативный глагол с дистрибутивной интерпретацией) и *(Все) мальчики попрыгали с моста в реку* (дистрибутивный глагол), демонстрирующие множественность подлежащего. Несмотря на семантическую близость, во всех этих случаях глагол дистрибутивного способа действия предполагает полноту вовлечения множественного участника в ситуацию (ср. возможность использования при соответствующем актанте кванторного слова «все»); делимитативные предикаты, напротив, предполагают неполное вовлечение участника (ср. возможность генитивного оформления прямого дополнения: *Немного побаловались, побросав камней в местный замерзший фонтанчик* [dasturxon.uz/forum/18–255–1]). Также глаголы дистрибутивного способа действия предполагают достижение естественного предела (полного охвата участника) и сочетаются с обстоятельствами срока, но не длительности; делимитативные же предикаты, напротив, сочетаются только с обстоятельствами длительности (ср. *Петя побросал камни в воду минут пять (и пошел домой)* и *Петя побросал (все) камни в воду за пять минут*).

Наконец, наиболее серьезную проблему представляет разграничение (собственно) делимитативных предикатов и некоторого числа полноценных СВ-коррелятов (глаголов, подразумевающих наличие и достижение естественного предела), которые диахронически восходят, по-видимому, именно к делимитативным глаголам³².

К полноценным СВ-коррелятам относятся в том числе такие глаголы, как *поест, помыться, почистить зубы, пожарить (мясо)* (и некоторые другие глаголы «повседневных действий»). Для разграничения единиц в этом случае можно прибегнуть к тестам на сочетаемость с обстоятельствами длительности (*два часа, (еще) некоторое время*; также *(еще) немного* во временном значении) — она указывает на отнесенность к делимитативным предикатам и на сочетаемость с обстоятельствами срока (*за два часа*, также *быстро* в значении срока завершения), указывающую на отнесенность к пол-

минут) — ингрессивный глагол; *Я еще пару минут посмотрел на происходящее и ушел* — делимитативный предикат.

³² См. Зализняк, Шмелев 2000: 58–59, 112; Dickey 2006: 22–23.

ноценным СВ-коррелятам. Сравним *Петя поел / помылся / почистил зубы / пожарил мясо быстро / за пять минут* (→ полноценные СВ-корреляты); *Поешь мое мороженое (еще) немного* (поест с прямым дополнением — делимитативный предикат); *Я пожарил мясо (еще) пару минут* (делимитативный предикат, омонимичный СВ-корреляту, приведенному выше).

К полноценным СВ-коррелятам можно отнести также такие глаголы, как *поблагодарить, поговорить с кем-либо о чем-либо* (в значении ‘обсудить какой-то вопрос’), *побеседовать с кем-либо* (в значении ‘взять интервью’), *посмеяться над чем-либо / кем-либо* (в значении ‘насмешливо отнестись’), *поиздеваться над кем-либо* (также в интерпретационном значении: *Он просто поиздевался над нами, пригласив на эту встречу*) и *порадоваться чему-либо / за кого-либо*³³, хотя такой вывод основан лишь на языковой интуиции — приведенные выше тесты применительно к этим глаголам не дают результата. Тем не менее показательна явная несочетаемость этих глаголов (в приведенных значениях) с обстоятельствами длительности, с которыми так или иначе сочетается подавляющее большинство или все делимитативные предикаты³⁴.

2.1. Количественная интерпретация — единичная и множественная. Наследование от основы НСВ

Делимитативные предикаты могут иметь различную количественную интерпретацию — они могут реферировать как к единичным ситуациям (*Петя погулял*), так и к множественным³⁵ (ср. примеры 28–29).

(28) *Петя пооткрывал дверь (туда-обратно), чтобы убедиться, что смазанные петли больше не скрипят.*

(29) *Петя еще некоторое время позабрасывал мячик в кольцо, но ему это вскоре надоело.*

По-видимому, возможность множественной интерпретации не является особенностью русского делимитативного значения, а «на-

³³ Эти глаголы (кроме *поблагодарить*) имеют омонимичные делимитативные предикаты (с другими значениями): *Я еще немного поговорил / побеседовал с Петей; Петя (еще) немного поиздевался / посмеялся надо мной; Петя порадовался некоторому времени новому приобретению.*

³⁴ Как кажется, наиболее универсальным является в этом смысле обстоятельство *(еще) немного*, но даже с ним употребление перечисленных глаголов невозможно.

³⁵ На этот факт ранее указывали Х.Р.Мелиг [Mehlig 1994: 600–602; Мелиг 2008], С. Г. Татевосов [Татевосов 2005: 126–127].

следует» от мотивирующей основы НСВ (точнее, основы НСВ вместе с зависимыми глагольной словоформы — см. раздел 3.2). В самом деле, соответствующие глаголы НСВ также могут иметь не только единичную, но и множественную интерпретацию (ср. примеры 30–32).

(30) *Петя смазал петли и теперь открывает дверь (туда-обратно), чтобы убедиться, что петли больше не скрипят* («актуально-длительное» употребление НСВ; множественная интерпретация).

(31) *Петя два часа забрасывал мячик в кольцо, тренируясь перед игрой* (лимитативное употребление НСВ; множественная интерпретация).

(32) *Смотри, Петя забрасывает мячик в кольцо* («актуально-длительное» употребление НСВ: возможна как единичная (соотнесенная с пределом), так и множественная (непредельная) интерпретация).

Можно утверждать, что в любом из подобных высказываний последовательность одинаковых предельных ситуаций (у каждой из которых реализуется и срединная стадия, и правый предел) представлена, по сути, как единичная (сложная) непредельная ситуация (у которой реализуется единственная стадия — срединная). Обратим внимание в том числе на сочетаемость с обстоятельствами длительности (*некоторое время, два часа*). По-видимому, значение НСВ выполняет в этих случаях одновременно с «первично-аспектуальными» функциями также и «вторично-аспектуальную» функцию — меняет акциональные характеристики предиката, «переводя» его в разряд непредельных (ср. также понятие «вторичной гомогенизации» у Х. Р. Мелига [Мелиг 2008: 571]).

Рассмотренное выше на примерах, демонстрирующих случаи мультипликативной множественности, данное явление в той же степени охватывает также случаи «лексической» мультипликативной множественности («мультипликативно-семельфактивные пары»: *Петя прыгнул — Петя прыгает / попрыгал*), случаи дистрибутивной множественности (*Библиотекарь (по)выдавал книги еще полчаса, Петя (некоторое время) (по)бросал камни в воду, Мальчики (еще некоторое время) (по)прыгали с моста в реку*)³⁶,

³⁶ Не следует путать делимитативные предикаты с дистрибутивной интерпретацией с глаголами «дистрибутивного» способа глагольного действия (см. отступление перед разделом 2.1).

а также случаи итеративной множественности (*Петя (но)принимал это лекарство после обеда несколько дней и стал чувствовать себя лучше*) (использована классификация В. С. Храковского [Храковский 1989: 22–50]).

В связи с обсуждением множественности и предельности ситуаций особого внимания заслуживает специфика предикатов, обозначающих ситуации с накопительным (инкрементальным) соотношением (предполагающим, что степень вовлечения объекта в ситуацию пропорциональна протяженности данной ситуации во времени³⁷) — ср. *есть, пить, писать, читать, пахать, красить*. В их случае предельность ситуации связана не собственно с множественностью референта прямого дополнения, а с его характеристикой в терминах кумулятивности / квантованности (см.: Krifka 1989). Если прямое дополнение является кумулятивным (ср. *каша, яблоки* (неограниченные)), то ситуация непредельна, если же оно является квантованным (ср. *яблоки* (ограниченные), *пирожок, две конфеты*) — ситуация предельна. Отметим, что в последнем случае делимитативная деривация в ряде случаев оказывается менее естественной (ср. ^{OK}*Петя поел (некоторое время) кашу / яблоки, но ^{???}Петя поел (некоторое время) эти яблоки / пирожок / две конфеты*).

Отметим также, что в случае накопительного соотношения при делимитативных предикатах обнаруживается вариативность падежного оформления прямого дополнения: наряду с формой аккузатива может быть использована форма «паритивного» генитива: *Петя поел яблоки / яблок / кашу / каши; Петя попил воду / воды*³⁸ (подробнее об этих явлениях см.: Чуйкова 2012).

³⁷ Впервые понятие «накопительного соотношения» (incremental relation) появилось в работе Д. Доути [Dowty 1991]. К материалу русского языка в связи с данной проблематикой обращались Е. В. Падучева [Падучева 2004], Х. Р. Мелиг [Мелиг 2008].

³⁸ Интересно, что при этом в случае использования генитивной формы предикат не сочетается с обстоятельствами длительности, ср. *Петя еще полчаса поел кашу / яблоки / *каши / *яблок; Петя еще некоторое время попил воду / *воды*. Можно предположить, что сама генитивная форма в таких случаях указывает не только на количество, но и на длительность: '(в действие вовлекается) некоторое количество X в течение необходимого времени'.

2.2. Общие семантические ограничения на возможность делимитативной деривации в русском языке. Дополнительные «постоянные» компоненты русского делимитативного значения

Семантические компоненты русского делимитативного значения, описываемые определением, представленным выше ('на протяжении (неточечного) времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации (/ ситуация осмысливается как неопредельная); на протяжении времени ассерции ситуация прекращается; время ассерции не пересекается с временем отсчета'), уже сами по себе накладывают некоторые ограничения на круг предикатов, допускающих делимитативную деривацию.

Так, предполагается наличие у ситуации «срединной» стадии, следовательно, делимитативная деривация (как и вообще сочетаемость с лимитативными показателями) невозможна в случае со-бы-т-ий (точечных ситуаций) — отсюда аномальность делимитативной деривации от моментативных глаголов (НСВ-коррелятов моментативных видовых пар)³⁹: **понаходить* (книгу), **поприходить* (при единичной интерпретации).

Также сам факт прекращения «реальной» ситуации до достижения естественного предела предполагает концептуализацию «идеальной» ситуации как прерываемой, как способной реализовываться без достижения своего естественного предела (в случае его наличия). По-видимому, именно это свойство русского делимитативного значения делает аномальной делимитативную деривацию от глаголов типа *расстреливать* (при единичной интерпретации) или *смеркаться* (возможно, также *умирать*, *тонуть*, *падать*; ср. также «градационные» глаголы типа *увеличиваться* (см. раздел 2.2.2)) — судя по всему, они обозначают предельные ситуации, концептуализуемые как «непрерываемые», «неизбежно достигающие предела»⁴⁰. Аналогичным образом «непрерываемыми»,

³⁹ Для моментативных пар в русском языке (типа *найти* / *находить*, *прийти* / *приходить*) характерна невозможность актуально-длительного употребления глагола НСВ (ср.: ???*Смотри, Петя находит книгу / приходит*), из чего можно заключить, что они обозначают мгновенные ситуации — события.

⁴⁰ В качестве теста, выявляющего наличие у ситуации свойства «прерываемости», можно предложить контексты «*Х некоторое время делал, но так и не сделал*» / «*Х некоторое время делал и перестал* (или другой подходящий глагол

по-видимому, являются также ситуации, к которым реферируют глаголы в составе «квазиоментативных» видовых пар (см. примечание ниже), — имеются в виду такие примеры, как **пооткрывать окно* (при единичной интерпретации), **повыдавать книгу*.

«К в а з и о м е н т а т и в н ы м и» предлагается называть такие видовые пары, которые обозначают непродолжительные ситуации (*выдать / выдать (книгу)*, *принять / принимать (заявление)*, *открыть / открывать (окно)*, *купить / покупать (хлеб)*, *забросить / забрасывать (мячик в кольцо)*) и при этом допускают (в отличие от собственно моментативных) употребление глагола НСВ в актуально-длительном значении (следовательно, у обозначаемых ими ситуаций есть срединная стадия), однако не могут употребляться в контекстах вроде «*Х некоторое время делал, но так и не сделал*» / «*Х некоторое время делал и перестал*» (см. сноску 40), — *Смотри, Петя открывает окно; ???Петя некоторое время открывал окно, но так и не открыл* (за исключением конативного прочтения⁴¹). Также для «квазиоментативных» пар, как и для моментативных, характерна плохая сочетаемость глагола СВ с обстоятельствами срока (ср.: *???Петя открыл окно за три секунды*).

Кроме рассмотренных ограничений, для делимитативной деривации в русском языке характерны также некоторые другие сочетаемостные ограничения, которые уже не следуют из основного определения. Часть из них можно попытаться объяснить, постулировав некоторые дополнительные семантические компоненты в составе делимитативного значения. Подобные ограничения будут рассмотрены ниже.

2.2.1. По-видимому, делимитативная деривация невозможна от предикатов, обозначающих ситуации, имеющие о д н о з н а ч н о н е л о к а л и з у е м ы е временные границы. К числу таких ситуаций относятся любые «свойства», «отношения» и «параметры», часть «состояний»⁴²; к их числу относятся также любые ситуации «ин-

прерывания)». (Ср. контекст «*Х делал, делал, но так и не сделал*», использовавшийся Ю. С. Масловым [Маслов 1948/2004] при классификации предельных видовых пар.)

⁴¹ При конативном (попыточном) прочтении глагол *открывать* реферирует уже к ситуации с другими свойствами (длительной, прерываемой) — ср.: *Петя два часа открывал заклинившую дверь (пробовал ключи, отмычки, кувалду), но так и не открыл*.

⁴² В терминологии «фундаментальной классификации предикатов» Ю. Д. Апресяна [Апресян 2009].

дивидного уровня»⁴³ (но, как кажется, не относятся ситуации «стадиального уровня») (ср. *картавить* (как постоянное свойство), *содержать* (в себе что-то), *весить* (как постоянное свойство), *считать* (кого-то кем-то), *любить*, *знать*, *быть знакомым*, (часто) *навещать* друга, (постоянно) *курить*).

При этом следует учитывать, что многие из перечисленных глагольных лексем могут на самом деле обозначать ситуации разного типа. В следующем примере делимитативная деривация оказывается возможной:

- (33) <...> *веришь или нет не курю вообще! **покурил** пару лет и бросил уже как лет 5 точно!* [<http://waper.ru/forum/topic/657729>].

По-видимому, *курить* в подобных случаях обозначает уже ситуацию другого типа — не стабильное свойство участника, а временное свойство либо «деятельность», причем имеющую локализуемые границы (ср. также возможность «континуального» употребления глагола НСВ: *Петя сейчас (уже снова) **курит**, хотя неделю назад бросал*). Точно так же *картавить* может обозначать не только постоянное свойство, но и «занятие» (или «деятельность») — ‘говорить, картавя’, и в последнем случае делимитативная деривация возможна.

- (34) *Крича из-за барной стойки, он был похож на одного известного деятеля, еще бы руками помахал и **покартавил** чуть-чуть* [<http://blessofdark.at.ua/forum/15-974-4>].

- (35) ***Покартавил** бы еще с пару лет с высоких трибун (году в 92–93), можно представить каким сохранился бы в памяти народной* [http://emelind.livejournal.com/74989.html?page=2&cut_expand=1cutid1].

Для определения «локализуемости границ» ситуации (обозначаемой глаголом НСВ) можно предложить следующие тесты:

а) сочетаемость с обстоятельствами длительности — контексты типа «(Сегодня) *Х два часа **делал***»; «*Х десять лет **делал***» (ср.: *десять лет торговал на рынке; десять лет курил «Приму»; ?десять лет постоянно курил; ???десять лет знал английский язык*);

⁴³ Противопоставление предикатов индивидного уровня (свойства, характерные для самого индивида) и стадиального уровня (свойства, характерные для некоторой стадии существования индивида) предложено в работе Дж. Карлсон [Carlson 1977]; содержательно оно близко оппозиции «качества» — «(про)явления» [Булыгина 1982] (ср.: Шлуинский 2005: 89).

б) возможность употребления с фазовыми глаголами: *начать* / *перестать* (ср. *перестал торговать на рынке*; *перестал курить* «Приму»; *?перестал постоянно курить*; *?перестал знать английский язык*);

в) возможность использования в «актуально-длительном» либо «континуальном» (по Е. В. Падучевой) значении, в том числе сочетаемость с наречием *сейчас* (в значении 'в данный момент' или 'в настоящее время' соответственно), — *Петя сейчас гуляет по парку* (→ ^{OK}*погулял немного по парку*); [*Чем занимается Петя?*] *Сейчас Петя торгует на рынке* (→ ^{OK}*поторговал пару месяцев на рынке*); *Петя сейчас курит* «Приму»; *Петя (?сейчас) постоянно курит*; *?Петя сейчас знает английский язык / любит Машу / считает Машу красивой*.

Отметим, что при этом для возможности делимитативной деривации оказывается не столь важным противопоставление собственно «процессности» (/агентивности) и «стативности» (то есть прототипических процессов и состояний). Вопреки предположениям некоторых аспектологов⁴⁴, в современном языке делимитативная деривация вполне естественна для многих глаголов, обозначающих состояния, равно как и для многих глаголов, обозначающих ситуации с неодушевленным участником — причем не обязательно при этом происходит «процессная» реинтерпретация или одушевление.

(36) *А правда в том, что холера — дело обычное. Поболел — вылечился — на работу* [Василий Гулин. В Москву завезли импортную холеру (1997) // «Столица», 1997.05.13].

(37) *Вино **постояло** в холодильнике и потеряло вкус* [Mehlig 1994].

(38) *Что может быть? Получается **постоял** он [компьютер] **попылился** пару месяцев и на тебе, диск контроллер фэйлор* [<http://itc.ua/forum/archive/index.php/t-10148.html>].

(39) *Мне удалось немного **поприсутствовать** на фотосессии. Это одна из моих любительских фотографий, запечатлев-*

⁴⁴ Так, Е. В. Падучева говорит о невозможности делимитативной деривации не только от глаголов, обозначающих свойства (*весить*), но и от (большинства) глаголов, обозначающих состояния (в том числе *болеть*, *мокнуть*, *присутствовать*), а также инактивные процессы (*грохотать*, *цвести*) [Падучева 1996/2011: 145–147]. В работе Е. М. Малова и Е. В. Горбовой [Малов, Горбова 2008: 17] высказывается предположение о связи возможности делимитативной деривации с расположением обозначаемой предикатом ситуации на шкале процессности–стативности (чем ближе к прототипическому процессу, тем естественнее делимитативная деривация).

ших процесс фотосессии [http://www.zarinsk.com/plugins/coppermine_menu/thumbnails.php?album=29].

- (40) *А на зиму лист лопуха я замачиваю в рассоле. 2–3 дня **помокнут** листья в соленой воде, а потом развешиваю их на инагаме* [<http://gerkula.ru/?cat=171>].

Также можно отметить, что, вопреки анализу Е. В. Падучевой, глаголы *попотеть* и *повозиться* могут использоваться не только в переносном процессном значении ‘потрудиться’ (которое, на наш взгляд, можно считать результатом лексикализации)⁴⁵, но и в прямом значении, наследуемом от мотивирующих глаголов *потеть* и *возиться*.

- (41) *В сауне, вдоволь **попотев** в жаркой парной, окунувшись в ледяную воду озера или бассейна, с удовольствием похлеставшись веничком, финн благодушно разговорится с Вами, сидя в гостиной за кружкой холодного пива* [<http://www.u-lesa.ru/sau.php>].

- (42) *Полез Томка в воду. Сначала по животик зашел, потом по шее, а потом и весь окунулся. Только хвост-обрубочек торчит наружу. **Повозился, повозился** да вдруг как выскочит — и давай кашлять, чихать, отфыркиваться* (Е. И. Чарушин. Как Томка научился плавать (1938)).

2.2.2. Было обнаружено, что делимитативная деривация крайне затруднена или невозможна в случае двух конкретных семантических классов глаголов (видовых пар). Речь идет, во-первых, о градационных видовых парах [Зализняк, Шмелев 2000]⁴⁶ типа *увеличивать(ся) / увеличить(ся)*, *уменьшать(ся) / уменьшить(ся)*, *бледнеть / побледнеть*, *набирать / набрать*, а во-вторых — о глаголах направленного (определенного) движения типа

⁴⁵ При этом вполне возможно, что процессная и/или агентивная реинтерпретация была обязательна при делимитативной деривации на более раннем этапе в истории русского языка.

⁴⁶ Также известны как градативные глаголы [Падучева 1996/2011]. Аналогичные по свойствам глаголы были выделены в классификации Ю. С. Маслова в подгруппу «г» группы «соотносительных глаголов совершенного и несовершенного вида, противопоставленных по линии ‘попытка’—‘успех’ или ‘тенденция’—‘осуществление’» [Маслов 1948/2004: 86]. Характерная особенность этих глаголов состоит в том, что они обозначают ситуации, не имеющие фиксированного естественного предела; при этом можно говорить о («виртуальном») промежуточном пределе (или множестве промежуточных пределов), который достигается всегда, если ситуация имеет место (на протяжении хотя бы какого-то времени) — ср. **Увеличивался, но так и не увеличился*.

идти, плыть, бежать, лететь. Возможное объяснение этих (и некоторых других) фактов будет приведено в разделе 2.2.5.

2.2.3. Можно предположить, что делимитативное значение в русском языке предполагает, что длительность ситуации не превышает стандартную для подобных ситуаций, и не совместимо с аномально длительными ситуациями (см. примечание в конце раздела 2.3.1).

2.2.4. Еще одно общее сочетаемостное ограничение было предложено К. Л. Киселевой и С. Г. Татевосовым [Kisseleva, Tatevosov Ms.] — это требование «внутренней гомогенности» ситуации: предполагается, что делимитативная деривация невозможна от предикатов, выражающих ситуации, которые не обладают этим свойством. Под «внутренней гомогенностью» при этом подразумевается отсутствие (внутренней) причинной и временной упорядоченности⁴⁷.

Рассмотрим один из рассматриваемых авторами примеров (приводится с некоторыми модификациями).

(43) *¹?*Вася пооткрывал дверь (пять минут и бросил).*

Оценки приемлемости приведены в этом случае для следующих двух интерпретаций⁴⁸.

1) [Дверь оснащена цифровым замком, и чтобы открыть ее, нужно ввести кодовую последовательность из восьми цифр.] Участник ввел шесть цифр из восьми, но решил не продолжать³.

2) (Конативная, «попыточная») [Механический дверной замок заклинило.] Участник пытался открыть ее ключом и отмычкой, после чего бросил это занятие³.

⁴⁷ То есть нет таких («контекстно-релевантных») подотрезков ситуации (составляющих ее действий), между которыми были бы причинно-следственные связи и/или для которых было бы обязательно выполнение в фиксированном хронологическом порядке.

⁴⁸ Обе интерпретации возможны в случае глагола НСВ в актуально-длительном значении: *Смотри, Петя открывает дверь*. Разумеется, в этом случае возможна также и основная интерпретация (открывает ключом и) однократно поворачивает на петлях, однако невозможность делимитативной деривации при такой («квазимоментативной») интерпретации объясняется другими ограничениями (см. раздел 2.2). Также возможна множественная интерпретация, допускающая делимитативную деривацию — ср. примеры 28 и 30 в разделе 2.1.

Как можно заметить, при второй, конативной, интерпретации делимитативная деривация не вполне естественна⁴⁹, но все же не совершенно невозможна — в отличие от первой интерпретации, неприемлемость делимитативной деривации при которой очевидна. К. Л. Киселева и С. Г. Татевосов предлагают объяснять этот факт тем, что первая ситуация обладает внутренней причинной и временной упорядоченностью (набор цифр производится в строго заданной последовательности), а вторая, напротив, никак внутренне не упорядочена (например, различные инструменты могут применяться в любом порядке). Таким образом, первая ситуация не является «внутренне гомогенной», а вторая является.

К ситуациям, анализируемым авторами в качестве не обладающих «внутренней гомогенностью» (и поэтому не допускающих делимитативную деривацию), относятся также ситуации, обозначаемые предикатами *выдавать книгу*⁵⁰, *расстреливать пленного*, *воздвигать монумент*. Примеры других предикатов, обозначающих «внутренне гомогенные» ситуации: *разрывать нитку / леску* (в конативной интерпретации: 'дергать (несколько раз), пытаться разорвать'), *разбивать вазу* ('пытаться разбить' — например, если ваза из небьющегося стекла), *будить друга* ('пытаться разбудить')⁵¹.

2.2.5. Наконец, можно также попытаться постулировать для делимитативного значения инвариантный абстрактный компонент внутренней «ненацеленности»⁵² ситуации, который,

⁴⁹ Возможно, ее неестественность объясняется требованием «ненацеленности действия» (см. раздел 2.2.5): совершение попыток осуществить некоторое действие обычно предполагает наличие цели, интенции иметь его осуществленным.

⁵⁰ Отметим, что этот предикат можно отнести к «квазимоментативным» (см. раздел 2.2) и объяснить невозможность делимитативной деривации от него иным образом.

⁵¹ При этом под определение «внутренней гомогенности», разумеется, подпадает и огромное число других ситуаций, нормально допускающих делимитативную деривацию — ср. *гулять, работать, кипеть, княжить*. Также, по-видимому, в случае предельных ситуаций типа обозначаемых такими предикатами, как *писать письмо, читать книгу, переводить статью, делать уроки*, делимитативная деривация предполагает «гомогенное», неупорядоченное прочтение (ср. также понятие «внутренней ненацеленности» в разделе 2.2.5).

⁵² Термину «ненацеленность» здесь приписывается довольно абстрактное и размытое значение, включающее отсутствие интенции или тенденции до-

как представляется, мог бы объяснить некоторые из обсуждаемых сочетаемостных особенностей.

Так, с требованием внутренней «ненацеленности» можно связать отсутствие интенции участника⁵³ или внутренней тенденции достичь естественного предела (и получить прототипический результат), которое, как кажется, характерно для ситуаций, обозначаемых делимитативными предикатами. В частности, предложения типа *Петя немного почитал книгу / поделал уроки / покрасил забор и бросил* скорее делают акцент на самом процессе чтения (чего угодно), выполнения домашних заданий (в принципе) или покраски (чего угодно), чем на существующем у этого процесса естественном пределе⁵⁴. При этом следует отметить некоторую странность предложений вроде: *Петя немного написал письмо (и бросил)*; *Петя некоторое время поел яблоко*. Естественный предел в ситуациях типа 'писать письмо' или 'есть яблоко' обычно достигается сравнительно быстро и легко — следовательно, меньше вероятность выполнения такой ситуации без интенции его достичь. Следует также отметить странность предложений типа *Петя немного пооткрывал дверь и бросил* (в значении 'пытался открыть'; ср. сноску 49), — мы редко имеем дело с совершением попыток осуществить некоторое действие, достичь некоторого результата без интенции получить сам этот результат.

Также наличием требования внутренней «ненацеленности» можно объяснить аномальность делимитативной деривации от градационных глаголов (видовых пар) (см. раздел 2.2.2). По-видимому, ситуации, обозначаемые глаголами этого класса, по сути своей предполагают наличие внутренней тенденции к дости-

стичь результата, отсутствие временной и причинной упорядоченности, отсутствие пространственной направленности.

⁵³ По-видимому, утверждению об отсутствии у участника интенции получить прототипический результат не противоречат случаи типа: *Я поспал пару часов, чтобы привести себя в норму и поесть* [<http://www.litmir.net/br/?b=61688&p=30>] или *Мы еще немного помогли в очереди, чтобы купить билеты* — где действие все же совершается с некоторой целью, намерением. По-видимому, цель здесь является «внешней», косвенной по отношению к ситуации (восстановить нормальное физическое состояние, купить билеты), а намерения получить результат, характерный для самой ситуации, у участника нет.

⁵⁴ Ср. также предположение о неопредельной реинтерпретации предельных ситуаций в примечании в конце раздела 1.1.1.

жению некоторого (по крайней мере промежуточного) результата (ср. *увеличивался, но (так и) не увеличился).

Аналогичным образом с внутренней «ненацеленностью» можно связать (в случае предельных ситуаций) появление у делимитативных предикатов оценочных компонентов «бrevиативности» (краткости) / аттенуативности / пейоративности (см. раздел 2.3.1) — через отсутствие интенции получить прототипический результат.

Содержательно близким понятию внутренней «ненацеленности» можно считать и понятие «внутренней гомогенности» (временной и причинной неупорядоченности) по К. Л. Киселевой и С. Г. Татевосову (см. раздел 2.2.4); последнее можно рассматривать в качестве частного случая первого.

Наконец, в понятие внутренней «ненацеленности» можно включить и пространственную ненаправленность, объясняя таким образом аномальность делимитативной деривации от глаголов направленного движения (см. раздел 2.2.2) — при возможности делимитативной деривации от глаголов ненаправленного движения: *походить, поплавать, побегать, полетать*.

2.3. Непостоянные компоненты русского делимитативного значения

Кроме постоянных семантических компонентов, которые были рассмотрены выше, в составе делимитативного значения в русском языке можно также отметить некоторые непостоянные семантические компоненты. Их присутствие в семантике конкретного делимитативного предиката может зависеть, по-видимому, от следующих факторов: частотности делимитативного глагола, режима интерпретации (нарративного или речевого), грамматической формы предиката и рематичности предиката (см. далее). Как нам представляется, среди них можно выделить (по крайней мере) ряд оценочных компонентов и компонент перфектности.

2.3.1. Оценочные компоненты

К оценочным компонентам мы относим значения *бrevиативности*⁵⁵ (краткости), а также аттенуативности и, воз-

⁵⁵ От лат. *brevio* 'укорачиваю, сокращаю', *brevis* 'короткий' (в том числе 'непродолжительный').

можно, пейоративности ('длительность ситуации / интенсивность ситуации / «добросовестность» участников ситуации меньше обычной'⁵⁶). Эти значения обычно довольно сложно точно идентифицировать, поскольку все они тесно связаны друг с другом: выполнение действия в течение небольшого времени часто предполагает меньшую интенсивность и/или «добросовестность» ('кое-как'), и наоборот. В некоторых случаях можно говорить о наличии сразу нескольких оценочных компонентов.

Проиллюстрировать рассматриваемые компоненты можно следующими примерами.

(44) <...> дай **попользоваться** <...> [Малов, Горбова 2008] (бревиативность(?)).

(45) *Как то раз Михалыч заболел. Серьезно заболел, с кашлем, соплями и слезами. Почихал и покашлял денек и пошел в районную поликлинику, которая находилась через два дома от его любимого магазина* [http://www.marianowka-city.ru/forum/34-192-1] (бревиативность; аттенуативность(?)).

(46) — *Не простудился, Виталик?* — *спросила она.* — *Да нет, ничего,* — *ответил Виталик.* — *Только почихал немножко...* (С. А. Баруздин. «Светлана-пионерка») (бревиативность; аттенуативность(?)).

(47) *Если не подойду, я обратно вернусь... вышлете сейчас же. А в дороге я могу кой-чего поделать, впечатления будете диктовать или отчет в израсходовании — я настукаю.* (В. В. Маяковский. «Баня» (1929–1930)) (аттенуативность; бревиативность(?)).

⁵⁶ Традиционно делимитативным предикатам в русском языке приписывают именно оттенок краткости (ср.: «Глаголы этого класса описывают некоторую “порцию” действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течении которого оно производилось» [Зализняк, Шмелев 2000: 111]; при этом его роль несколько преувеличивается, о чем далее).

Нам кажется целесообразным говорить в данном случае также о двух других смежных значениях — аттенуативности и пейоративности. Так, по крайней мере оттенок аттенуативности в некоторых случаях проявляется достаточно отчетливо и не обязательно сопровождается явным оттенком бревиативности (ср. пример 47: *кой-чего поделать* — тихо, исподтишка, ненавязчиво). Отметим также, что именно через компонент аттенуативности можно связать делимитативную деривацию со «смягчительным» (*поостыть, попривыкнуть*) и «прерывисто-смягчительным» (*покашливать, позвякивать*) способами глагольного действия, которые, по-видимому, являются диахронически родственными явлениями.

- (48) Петя *поделал* уроки — да и бросил, *поубирал* комнату — тоже бросил (бревиативность; аттенуативность; пейоративность(?)).
- (49) Сидят // папаша. // Каждый // хитр. // Землю *попашет*, // *попишет* // стихи (В.В.Маяковский. «Хорошо» (1927)) (бревиативность; пейоративность(?); аттенуативность(?)).
- (50) Значительные запасы каменного угля, нефти и прочих ископаемых накоплены в недрах Земли вовсе не для того, чтобы какая-то часть Человечества, добравшаяся до них, *посибаритствовала*, *пожила* некоторое время для себя, не оставив никаких перспектив для потомков [http://samlib.ru/g/gordeew_a_n/infinity7.shtml] (пейоративность(?), breviativnost'(?)).
- (51) И Герцен *пореволюционерствовал*, *посоциалистичничал*, и долго, прежде чем он понял: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри...» [Mehlig 1994: 594] (пейоративность(?); breviativnost'(?)).

Можно отметить, что подобные оценочные компоненты обычно сильно подкреплены контекстом (ср. *денек*, *немножко*, *кой-чего* в примерах выше; ср. общий осуждающий пафос примера 50) или лексической семантикой самого предиката (ср. пейоративность самих глаголов *сибаритствовать*, *революционерствовать*, *социалистичничать* в примерах выше), что делает менее очевидным их приписывание именно делимитативному значению.

Как кажется, оценочные компоненты с большей вероятностью появляются в случае менее частотных (а значит, скорее образуемых говорящим *ad hoc*, чем взятых из лексикона в готовом виде, и менее «привычных» для воспринимающего) делимитативных глаголов (ср. редкие словоформы *почихать*, *попахать* и частотные — *погулять*, *поработать*⁵⁷). Появление пейоративного оттенка у редких делимитативных предикатов можно объяснить определенной ассоциированностью в сознании носителей самого образования и использования делимитативных предикатов с разговорной речью⁵⁸

⁵⁷ Общее число вхождений в основном корпусе НКРЯ для четырех глаголов соответственно: 14, 23, 3549, 3028.

⁵⁸ См. также об употреблении и образовании делимитативных (и пердуративных) глаголов как характеристике разговорной речи: Малов, Горбова 2008: 16–17.

и со «сниженными» регистрами. Приведем примеры возникновения иронического эффекта при образовании делимитативных дериватов от глаголов «высокого» стиля.

(52) *Потом думала — что это за категория женщин, как в ресторанах или куда слетать отдохнуть, стихам **повнимать** благоговенно прикрыв глазаньки (он ей еще стихи посвящал) — так пожалуйста ...* [<http://www.destiny.ru>].

(53) *Мы вышли на набережную и решили немножко **посозерцать**, и тут нашему взгляду предстало самое наиполезнейшее изобретение 21 века ...* [<http://mamond.livejournal.com>].

Появление оценочных компонентов в случае предельных предикатов может быть связано с наличием в русском делимитативном значении фазового компонента. Поскольку ситуация прерывается до достижения естественного предела, ее длительность с большой вероятностью меньше обычной, а намеренное прерывание может оцениваться как признак «недобросовестного» выполнения (ср. пример 48; ср. также предположение о требовании внутренней «ненацеленности» ситуации (см. раздел 2.2.5), с которым также можно связать появление этих компонентов).

К длительности ситуации имеют отношение также некоторые общие свойства делимитативных предикатов, касающиеся их употребления с обстоятельствами длительности.

Так, делимитативные предикаты демонстрируют плохую сочетаемость с наречием *долго* и в целом дают не вполне приемлемые предложения в сочетании с обстоятельствами, указывающими на аномально большую длительность ситуации⁵⁹.

(54a) ^{???}*Петя долго / долгое время **полежал**, пытаясь уснуть.*

(54б) ^{???}*Петя долго / долгое время **полежал** / **поработал** / **почитал** газету.*

(54в) ^{??}*Петя **поспал** (целых) двенадцать часов и пошел на работу.*

⁵⁹ Это и отчасти последующие наблюдения в том или ином виде формулировались и ранее. Так, С. Дикки и Дж. Хатчесон говорят о «неопределенной» либо «нейтральной» длительности ситуаций, обозначаемых делимитативными предикатами — в сравнении с «интенсивной» / большой длительностью в случае пердуративных предикатов [Dickey, Hutcheson 2003: 31] (авторы отмечают также отсутствие подобного ограничения у делимитативных предикатов в чешском, словацком, польском и словенском). Ср. также у М. А. Шелякина: «[делимитативным способом действия] выражается проявление действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени» [Шелякин 1987/2007: 80].

Аналогичные примеры с обстоятельствами, указывающими на обычную или меньшую, чем обычная, длительность, оказываются абсолютно приемлемыми:

(55а) Петя немного / полчаса полежал, пытаясь уснуть.

(55б) Петя некоторое время / пару минут полежал / поработал / почитал газету.

(55в) Петя поспал семь часов / (всего) три часа и пошел на работу.

Также в этом отношении делимитативные предикаты оказываются функционально противопоставлены пердуративным предикатам и лимитативным употреблениям глаголов НСВ⁶⁰, которые совершенно приемлемы в сочетании с обстоятельствами, указывающими на аномально большую длительность ситуации.

(56а) Петя долго / долгое время (про)лежал, пытаясь уснуть.

(56б) Петя долго / долгое время лежал / работал / читал газету.

(56в) Петя проспал (целых) двенадцать часов и пошел на работу.

Интересно, что при этом как пердуративные предикаты, так и лимитативные употребления глаголов НСВ приемлемы также в сочетании с обстоятельствами, указывающими на обычную длительность ситуации (ср. примеры 57а–57в), но неприемлемы в сочетании с наречием *немного* и не вполне приемлемы в сочетании с обстоятельствами, указывающими на аномально малую длительность (ср. примеры 58а–58б).

(57а) Петя полчаса (про)лежал, пытаясь уснуть.

(57б) Петя некоторое время лежал / работал / читал газету.

(57в) Петя проспал семь часов и пошел на работу.

(58а) *Петя немного (про)лежал, пытаясь уснуть.

(58б) ?Петя пару минут лежал / работал / читал газету.

(58в) ???Петя проспал всего три часа и пошел на работу.

2.3.2. Перфектный компонент

Как представляется, в состав делимитативного значения можно включить также компонент перфектности (определим его как ‘в момент речи ситуация обладает текущей релевантностью⁶¹’), появление которого неразрывно связано с функционированием делимитатив-

⁶⁰ При этом как пердуративные предикаты, так и лимитативные употребления глаголов НСВ вообще всегда или практически всегда выступают именно в сочетании с каким-либо обстоятельством длительности. Для делимитативных предикатов же, как известно, одинаково характерно как использование с обстоятельствами длительности, так и без них, самостоятельно.

⁶¹ См.: Dahl, Hedin 2000. По-видимому, к текущей релевантности можно отнести наличие причинно-следственной или логической связи, а также «актуальность», важность ситуации для участников коммуникативного акта.

ных предикатов в речевом (диалогическом) режиме интерпретации⁶² в формах прошедшего времени.

Проиллюстрировать употребления, о которых идет речь, можно следующими примерами.

(59) *Сегодня совершил подвиг — поубирав у себя в комнате* [<http://mirage-world.ucoz.ru/forum/48-13467-50>] («актуальность» ситуации для коммуникантов).

(60) *С чего это у тебя такая реакция? Воды может нахлебался?* [В., жен] *Перегрелся наверно правда | может правда на закате поспал || [Ю. К., жен, 19] Лоб когда болит | когда че | когда мигрень?* (Разговоры в компании у костра // Из коллекции Саратовского университета, 2002) («причинная» текущая релевантность — ситуация-референт предлагается в качестве одного из объяснений текущего положения дел (у участника диалога болит лоб); (ср.: Dahl, Hedin 2000: 393).

По-видимому, можно утверждать, что перфектный компонент всегда присутствует в речевых употреблениях делимитативных предикатов в форме прошедшего времени (при нахождении предиката в реме⁶³) — в отличие от речевых употреблений других глаголов СВ.

С одной стороны, перфектная интерпретация в речевом режиме характерна и для русских глаголов СВ в целом (ср.: Dahl, Hedin 2000: 393–394; Ландер 2003), в том числе для глаголов СВ, указывающих на достижение предела — ср.: *Петя купил свою первую машину* (и теперь она у него есть); *Геологи открыли новое месторождение нефти* (и теперь его можно разрабатывать). Однако глаголы СВ, указывающие на достижение предела, могут и не приобретать в речевом режиме перфектную интерпретацию (ср. пример 61).

(61) [*Что Вы знаете о Великой Отечественной Войне?*] — *Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года [а закончилась 8 мая 1945 года].*

⁶² Здесь и далее мы следуем концепции Е. В. Падучевой [Падучева 1996/2011: 258–284], которая выделяет три режима интерпретации дейктических элементов — речевой (*На столе лежит книга; Петя включил свет час назад*), нарративный (*Петя пришел домой и включил свет; На столе лежала книга*), а также синтаксический (*Я видел, что на столе лежит книга / что Петя включил свет*).

⁶³ В случаях, когда делимитативный предикат употреблен вне ремы (ср.: *Игорь сегодня всего два часа поиграл на скрипке* — рема подчеркнута), возможно, как кажется, и отсутствие у ситуации текущей релевантности.

Для делимитативных же предикатов (в составе ремы) перфектная интерпретация в речевом режиме, по-видимому, обязательна — ср. странность их использования в примерах, где отсутствие текущей релевантности задано контекстом.

(62) [*Представляете себе,*] *покойный Иван Иванович в молодости работал / ??поработал учителем* (ср.: *В молодости я **по**работал учителем [поэтому теперь знаю, что такое иметь дело с детьми]*).

(63) (Факт из жизни писателя:) *Пушкин жил / ??пожил некоторое время в Одессе* (ср.: *В молодости Петя **по**жил некоторое время в Одессе [и до сих пор считает те дни одними из самых счастливых в его жизни]*).

Таким образом, можно предположить, что рассматриваемые употребления делимитативных предикатов не просто получают перфектную интерпретацию в качестве импликатуры, из контекста, но что они функционально «ассоциированы» с ней, — то есть считать перфектность одним из компонентов в составе делимитативного значения.

3. Делимитативная деривация в русском языке.

Место в грамматической системе.

Морфосинтаксические особенности

В этом разделе рассмотрен ряд других вопросов, касающихся делимитативной деривации. Во-первых, затронуты вопросы, связанные со статусом этого явления в грамматической системе русского языка (раздел 3.1). Во-вторых, рассмотрены вопросы, относящиеся к морфосинтаксическим (точнее, морфосинтактико-семантическим) особенностям делимитативной деривации, — вопрос о семантической сфере действия показателя *по-* (раздел 3.2) и вопрос о степени морфологической связанности показателя *по-* (раздел 3.3).

3.1. Дериватема или (квази)граммема?

Традиционно делимитативные образования с префиксом *по-* рассматривают в ряду явлений, объединяемых понятием «способы (глагольного) действия»⁶⁴. При этом понятие способа действия

⁶⁴ Ср.: Шелякин 1987/2007; Зализняк, Шмелев 2000. Делимитативная деривация рассматривается как «ограничительный» способ действия — наряду

и понятие вида противопоставляются как объединяющие явления разного порядка — соответственно словообразовательные и грамматические явления (ср.: Зализняк, Шмелев 2000).

Как представляется, делимитативная деривация в русском языке демонстрирует некоторые свойства, отличающие ее от других «способов действия» и противоречащие однозначному ее отнесению к словообразовательным, а не к грамматическим⁶⁵ явлениям.

Так, основу делимитативного значения (хотя оно и содержит, по-видимому, дополнительные, менее абстрактные компоненты) составляет семантика лимитатива, которую можно отнести к грамматическим значениям. Она достаточно абстрактна и может выражаться в языках словоизменительными граммемами (ср. английский непрогрессив и французский аорист — если принимать их анализ, предложенный в разделе 1).

Делимитативная деривация может быть признана семантически регулярной. Она в наименьшей степени модифицирует лексическую семантику глагола — в том числе не переводит предикат в разряд соотнесенных с пределом⁶⁶. Следует также отметить прозрачное «наследование» количественной интерпретации от мотивирующей основы НСВ (см. раздел 2.1)⁶⁷ и семантическую отнесенность делимитативного значения ко всему предикату, а не только к глагольной основе (см. раздел 3.2).

с «инхоативным» (*зазвенеть*), «пердуративным» (*просидеть два часа*), «финитивным» (*отцвести*) и др.

⁶⁵ Здесь и далее термин «грамматический» применительно к значениям или явлениям мы будем использовать не в чисто системном, ориентированном на форму смысле («словоизменительный», «обязательный», входящий в набор грамматических оппозиций языка), а в более широком, типологическом смысле (близкий к (сильно-)грамматическому полюсу на типологическом «деривационно-грамматическом континууме» — ср.: Плунгян 2011а: 45–60).

⁶⁶ В отличие от других способов действия, образующих предикаты СВ (за исключением «пердуративного») — ср. «финитивный» способ действия: *цвети* (непредельный) → *отцвести* / *отцветать* (предельный). Отметим, однако, что в случае предельных ситуаций делимитативное значение, возможно, приводит обратную модификацию — реинтерпретирует их как непредельные (см. примечание в конце раздела 1.1.1).

⁶⁷ Ср. также: Татевосов 2009: 100, где говорится о композиционном соединении со значением основы всех «внешних» глагольных префиксов, к числу которых автор относит и делимитативный префикс *по-* (см. примечание в конце раздела 3.2).

Делимитативная деривация также выделяется в ряду способов действия практически абсолютной продуктивностью / морфологической регулярностью. Можно утверждать, что большинство случаев невозможности такой деривации от того или иного предиката НСВ объясняются семантической несовместимостью его лексического значения с теми или иными компонентами делимитативного значения, а не ограниченной продуктивностью делимитативной деривации.

Наконец, в случае делимитативных предикатов можно говорить о с и с т е м а т и ч н о с т и⁶⁸ их употребления. По крайней мере в двух контекстах делимитативную деривацию можно, как кажется, считать функционально наиболее приемлемым средством из ряда грамматических средств — для ситуаций, не достигающих предела (или не соотносящихся с ним). Это а) нарративные клаузы, предполагающие «встраивание» подобной ситуации в нарративную цепочку⁶⁹; б) речевые употребления с указанием на текущую релевантность подобной ситуации (погруженной в прошлое) (см. раздел 2.3.2).

Итак, делимитативной деривации присуща крайне высокая продуктивность, семантическая и морфологическая регулярность, (частичная) систематичность употребления делимитативных предикатов и «грамматичность» семантики. Наличие подобных свойств характеризует делимитативную деривацию как явление скорее грамматическое, чем словообразовательное. В то же время сложно говорить и о явной противопоставленности делимитативного значения другим грамматическим значениям русского языка и о вклю-

⁶⁸ Под «систематическим использованием» в данном случае мы понимаем ситуацию, при которой для определенных семантических контекстов использование некоторого показателя является если не обязательным, то по крайней мере «обычным», устойчивым — то есть в значительной степени частотным и стилистически нейтральным. При этом его использование лишь частично определяется соображениями релевантности и информативности (то есть показатель нередко употребляется вопреки избыточности и/или нерелевантности передаваемой им семантики). Ср. «систематическое маркирование» или «независимость от соображений релевантности» как признаки грамматического значения у Э. Даля [Dahl 1985: 14; 2000: 9].

⁶⁹ Ср.: Черткова 1996: 123; Dickey 2006: 21–22, 28–30. Отметим также, что способность делимитативных предикатов служить заменой неопределенных глаголов НСВ в таксисных цепочках двух или более ситуаций в сочетании с их высокой продуктивностью привела к дискуссиям о возможности считать делимитативные глаголы видовыми коррелятами соответствующих глаголов НСВ (хотя авторам подобный анализ и не представляется удачным).

чении его в какую-либо грамматическую категорию (что соответствовало бы статусу полноценной грамлеммы). По-видимому, статус делимитативного значения в грамматической системе русского языка можно определить как квазиграммемный⁷⁰.

3.2. Семантическая сфера действия показателя *по-*

В этом и следующем разделах рассмотрены свойства делимитативных предикатов, касающиеся соотношения в них семантики и морфосинтаксиса.

Для делимитативной деривации в русском языке характерно, что семантическая сфера действия делимитативного показателя *по-* может распространяться не только на саму глагольную основу, но и на зависимые глагольной словоформы (те из них, которые семантически наиболее тесно связаны с глаголом).

Проиллюстрировать эту особенность можно следующими примерами (сфера действия подчеркнута).

- (64) *Потом студенты отправились в парк чудес “Галилео”, с аттракционами, механизмами и фокусами, где им предлагалась возможность побродить по зеркальному лабиринту, поперемещаться в пространстве, поуменьшаться и поувеличиваться в размерах, мгновенно потерять вес и т. д.* [<http://openworld.ow-tour.ru/news/214-2011-10-03-12-07-40.html>].

(По-видимому, последний предикат в этой цепочке представляет собой, как и предыдущие, делимитативный дериват, причем семантически его можно проанализировать как ‘по[мгновенно терять вес]’ — то есть ‘некоторое время быть вовлеченным в множественную ситуацию, составленную из ситуаций мгновенной потери веса’.)

- (65) [Информантка, жен, 65] <...> *А те сложили стог | и он весь сгорел. Вся работа ушла в праздник. [Дочь информантки, жен] Это мы так с мамой | в Пияндыше еще жили и тоже поработали в праздник. И то ли забыли | то ли не знали.*

⁷⁰ Термин «квазиграммема» (впервые предложенный И. А. Мельчуком) используется в грамматической концепции В. А. Плунгяна применительно к явлениям, «промежуточным» между словообразованием и грамматикой — обладающим регулярностью, но не обладающим (полной) обязательностью [Плунган 2011а: 66–70].

И мы пролежали всю неделю | болели. Так что очень грешно в праздники работать (О староверах (беседа филолога с информантом) // Экспедиция филологического ф-та МГУ, 2005).

(Возможно прочтение, при котором в сферу действия *по-* попадает весь предикат *работать в праздник* — ‘по[работать в праздник], а не ‘по[работать] в праздник’; т.е. в качестве грешного действия, которое участники по незнанию какое-то время выполняли, мыслится не просто работа, а работа в праздник.)

Наследование количественной интерпретации, рассмотренное в разделе 2.1, на самом деле также происходит, по-видимому, не от основы НСВ, а от предиката НСВ, включая зависимые, влияющие на эту интерпретацию.

(66) *Пенсионер, в свое время поруководил судьбами людей, по-распределял талоны на холодильники и мясо, порасстреливал «врагов народа» — доживай в молитвах перед Высшим Судом и Бога не гневи* [<http://www.balakovomedia.ru/publ.php?id=129456>].

(67) *Пригласила как-нибудь при случае подежурить, повыдавать открепительные и т.д.* [<http://timoochin.livejournal.com/137424.html>].

(68) **Солдат порасстреливал пленного.*

(69) **Библиотекарь повыдавал книгу.*

Предикаты НСВ, которые можно «реконструировать» для приведенных делимитативных дериватов — *расстреливать пленного / расстреливать «врагов народа»* и *выдавать книгу / выдавать открепительные* — обозначают ситуации с разными свойствами, и эта разница обусловлена характеристиками прямого дополнения. В случае прямого дополнения во множественном числе эти предикаты имеют множественную (дистрибутивную) интерпретацию, и допускают делимитативную деривацию (примеры 66–67). В случае же прямого дополнения в единственном числе у таких предикатов множественная трактовка оказывается невозможной уже для предиката НСВ⁷¹, а единичная трактовка (ср. *Солдат расстреливает пленного*) не отвечает требованию «прерываемости» (см. раз-

⁷¹ В силу «неотменяемости результата» (скорее экстралингвистической), присущей ситуациям типа *выдавать книгу* или *расстреливать пленного*, повторение в них ситуации с теми же участниками оказывается физически невозможным уже после первой «итерации».

дел 2.2). Таким образом, делимитативная деривация от предикатов *расстреливать пленного* и *выдавать книгу* оказывается невозможной (примеры 68–69).

Из приведенных рассуждений можно сделать вывод, что сфера действия делимитативного показателя в примерах 66 и 67 включает прямое дополнение (*по[расстреливать «врагов народа»]* и *по[выдавать открепительные]*).

Наконец, отдельно можно рассмотреть взаимодействие делимитативного показателя с показателем отрицания *не*. Согласно нашим наблюдениям, делимитативный показатель может как оказываться внутри сферы действия *не* (ср. пример 70), так и включать *не* в свою собственную сферу действия⁷² (ср. пример 71).

(70) *Интернет не поработал нормально и дня, а заплатили уже 8 тысяч и это не предел!* [<http://www.moskvaonline.ru/rating/review/answer/404>] (по-видимому, *не[по[нормально работать] хотя бы день]* — «узкая» сфера действия).

(71) *если не покурить пару дней подряд — нет сна вообще — только утром возможно заснуть* [<http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=0782985302a5ca7d&pli=1>] (по-видимому, *по[не[курить] пару дней подряд]* — «широкая» сфера действия).

Наблюдения, сделанные выше (как и наблюдения в разделе 3.3 далее) согласуются с анализом делимитативного *по-* как одного из «внешних» (или супралексических) глагольных префиксов [Татевосов 2009: 100]⁷³ — наряду с «инцептивным» *за-*, «кумулятивным» *на-*, «дистрибутивными» *пере-* и *по-*, «комплетивным» *до-*, «репетитивным» *пере-* и «аттенуативным» *под-*. Принадлежность к классу «внешних» префиксов, как предполагается, определяет не только внешнюю линейную позицию, но и наличие композициональности, а также семантическую отнесенность к глагольной группе. (Ср.: «Предположив, что два класса префиксов различаются синтаксической позицией, мы предсказываем, что лексические префиксы модифицируют значение глагола, а супралексические [= «внешние»] являются модификаторами глагольных групп или целых предложений» [Татевосов 2009: 98] (со ссылкой на: Babko-Malaya 1999: 76)).

⁷² Ср. также возможность в этом случае иконического «выдвижения» *по-* влево (см. раздел 3.3).

⁷³ А также у других авторов — см. обзор: Татевосов 2009: 98–100.

3.3. Неполная морфологическая связанность и вопрос о линейно-синтагматическом статусе показателя *по-*

Интересно, что обсуждавшаяся выше семантическая отнесенность делимитативного значения ко всему глагольному предикату может, по-видимому, в некоторых случаях проявляться и на морфосинтаксическом уровне⁷⁴.

В спонтанной разговорной речи⁷⁵ можно зафиксировать примеры, в которых делимитативный префикс *по-* демонстрирует большую синтагматическую свободу, чем можно ожидать от аффикса.

Во-первых, обнаруживаются случаи, где показатель *по-* оформляет сразу несколько (обычно две) глагольных словоформ, образующих глагольную серию.

(72) *Дело в том, что бегут не на том, что ты **поел/пил** перед стартом, а на том, что ты «накопил» в себе в течение нескольких дней, например, последние 3–4 дня* [<http://www.42km.ru/f&t173/p5>].

(73) *...Впасть в приятное забытие, выпить «крепкой» и «не очень»[,] **походить-бродить** по лесным полянкам и озерам, не далее как сегодня приснилось мне все это* [blogs.mail.ru/mail/m.kazanin].

(74) *<...> а у меня сын еще с пузатого периода — пиха, от слова пихаться, а суйас [сейчас(?)] **пыхтыш-кряхтыш**, так как любим **попыхтеть/кряхтеть*** [<http://conf.7ya.ru/fulltext-thread.aspx?cnf=Care&trd=170915>].

Исключение составляют серии с глаголами, обозначающими близкие действия; одним делимитативным показателем часто оформляются также серии с глаголами, представляющими собой векторные (реверсивные) антонимы, то есть обозначающими противоположно направленные действия.

⁷⁴ Ср. также формальный анализ, предполагающий, что делимитативное *по-* и остальные «внешние» префиксы всегда синтаксически «присоединяются» к глагольной группе целиком: Татевосов 2009: 113–116 et passim.

⁷⁵ Речь далее идет в первую очередь о письменной спонтанной разговорной речи в сети Интернет. К сожалению, нам пока не удалось найти аналогичные примеры в корпусах устной речи. Тем не менее, согласно интуиции авторов, порождение высказываний, подобных приводимым далее, вполне возможно и в устной спонтанной разговорной речи.

(75) Попробуйте на мониторе поувеличивать-уменьшать фото и посмотреть как меняется восприятие фотографии [http://stereo-ru.livejournal.com/177166.html].

(76) Что делать? покрутил пособира-разбирал... вспомнил про проверку силы удара бойков — тут где-то прочитал... А гильзы то нет [http://talks.guns.ru/forum_light_message/1/285993-m6400409.html].

(Еще около 20 аналогичных примеров в поисковой системе Яндекс по запросам «пособира-разбирал» и «пособирать-разбирать».)

(77) Но, наверное, многие мамочки с первенцем в куклы поиграть хотят, поодевать-раздевать [wap.medholland.borda.ru/?1-0-0-00000079-000-200-0].

(78) С сигналки пытаюсь открыть Мерса — нифига, даже фигнюшки не поднимаются. Пару раз пооткрывал-закрывал — о чудо, поднялись, но замок не открывается, дергаю за ручку — закрыто [http://www.bmwclubrussia.ru/social/forum/forum226/topic20360/].

Также был обнаружен один пример с серией из четырех глаголов (его, как представляется, имеет смысл рассматривать уже как факт языковой игры).

(79) Так мною любимые одиночество и покой тут труднодоступны, вот добрый человек сегодня угостил возможностью посидеть-лежать-читать-спать у него в квартире в его отсутствие, но каждый из нас бережет свое одиночество и долго мне тут радоваться не придется [mendy.ru/?p=68057].

Во-вторых, можно обнаружить случаи, где показатель по- присоединяется к глагольной группе слева от показателя отрицания не⁷⁶.

(80) Наоборот, бдеть по ночам поболее хочется. Хотя, я тоже «поленившись» — полежать, поспать, ничего по-неделать склонна [http://www.eka-mama.ru/forum/part10/topic3002/].

(81) <...> появившись на работе, занялся привычной утренней рутиной: разгрести почту, попить кофе и ничего понеделать [http://www.liveinternet.ru/users/pavel_admin/post178508458/].

⁷⁶ По-видимому, такое расположение показателей всегда иконически отражает вложенность *не* в семантическую сферу действия делимитативного показателя (ср. раздел 3.2).

(82) Стоило понеприходить в конфу пару месяцефф — так и позабыли все [<http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=101974&page=4>].

(83) Только я отходчивая и могу все простить за меньше, чем час. Меня это огорчает, потому что хочется позлится, поныть, пообижаться, понезвонить и помолчать. Но у меня так не получается [<http://blogs.mail.ru/mail/www.lena.ru.94>].

Были также найдены случаи, где делимитативный показатель оказывался левее даже отрицательного местоимения *ничего*.

(84) А всего-то для этого надо было в пятницу выключиться уснуть в 9 вечера, проснуться в субботу в полдень, позавтракать пообедать, принять ванну, посмотреть фильм, поничего-не-делать, потом посмотреть еще один фильм и, собственно, опять вырубится уснуть (еще и 11 не было) до половины 10го утра [<http://quietude-bia.dreamwidth.org/57085.html>].

Авторы отдают себе полный отчет, что рассмотренные случаи крайне маргинальны, что они находятся, несомненно, за гранью нормы — и на самой грани грамматичности. Тем не менее сам факт возможности подобных окказиональных употреблений заслуживает внимания и демонстрирует нетривиальные линейно-синтагматические свойства показателя *по-*.

В свете наблюдаемых фактов представляется правомерным анализ морфемы *по-* как форманта⁷⁷. Делимитативный показатель *по-* отвечает свойствам формантов, приводимым в работе В. А. Плунгяна [Плунгян 2000/2010: 33–34], за исключением транскатегориальности⁷⁸. Так, в нем отсутствует семантическая связанность (идиоматичность)⁷⁹ и фонетическая связанность (чередования на стыках), что соответствует признакам аддитивности и аг-

⁷⁷ В понимании В. А. Плунгяна [Плунгян 2000/2010: 32–35] — «максимально свободная связанная морфема»; тип морфем, занимающий на линейно-синтагматическом континууме позицию на один шаг ближе к автономным словоформам, чем типичный аффикс.

⁷⁸ Впрочем, отметим в качестве интересной параллели делимитативному *по-* префикс со значением «умеренной степени проявления признака» при формах сравнительной степени прилагательных и наречий: *побледнее, послабее, погорячее* (ср.: Русская грамматика: 308 (§702), 565 (§1350)).

⁷⁹ Если не считать, что формальная отнесенность делимитативных предикатов к СВ будет предполагать кумуляцию в показателе *по-* значения СВ с делимитативным значением.

глютинативности. (В данной работе обсуждается также признак «экстернализованности» [Плунгян 2000/2010: 26–27, 33–34], однако он, по-видимому, релевантен только для собственно деривационных морфем.)

Наконец, делимитативный показатель не обладает и (полной) синтаксической связанностью, — как было показано выше, он способен оформлять не только отдельные словоформы, но также (в некоторых случаях) и группы словоформ⁸⁰.

Интересна также и продемонстрированная выше возможность присоединения показателя *по-* левее показателя отрицания *не*, поскольку последний сам по себе является в русском языке одним из наиболее типичных формантов [Плунгян 2000/2010: 34].

4. Выводы

В статье была произведена попытка дать определение семантическому типу «лимитатив» (раздел 1) и рассмотрены некоторые особенности «делимитативной» деривации в русском языке (разделы 2 и 3).

В качестве реализаций семантического типа «лимитатив» можно рассматривать «делимитативное» и «пердуративное» значения в русском языке (*посидел, просидел*), «дуративные» употребления предикатов НСВ в русском языке (*сидел два часа*), а также употребления показателей непрогрессива в английском языке и аориста во французском языке с неопределёнными глаголами и/или с обстоятельствами длительности (англ. *read (for three hours)*, фр. *a lu (pendant trois heures)* ‘(по)читал три часа’).

Для семантики лимитатива представляется удачным анализ с использованием понятий «времени ситуации», «времени ассерции» и — одновременно — «времени отсчета». Можно показать, что фазовый компонент прекращения ситуации не является общим для (предположительно) лимитативных показателей; общими для них оказываются собственно аспектуальный и таксисный компоненты.

⁸⁰ В целом «групповые» показатели, способные оформлять не только отдельную словоформу, но и группу словоформ, наиболее характерны для агглютинативных языков (хрестоматийным примером является показатель множественного числа *-lar* в турецком языке). Тем не менее присутствуют они (на периферии системы) и в языках неагглютинативных — например, суффикс наречия *-mente* в испанском: *clara y precisamente* ‘ясно и точно’ [Плунгян 2000/2010: 34].

Следуя такому анализу, мы приходим к следующему определению: 'на протяжении (неточечного) времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации (/ ситуация осмысливается как неопредельная); время ассерции не пересекается с временем отсчета'.

Лимитативное значение в целом совместимо с предельными (соотнесенными с пределом) предикатами. При этом возможна трактовка аспектуальной составляющей лимитативного значения как выполняющей «вторично-аспектуальную» функцию акциональной реинтерпретации любого предиката как неопредельного.

Семантической «основой» делимитативного значения в русском языке можно считать семантику лимитатива, дополненную фазовым компонентом прекращения ситуации: 'на протяжении (неточечного) времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации (/ ситуация осмысливается как неопредельная); на протяжении времени ассерции ситуация прекращается; время ассерции не пересекается с временем отсчета'.

Делимитативные предикаты могут реферировать как к единичным, так и к множественным ситуациям; при этом можно утверждать, что количественная интерпретация «наследуется» от мотивирующей основы НСВ (и релевантных зависимых глагола).

Из определения основной части русского делимитативного значения можно вывести некоторые общие сочетаемостные ограничения. Это невозможность делимитативной деривации (при единичной интерпретации) от моментативных глаголов (*находить*, *приходить*) и глаголов, обозначающих «непрерываемые» ситуации (*смеркаться*, *расстреливать пленного*).

Для делимитативной деривации также можно говорить об ограничении на ситуации, имеющие однозначно не локализуемые временные границы (*знать*, *постоянно курить*) — при этом представляется некорректным объяснение подобных случаев через противопоставление прототипических процессов и состояний (последние, в случае локализуемости их границ во времени, допускают делимитативную деривацию: *Вино постоянно в холодильнике и потеряло вкус*). Существуют ограничения на возможность делимитативной деривации от «градационных» глаголов (*увеличивать(ся)*, *бледнеть*) и глаголов направленного движения (*идти*, *плыть*). Можно говорить о несовместимости делимитативного значения с аномально длительными ситуациями (???*Петя долгое время поспал*).

В качестве дополнительного общего ограничения на возможность делимитативной деривации можно постулировать (вслед за К.Л.Киселевой и С.Г.Татевосовым) требование внутренней причинной и временной упорядоченности («внутренней гомогенности»). Можно также предложить еще более абстрактное общее требование внутренней «ненацеленности» ситуации, объединяющее «внутреннюю гомогенность» с отсутствием интенции участника или внутренней тенденции достичь естественного предела (что могло бы объяснить ограничение на градационные глаголы, которое может быть связано с оценочными компонентами краткости и смежными компонентами, с фазовым компонентом прекращения ситуации), а также с пространственной ненаправленностью (что могло бы объяснить ограничение на глаголы направленного движения).

В составе делимитативного значения в русском языке можно выделить также ряд непостоянных оценочных компонентов: «бревиативность» (краткость) / аттенуативность / пейоративность. Эти компоненты являются довольно неустойчивыми. Их наличие или отсутствие может зависеть от поддержки контекста, а также от частотности делимитативного глагола (*почихать* << *погулять*).

Также в составе русского делимитативного значения можно выделить компонент перфектности: ‘в момент речи ситуация имеет текущую релевантность’ (*Хорошо погуляли; Посидел на сквозняке и теперь болею*). Можно утверждать, что в речевом режиме делимитативные предикаты в формах прошедшего времени всегда имеют перфектную интерпретацию (за исключением нерематических употреблений).

Делимитативная деривация в русском языке демонстрирует свойства, противоречащие однозначному ее отнесению к словообразовательным, а не к грамматическим явлениям. Практически абсолютная продуктивность, семантическая и морфологическая регулярность, (частичная) «систематичность» употребления и «грамматичность» семантики указывают на принадлежность делимитативной деривации к явлениям скорее грамматическим, чем словообразовательным. В грамматической системе русского языка делимитативному значению можно присвоить статус квазиграмеммы.

Для делимитативного показателя *по-* характерно, что его семантическая сфера может распространяться не только на саму гла-

гольную основу, но и на (некоторые) зависимые глагольной словоформы (*повыдавать открепительные / *книгу*). Также показатель *по-* может включать в сферу действия показатель отрицания *не* (*Не покурил пару дней* ‘по[не[курил]] пару дней’).

Делимитативный показатель *по-* демонстрирует в некоторых случаях бóльшую синтагматическую свободу, чем типичные аффиксы: в спонтанной разговорной речи возможно оформление одним делимитативным показателем серии из двух глаголов (*пооткрывал-закрывал*) и присоединение показателя *по-* слева от показателя отрицания *не* (*понеприходиться, понезвонить*). С точки зрения линейно-синтагматического статуса делимитативный показатель *по-* можно отнести к формантам.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов // Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: «Языки славянских культур», 2009. С. 27–57.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Горбова 2009 — Е. В. Горбова. Непредельные глаголы в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 5. С. 3–12.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Ландер 2003 — Ю. А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. М.: Индрик, 2003. С. 300–312.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский (ред.). Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Малов, Горбова 2008 — Е. М. Малов, Е. В. Горбова. Делимитативная и пердуративная деривация как показатель акциональной характеристики русских непроизводных глаголов / Фрагмент отчета по гранту НТП Развитие научного потенциала высшей школы “Исследование языковой компетенции и “языкового самоощущения” различных слоев российского общества” № 2.13.5037 за 1-ую половину 2008 г. (<http://www.genlingnw.ru/Staff/Gorbova/delimit.pdf>)
- Маслов 1948/2004 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР. Серия литературы

- и языка. Т. 7. 1948. С. 303–316; Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 71–90.
- Мелиг 2008 — Х. Р. Мелиг. Взаимодействие между видом и «накопителями» в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 562–593.
- Петрухина 2000/2012 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во МГУ, 2000; 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Падучева 1996/2011 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996; 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46–57.
- Плунгян 2000/2010 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000; 3-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, выпуск 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Плунгян 2011b — В. А. Плунгян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Vol. 57 (2). Рр. 290–309.
- Русская грамматика — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1980.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–140.
- Татевосов 2009 — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. А. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 92–157
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Черткова 1996 — М. Ю. Черткова. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Чуйкова 2012 — О. Ю. Чуйкова. Вариативность оформления прямого дополнения при русском глаголе. Дипломная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2012.

- Шелякин 1987/2007 — М. А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. М.: КомКнига, 2007. С. 63–85.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005.
- Babko-Malaya 1999 — О. Babko-Malaya. Zero morphology: A study of aspect, argument structure, and case. Ph.D. dissertation. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University, 1999.
- Bertinetto, Squartini 1995 — P. M. Bertinetto, M. Squartini. An attempt at defining the class of 'gradual completion' verbs // P. M. Bertinetto, V. Bianchi, J. Higginbotham, M. Squartini (eds.). Temporal reference, aspect and actionality. 1. Semantic and Syntactic Perspectives. Torino: Rosenberg and Sellier, 1995. Pp. 11–26.
- Carlson 1977 — G. Carlson. Reference to Kinds in English. Ph.D. Dissertation. Amherst, University of Massachusetts, 1977.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology, 20: EUROTYPE, Vol. 6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 3–25.
- Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology, 20: EUROTYPE, Vol. 6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 385–401.
- Declerck 1979 — R. Declerck. Aspect and the bounded / unbounded (telic / atelic) distinction // Linguistics. 17. 1979. Pp. 761–794.
- Depraetere 1995 — I. Depraetere. The effect of temporal adverbials on (a)telicity and (un)boundedness // P. M. Bertinetto, V. Bianchi, J. Higginbotham, M. Squartini (eds.). Temporal Reference Aspect and Actionality. 1. Semantic and Syntactic Perspectives. Torino: Rosenberg and Sellier, 1995. Pp. 43–53.
- Dickey 2006 — S. M. Dickey. Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian // Glossos. Issue 7. Spring 2006. (<http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>)
- Dickey, Hutcheson 2003 — S. Dickey, J. Hutcheson. Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). American Contributions to the 13th International Congress of Slavists. Vol. 1. Columbus, Ohio: Slavica. Pp. 23–36.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. V. 67. Pt. 3. Pp. 547–619.
- Kisseleva, Tatevosov Ms. — X. Kisseleva, S. Tatevosov. Ordered activities and semantics of the delimitative / Handout of the presentation at The Sixth Annual

- Meeting of the Slavic Linguistics Society. L'Université de Provence, September 1–3, 2011. Ms. (http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/kiseleva_tatevosov_presentation.pdf)
- Klein 1994 — *W. Klein*. Time in Language. London, New York: Routledge, 1994.
- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch et al. (eds.) *Semantics and Contextual Expressions*. Dordrecht: Foris, 1989. Pp. 75–115.
- Mehlig 1994 — *H. R. Mehlig*. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке // *Revue des études slaves*. T. 66. F. 3. 1994. Pp. 585–606.
- Tatevosov 2002 — *S. G. Tatevosov*. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. No. 3. Pp. 317–401. (<http://www.dilbilim.info/doktora/Belgeler/Actionality.pdf>).
- Vendler 1967 — *Z. Vendler*. Verbs and times // *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967. Pp. 97–121.

В. П. Берков

О СЕМЬЕ МАСЛОВЫХ*

Супружеская пара преподавателей в одном вузе — явление, в общем, не очень частое. Супружеская пара выдающихся преподавателей — явление, видимо, весьма редкое. В этой заметке будет сделана попытка рассказать о такой чете, которая бесспорно внесла значительный вклад в отечественную филологическую науку и оставила по себе самую добрую славу, — о Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и Юрии Сергеевиче Маслове.

За некоторое время до написания этой заметки автору ее пришла мысль о том, что следовало бы издать сборник статей под условным названием «Академики Ленинградского / Санкт-Петербургского университета без академического титула», т. е. о тех наиболее ярких и значительных преподавателях нашего факультета — в первую очередь ушедших из жизни профессорах и доцентах, — которые не были удостоены титулов действительного члена или члена-корреспондента Академии наук (по крайней мере, в СССР/России), но которые по своей научной значимости не только не уступали академикам, но по большому (либо, если угодно, «гамбургскому») счету намного превосходили многих из тех, кто эти титулы имел. Среди таких «академиков без академического титула» достаточно назвать, к примеру, профессоров М. И. Стеблин-Каменского и Ю. С. Маслова. Не зная, представится ли ему другая возможность немного рассказать о Ю. С. Маслове, автор предпочел неясной перспективе в будущем возможность написать о нем сейчас, в связи с рассказом о его жене — С. С. Масловой-Лашанской.

В этой заметке не будет подробных и систематических сведений об их биографиях и научных трудах — это уже сделано. Хотелось

* Впервые напечатано: Скандинавская филология. Scandinavica. К 90-летию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской. СПб., 2006.

бы рассказать о них как о людях. В этом есть и особый смысл. Вузовские преподаватели такого типа оказывают большое влияние на слушателей как личности своими колоссальными знаниями, строгой логикой изложения, уважением к слушателю и желанием доступно изложить сложные, а порой и сложнейшие вопросы, своей увлеченностью предметом. Конечно, студенты бывают разные — это тривиально (подсчитано, что лишь 10% человечества делает свое дело — какое бы оно ни было — хорошо), но действительно хорошие студенты сохраняют о таких преподавателях память на всю жизнь.

Сарра Семеновна, будучи доктором филологических наук, не получила звания профессора и до конца своих дней оставалась доцентом, хотя она читала множество теоретических курсов, которые обычно ведут профессора, причем профессора старого, к сожалению, уходящего типа, которые (речь идет, естественно, о филологах) преподавали и теоретическую грамматику, и историю языка (с семинарами по различным его периодам), и лексикологию, и теоретическую фонетику и т.д., — все это на самом высоком уровне. Это объясняется как замечательными личными чертами Сарры Семеновны, так и той превосходной филологической школой, которую она прошла в стенах филологического факультета Ленинградского Университета. А школа эта была выдающейся. Покойный профессор Е.Г.Эткинд, который был вынужден покинуть тогдашний Советский Союз и до конца жизни работал в Париже, незадолго до смерти писал, что познакомился с преподаванием филологии в десятках зарубежных университетов, но лучше всего она преподавалась в стенах филологического факультета Ленинградского университета до войны (когда сам Е.Г.Эткинд там учился).

Разумеется, Сарра Семеновна руководила аспирантами, и многие ее ученики защитили диссертации. О руководстве дипломными и курсовыми работами говорить нет необходимости. При значительной педагогической нагрузке Сарра Семеновна вела большую научную работу. Ее перу принадлежат и монографии, и значительное число статей. Она принимала активное участие в создании русско-шведского словаря. Следует отметить, что в этом словаре есть новые, оригинальные лексикографические решения, и все они были разработаны Саррой Семеновной.

Говоря о научной работе Сарры Семеновны, хотелось бы привести штрих, который характеризует на редкость дружную чету Мас-

ловых. Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич работали дома за двумя письменными столами, составленными вместе таким образом, что супруги сидели друг напротив друга. Можно с уверенностью полагать, что они часто советовались друг с другом.

Они полюбили друг друга еще перед войной, будучи аспирантами (а может быть, еще студентами). По рассказам, они были трогательной парой. Это нежное отношение друг к другу Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич пронесли через всю жизнь.

Переходя к личным чертам Сарры Семеновны, оказываешься в затруднении — какую из них следует поставить на первое место. Все эти черты представляют собою единое, органичное целое, неповторимый ее облик. Но все же, пожалуй, прежде всего следует назвать ее исключительную порядочность. Автор этих строк, как, наверное, и все те его коллеги, кто работал вместе с Саррой Семеновной, называли ее про себя совестью нашей кафедры. В сложных ситуациях, неизбежно возникающих в коллективе, она всегда предлагала продуманное здравое и справедливое решение. Думается, у нее никогда не было повода краснеть за свои поступки или высказывания. Ее отличало обостренное чувство долга. Это проявлялось во всем — не только в отношении к своим педагогическим обязанностям, но и к общественной работе. А общественной работой она занималась много. Во время войны, находясь в рядах Советской Армии, Сарра Семеновна, как и очень многие, вступила в партию. Вполне естественно, что на факультете ей давали различные партийные поручения. Не берусь перечислять все эти поручения и приведу один небольшой, теперь уже экзотический пример. Когда вышла книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (кажется, так она называлась), преподаватели высшей школы обязаны были всю ее законспектировать. Сарре Семеновне партбюро поручило проверить конспекты сотрудников кафедры. С того времени прошло более полувека, но до сих пор помню то неловкое чувство, когда Сарра Семеновна, внимательно прочитавшая мой конспект, подробно рассказывала о своих замечаниях. Боже, думалось, чем приходится заниматься такому человеку! А таких конспектов ведь было немало, и это было отнюдь не единственное ее партийное поручение.

Еще один частный пример того, как Сарра Семеновна относилась к своему долгу. 30 декабря 1985 г. под самый Новый год, было назначено заседание ученого совета филологического факультета

по защите кандидатских диссертаций. Конечно, ожидалось, что будут проблемы с кворумом. Сарра Семеновна незадолго перед этим перенесла тяжелую травму, но, понимая возможные трудности совета, с забинтованной рукой пришла на заседание.

Она была очень скромным человеком, причем, так сказать, органически скромным, т. е. это была естественная черта ее личности. Для Сарры Семеновны были характерны неизменная доброжелательность и желание помочь человеку, будь то студент младших курсов или коллега-преподаватель. Она занималась со студентами, у которых не ладилось с тем или иным предметом, после занятий, в свое свободное время. Очень часто давала студентам свои собственные книги и словари. Дарила она книги и своим коллегам. У автора этой заметки хранится несколько книг по древнескандинавской культуре, которые ему подарила Сарра Семеновна со словами: «Они вам нужнее, чем мне».

Как и у очень многих людей, жизненный путь Сарры Семеновны не был усыпан розами. Однако удар, который супругам Масловым пришлось пережить на склоне лет, — гибель сына Сергея — был самым тяжелым. Они тяжело перенесли этот удар, но держались мужественно.

И под конец рассказа о Сарре Семеновне еще один момент из категории тех, о которых не очень принято говорить. Она как-то рассказала мне, что, когда она назвала свое имя-отчество водопроводчику, тот ответил: «А я думал, что Сарры только в анекдотах бывают». И действительно, очень многие по паспорту Сарры называют себя иначе (например, Софьями). Для Сарры Семеновны это было неприемлемо. В этом, разумеется, не было ничего националистического. Национализм был ей абсолютно чужд. Просто она, видимо, считала, что замена своего имени — акт нечестный, желание приспособиться, сделать свою жизнь хотя бы отчасти комфортнее.

Увы, мы живем во то время, когда перечисленные выше черты замечательного человека Сарры Семеновны Масловой-Лашанской — глубочайшая порядочность, обостренное чувство долга, органическая скромность, активная доброжелательность и т. д. не являются, скажем мягко, широко распространенными в обществе. Утешением может быть надежда на то, что такие люди, как Сарра Семеновна, своей личностью делают тех, кого с ними сводит судьба — особенно младшее поколение, лучше, честнее, терпимее.

Начать краткий рассказ о Юрии Сергеевиче Маслове естественно с того, что он был лингвистом Божьей милостью. Во всех тех областях, в которых он трудился, он был Мастером в булгаковском смысле этого слова. Центральными областями его занятий, как известно, были аспектология, болгаристика и теория языкознания.

Как аспектолог он входил в число выдающихся теоретиков мира. Возможно, был лучшим из них. Его замечательная грамматика болгарского языка, вышедшая у нас двумя изданиями, была переведена на болгарский язык, что также говорит о многом.

Автору этой заметки довелось ознакомиться со многими учебниками по введению в языкознание на разных языках. На мой взгляд, учебник Юрия Сергеевича «Введение в языкознание» является лучшим из всех них. Юрий Сергеевич был прежде всего грамматистом, но все части этого учебника написаны на таком высоком уровне, словно он был специалистом и по фонетике и фонологии, и по лексикологии, и по типологии. Для создания этого учебника автор освоил колоссальную литературу в различных областях языкознания. Не случайно этот учебник используется и аспирантами, и преподавателями. Вместе с тем он вполне доступен студентам 1 курса, на котором читается этот предмет. Правда, студентам серьезным. Представляется, что некоторые сложности в учебнике объясняются научной честностью автора: ради облегчения работы он не мог допустить упрощений, противоречащих истине.

Как сказано выше, по своему вкладу в науку Ю. С. Маслов бесспорно заслуживал избрания в Академию наук. Юрий Сергеевич успел сделать в науке очень много. Но он, несомненно, успел бы сделать больше, если бы общественная работа не отнимала у него много времени. Например, как член партии (он вступил в нее в армии во время войны) он неоднократно избирался членом факультетского партбюро, а оно подолгу заседало каждый понедельник. Разумеется, ему давались различные другие поручения. Так, он руководил — и прекрасно руководил — факультетским философским семинаром (впоследствии, если память мне не изменяет, семинар стал называться методологическим). В сумме все это составило сотни, если не тысячи часов.

Как настоящий профессор, он читал множество курсов. Трудно выделить здесь основные, но, пожалуй, стоит особо отметить «Введение в языкознание» (этот курс лежит в основе его замечательного учебника) и «Историю лингвистических учений». Трудно предста-

вить себе, какого колоссального труда стоила их подготовка. До заведования кафедрой общего языкознания он заведовал кафедрой славянской филологии, где читал ряд курсов по славистике, в том числе, естественно, и по болгаристике.

При всей своей огромной эрудиции Юрий Сергеевич внимательно следил за специальной литературой. В частности, он регулярно посещал выставки новых поступлений в библиотеках БАН и университетской

Характеризуя Юрия Сергеевича как человека, следует выделить те же черты, которые были свойственны его жене, Сарре Семеновне Масловой-Лашанской, и о которых говорилось выше. Это и глубочайшая порядочность, и обостренное чувство долга, и неизменная доброжелательность. Сын русского интеллигента, киевского профессора Сергея Ивановича Маслова, Юрий Сергеевич сам был истинным русским интеллигентом в старом смысле этого слова.

Юрий Сергеевич был человеком мягким и деликатным. От него нельзя было услышать резких и обидных характеристик. Вместе с тем его отличала глубокая принципиальность. Например, экзамены он принимал неизменно доброжелательно, но строго. Он был очень требователен к себе, не прощал себе даже мелких ошибок. Один маленький пример, поразивший меня в свое время. Готовясь читать курс по введению в языкознание (по приглашению Юрия Сергеевича), я ходил к нему на лекции и семинары. Как-то раз он допустил на лекции незначительную неточность, скорее просто оговорку. После лекции он подошел ко мне и выразил сожаление по поводу этой оговорки — в общем-то, как сказано, пустяковой. Такая щепетильность была отличительной чертой супругов Масловых.

О щепетильности Юрия Сергеевича свидетельствует и следующий факт. В предисловии ко 2-му изданию своего учебника «Введение в языкознание» (1987) он выражает благодарность «всем лицам, которые... в печатных рецензиях, в письмах или в устной форме существенно способствовали улучшению книги». Список таких лиц насчитывает более 20 фамилий. С удивлением и чувством неловкости я обнаружил среди этих фамилий и свою: на мой взгляд, сделанное мной замечание (не считая исправления нескольких опечаток) вовсе не заслуживало включения моей фамилии в этот почетный список.

При всей своей мягкости Юрий Сергеевич был человеком большого мужества. Выше уже говорилось, что сын Масловых, Сергей

Юрьевич, талантливый математик, погиб при невыясненных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Этот удар судьбы супруги перенесли на редкость стойко. Будучи смертельно больным, Юрий Сергеевич до самой кончины держался мужественно.

Юрий Сергеевич всегда был готов выручить, прийти на помощь. Например, если он и коллега принимали экзамены параллельно и у коллеги еще оставались экзаменуемые, он приходил к нему в аудиторию и помогал довести экзамен до конца. Еще один небольшой пример активной доброжелательности Юрия Сергеевича. Как-то, когда в городе исчез из продажи боржоми (а мне было предписано его пить), Юрий Сергеевич принес мне на факультет две бутылки в портфеле и передал их со словами: «Мы с Саррой Семеновной решили поделиться с Вами своими четырьмя бутылками».

Он был наделен превосходным чувством юмора, но никогда не злоупотреблял им, и остроумные шутки его всегда были мягкими и необходимыми.

Не все знали, что Юрий Сергеевич был прекрасным автомобилистом. Свою «Волгу» он водил уверенно и даже не без некоторой лихости. Однажды он предложил одному пожилому факультетскому коллеге подвезти его в Комарово, куда направлялся сам. За городом он развил такую скорость, что коллега забеспокоился. «Не волнуйтесь,— сказал Юрий Сергеевич — я на таких трассах езжу со скоростью не более 100–110 километров в час». Сам процесс вождения машины доставлял ему удовольствие.

Я знал Масловых со студенческих лет. Помню и Сарру Семеновну, и Юрия Сергеевича еще в военной форме — многие демобилизовавшиеся в тяжелые первые послевоенные годы донашивали ее (например, Л. Р. Зиндер ходил некоторое время в университет в военно-морском кителе). Впоследствии множество раз бывал в их гостеприимном доме. Так получилось, что мы особенно близко сдружились после трагической гибели их сына. Звучит это, может быть, странно. Дело в том, что, вернувшись в Ленинград с юга, я с запозданием узнал об этой трагедии в их семье. Долго колебался: звонить или не звонить. Думал, что соболезнования вряд ли Масловым нужны, а лишнее напоминание о случившемся может причинить им дополнительную боль. Все же решил позвонить, и это оказалось правильным. Им нужна была также практическая помощь. Тогда Сарра Семеновна сказала мне с горечью: «Мы работаем на факультете не один десяток лет, а ведь вы единственный,

кто позвонил нам». Это к тому, что мы часто напрасно стесняемся выразить соболезнование: в таких ситуациях людям очень нужна поддержка, теплота других людей.

В моей библиотеке к числу самых ценных книг с посвящениями, наряду с книгами М. И. Стеблин-Каменского, относится упомянутое 2-е издание «Введения в языкознание» с надписью Юрия Сергеевича: «Дорогому Валерию Павловичу Беркову с искренней дружбой...».

Говоря о супругах Масловых, необходимо сказать несколько слов и о третьем члене этой семьи — старшей сестре Сарры Семеновны, Марии Семеновне Лев, которая жила вместе с ними. Несколько десятков лет Мария Семеновна проработала на филологическом факультете Ленинградского университета секретарем деканата.

Мария Семеновна была уникальным секретарем. Она обладала совершенно фантастической памятью: знала по имени-отчеству не только всех работающих преподавателей, но и тех, кто работал ранее. Помнила всех аспирантов, да и очень многих студентов.

Никто не умел составлять расписание занятий, как она. Все знают, что труд этот крайне сложен: нужно держать в голове множество самых разных параметров. Она составляла расписание блестяще. Как и Сарра Семеновна, и Юрий Сергеевич, она была очень доброжелательна.

Марию Семеновну с неизменной теплотой вспоминают представители старшего поколения сотрудников и выпускников филологического факультета нашего университета.

Выйдя на пенсию, она всецело посвятила себя обеспечению быта Юрия Сергеевича и Сарры Семеновны. Этой замечательной семье не стало в течение месяца — в августе-сентябре 1990 г. умер от неизлечимой болезни Юрий Сергеевич, через две недели скончалась Сарра Семеновна, а еще через две недели ушла из жизни Мария Семеновна. Едва ли смерть сестер после кончины Юрия Сергеевича случайна: видимо, жизнь потеряла для них смысл.

Так закрылась еще одна яркая страница истории филологического факультета ЛГУ/СПбГУ.

ВСЕГДА С БЛАГОЖЕЛАНИЕМ

Я приступаю к нелегкой задаче — написанию очерка о Юрии Сергеевиче Маслове. Я не буду повторять того, что я уже говорил о своем отношении к мемуарам¹. Скажу только, что не буду писать о том, свидетелем чему сам не был. Не буду писать понаслышке и тем более по параграфам официальных документов.

1954 год. Осень. Ленинград. Филологический факультет на Университетской набережной. Второй этаж. Актный зал. Аудитория №31 (в 2011-м году — №191). Сцена. На сцене — трибуна. На трибуне — лектор, молодежавый, плотный, темноволосый, несколько нараспев читает очередную лекцию по курсу «Введение в языкознание». Это Юрий Сергеевич Маслов (далее — Ю. С.). Студенты-первокурсники — и филологи, и журналисты — все вместе, и я среди них.

Лекции Ю. С. тех лет были мало похожи на тот его учебник, который был опубликован 20 лет спустя в 1975 году и о котором — ниже.

Шел 1954 год. Совсем недавно ушел в прошлое год 1953-й. Только что умер Сталин. Только что вернулся на факультет и стал деканом Б. А. Ларин. Со всех сторон в Ленинград стекаются жертвы «общественных» послевоенных дискуссий по языкознанию, литературе, истории, философии, биологии, музыке. Сверху на всем и везде еще лежала широкая, распластанная по всем гуманитарным наукам тень от дискуссии 1950 г., от работы Сталина «Относительно марксизма в языкознании». И мы все, первокурсники, старатель-

¹ См.: Герд А. С. 1) Межкафедральный словарный кабинет Ленинградского университета и кафедры русского языка (1968–1973) // Межкафедральный словарный кабинет / под ред. А. С. Герда и Е. В. Пурицкой. СПб., 2010; 2) Навстречу ветру // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004.

но заучивали, чем базис отличается от надстройки и почему язык не надстройка, в чем была вина Поля Лафарга, почему Н. Я. Марр хотел быть, но не сумел стать марксистом, что такое араксеевский режим в языкознании. Заучивали ответы Сталина не известным никому товарищам (Белкину, Фуреру, Холопову), где уже в более суровых и четких эпитетах давалась оценка трудов Марра.

Насколько сегодня наши студенты совсем другие — говорит простой мелкий случай. Читаю спецкурс «История советского языкознания», там есть тема «Марр, марризм и дискуссия по вопросам языкознания 1950 года». Студентка спрашивает: «А почему же Сталину никто не сказал, что это неправильно и спорно?» (No comment.)

Учебник Маслова «Введение в языкознание», который вышел уже в 1975 г., вообрал в себя итоги всех его раздумий, лекций и спецкурсов, которые Ю. С. читал по морфологии и по структуре слова и которые я, как и А. В. Бондарко, В. Климонов, Л. Л. Буланин, Е. А. Белоусова и другие слушали в 1960–70-е годы у Ю. С. в маленькой аудитории кафедры общего языкознания, напротив Межкафедрального словарного кабинета (МСК).

Случилось так, что когда в 1961 г. был образован МСК, то по ряду организационных причин все первые аспиранты Б. А. Ларина по МСК и двое первых младших научных сотрудников МСК (О. И. Трофимкина и я) были зачислены по кафедре общего языкознания. Ю. С. относился к Б. А. Ларину с большим почтением, уважением и пониманием его замыслов. Б. А. Ларин, в свою очередь, всегда тепло и уважительно отзывался о Ю. С. как о слависте и германисте.

Ю. С. был спокоен, нетороплив, мягок и деликатен в обращении. Но ему, как и Л. Р. Зиндеру, была присуща внутренняя последовательная принципиальность, просто у Л. Р. Зиндера она была вербально выражена четче, прямее и порой острее. Впервые на моих глазах Ю. С. проявил свою тихую и определенную принципиальность в деле Л. Н. Засориной.

В 1973 году Л. Н. Засорина была не рекомендована к переизбранию на очередной срок на должность заведующего кафедрой математической лингвистики. Как член КПСС, она обратилась в самые различные инстанции с обжалованием этого решения. В университете, на факультете была создана специальная комиссия по рассмотрению этого дела. В комиссии самое активное участие прини-

мали Л. В. Бондарко, В. Д. Андреев, Л. А. Вербицкая, Ю. В. Ковалев и другие. Комиссия неоднократно заслушивала мнение не только членов самой кафедры, но и Л. Р. Зиндера и Ю. С. Маслова. И здесь Ю. С. последовательно раз за разом поддерживал решение коллектива кафедры и мое лично. Тянулось дело это долго, почти весь 1972/73 учебный год, и, благодаря всем членам комиссии, и в том числе принципиальности Ю. С., решилось оно в пользу кафедры.

Еще в середине 1960-х годов при кафедре была организована группа программированного обучения. В составе группы были два сектора — русский и немецкий. Наиболее значительные результаты были достигнуты именно в немецком секторе, который возглавляла А. Р. Белопольская. Основными сотрудниками сектора были Е. И. Грехова, О. Ф. Нефедова, Е. В. Токарская, работали в нем также В. В. Богданов и А. И. Варшавская. Ю. С. довольно регулярно интересовался, как идут дела у А. Р. Белопольской, заходил на кафедру и тогда уже принял под свою научную опеку Е. И. Грехову. При этом не могу не отметить какое-то особое постоянно благожелательное внимание Ю. С. не только к Е. И. Греховой, но и к В. В. Богданову, к Е. А. Белоусовой, С. Я. Фитиалову и более далекому от его научных интересов В. Д. Буторову.

Характерной чертой Ю. С. было сдержанное отношение ко всем новым научным течениям. Так, когда в конце 1950-х годов на филологическом факультете кипел и бурлил семинар по машинному переводу, руководимый Н. Д. Андреевым, на который кто только со всего города не ходил — от математиков до чистых филологов, не говоря о будущих матлингвистах, Ю. С. спокойно и заинтересованно наблюдал за деятельностью семинара со стороны.

Точно так же Ю. С. не принимал участия в шумных спорах структуралистов 1970-х годов в Москве. Он шел своим путем — путем вдумчивого спокойного проникновения в суть внутренних закономерностей языка как такового, и прежде всего закономерностей в области грамматики. Сочувствуя внутренне всем новым исканиям в лингвистике, Ю. С. воспринимал язык как совершенно самодостаточный самостоятельный феномен и объект научного познания.

Хорошо помню заседания Ученых советов факультета, где в бывшей 12-й (ныне 25-й) аудитории всегда вместе, рядом сидели Л. Р. Зиндер, Ю. С. и Т. В. Строева, постоянно оживлявшая, как и О. К. Васильева-Шведе, ход Совета своими вопросами и репликами.

Я начал этот очерк с курса лекций по введению в языкознание, которые я слушал в 1954/55 учебном году у Ю. С. В 1975 году вышло первое издание его учебника «Введение в языкознание». Двадцать лет Ю. С. медленно, не торопясь, шаг за шагом, от темы к теме, от лекции к лекции, вынашивал этот учебник. Он написан не наспех, не под конкурс, грант или конкретный заказ от спонсора, как это часто делается сегодня, — это книга, возникшая как итог внутренней творческой потребности большого ученого и университетского профессора.

Да, сегодня «Введение в языкознание» Ю. С. Маслова для авторов всех учебников — образец того, каким должно быть основное учебное пособие по общему курсу. В последние годы через мои руки прошел не один вузовский учебник, и я постоянно вижу эти книги, часто написанные наспех, по заказу, перегруженные именами, отсылками, отступлениями и списками статей.

Мне часто возражают: но ведь студент должен знать, сколько сегодня разных мнений по этой проблеме. Должен (да и то не всегда), но смотря откуда. Источником этих новых и спорных мнений может быть спецкурс, спецсеминар, некий параллельный, факультативный курс — но совсем не обязательно учебник по одной из общих основных дисциплин. Никакой и ничей учебник не может заключать в себе все новое, иначе он превратится в проблемную научную монографию. Мастерство опытного лектора, ученого, автора и состоит в том, чтобы просто, четко и ясно подать все уже известное в науке ранее и так же незаметно ввести свое, оригинальное. Учебник Ю. С. Маслова «Введение в языкознание» — это глубокое по содержанию и стройное, гармоничное, изящное по форме строение, высокий идеал для авторов современных учебников.

Е. И. Грехова

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Тысячи филологов слушали лекции Юрия Сергеевича Маслова, еще больше число читателей его книг, и лишь немногим довелось работать рядом с этим замечательным человеком, видаться с ним почти ежедневно на протяжении многих лет. Забыть эти встречи нельзя.

В 1963 г. мы с подругой поступали на отделение математической лингвистики. Документы в приемной комиссии у нас приняла А. С. Штерн (тогда студентка третьего курса), собеседование провел проф. Л. Р. Зиндер, а председателем приемной комиссии был профессор Ю. С. Маслов. К нему-то нам и пришлось идти за помощью, когда в списке зачисленных мы увидели только 9 фамилий, и подруги там не было. И все из-за тройки по физкультуре в школьном аттестате! Выбор из трех претендентов на вакантное место должен был состояться на следующий день. Мы решили побороться и отправились к председателю приемной комиссии. Обмирая от страха, открыли дверь деканата, где за столом сидел красивый моложавый человек с модной стрижкой «ежиком», совсем не похожий на маститого профессора в нашем представлении, и тем более на официальное лицо. «Я вас слушаю», — просто сказал он, и страх как рукой сняло. Нам удалось довольно внятно изложить все доводы в свою защиту, а Юрий Сергеевич, как всегда, не перебивая, внимательно нас выслушал и посоветовал не беспокоиться. Через день подруга была зачислена на факультет.

Проницательность Юрия Сергеевича, его умение разглядеть и оценить достоинства людей, приходить на помощь в трудных обстоятельствах мне не раз приходилось наблюдать. Так было с Е. В. Токарской, которую после расформирования группы программированного обучения он взял лаборантом на кафедру и, за-

метив у нее педагогический дар, поручал ей, лаборанту, ведение семинаров по языкознанию не только в студенческих группах, но и на ФПК. Позднее, преодолев сопротивление администрации, помог оформить соискательство.

Так было и с Л. В. Сахарным, когда в 1975 году тот оказался в Ленинграде без работы. Немало усилий предпринял Юрий Сергеевич, чтобы добиться сначала объявления спецкурса по психолингвистике, потом включения этого курса в программу ФПК. Из года в год он писал представления в администрацию факультета о необходимости привлечь к преподаванию такого уникального специалиста, каким был Леонид Владимирович. В конце концов при поддержке Л. Р. Зиндера и Л. А. Вербицкой, которая возглавляла тогда профбюро, удалось добиться зачисления в штат кафедры ведущего ученого в области психолингвистики.

Я и сама в полной мере испытала участие и заботу Юрия Сергеевича. Например, когда он договорился на факультете русского языка для иностранцев, чтобы мне дали немецкую группу для сбора материала для диссертации. В течение нескольких лет этот «лакомый кусок» нагрузки мне выделяли на философском факультете исключительно из уважения к Юрию Сергеевичу.

Позднее, когда я уже читала введение в языкознание филологам, случилось так, что группа РКИ, где было много прогульщиков и бездельников, нажаловалась своему куратору, будто на моих лекциях они ничего не понимают. Та сказала об этом кому-то из членов кафедры, дошло и до Юрия Сергеевича. Поздно вечером получаю телеграмму: «Срочно позвоните мне». Он предпочел не доверяться пересудам и предупредил о претензиях студентов и недовольстве коллег.

Надо сказать, что заведующий кафедрой бывал на моих лекциях неоднократно и подробнейшим образом обсуждал и недостатки неопытного еще преподавателя, и удачные моменты. Взаимное посещение занятий было делом обычным. Юрий Сергеевич всегда сообщал заранее, к кому и когда он собирается прийти на лекцию или семинар. Он старался незаметно устроиться в дальнем углу аудитории, чтобы не смущать студентов, выходящих к доске, и, пригнувшись к столу, делал заметки. По окончании занятия эти записи тщательнейшим образом обсуждались. Начинал Юрий Сергеевич всегда с того, что получилось удачно, и лишь под конец отмечал допущенные промахи.

Одно такое посещение помню, как будто это было вчера, даже номера задач и уж, конечно, аудиторию. Там было очень холодно, и я стояла у стены, держась за чуть теплую трубу отопления. Вызванная к доске сильная студентка из скандинавской группы бойко и совершенно неожиданно для меня начала излагать абсолютно неверное решение. Я вдруг поняла, что не знаю, как ее поправить. Ужас, охвативший меня, помню до сих пор. Казалось, если бы не труба, выбежала бы из аудитории. К счастью, студенты стали задавать вопросы, и общими усилиями верное решение было найдено. Как ни странно, именно этот момент Юрий Сергеевич отметил как положительный: возникла дискуссия, в которой участвовала вся группа. Он не мог знать, что все произошло случайно, потому что сам искусно создавал на своих занятиях подобные ситуации постоянно.

Практические занятия по введению в языкознание на первом курсе профессор, заведующий кафедрой всегда просил включать в свою нагрузку, считая, как и Л. Р. Зиндер, практикум важнейшей формой филологического образования. Имея за плечами огромный опыт, он тщательно готовился к этим семинарам, внимательно выбирал наиболее показательные задания. Если вдруг просил заместить его, то подробно рассказывал, что было на предыдущем занятии и на какие моменты необходимо обратить внимание, решая новые задачи. Однажды лаборант кафедры Е. В. Токарская позвонила Юрию Сергеевичу вечером домой, чтобы узнать, какие тома словарей приготовить к завтрашнему семинару. В ответ он извинился и сказал, что пока еще не готовился и позвонит позже. В 1987 году вышел задачник Л. Р. Зиндера, в который были включены новые типы задач. Зная, что я хожу на занятия Льва Рафаиловича с матлингвистами, Юрий Сергеевич расспрашивал, как он обсуждает эти задачи с группой, на какие решения выводит студентов.

Юрий Сергеевич побуждал всех вокруг себя работать и учиться и сам постоянно совершенствовал свои учебные курсы. На лекции ФПК по истории лингвистических учений он часто приходил прямо из библиотеки с тонкой ученической тетрадкой, в которой аккуратным бисерным почерком делались выписки для очередного занятия. Дома листы из тетради вынимались и раскладывались в папки по темам. Широта охвата и глубина погружения в общезыковедческую проблематику во всей полноте проявились в русском комментированном издании «Граматики Пор-Рояля»,

в котором Юрий Сергеевич участвовал не только в качестве переводчика вместе с Е. Д. Панфиловым и М. В. Гординой, но и как автор Введения и Комментария. О высочайшем уровне этой работы писал уже Е. Д. Панфилов в кафедральном сборнике «Из истории науки о языке» (1993 г.). За каждой строчкой этого текста горы изученной литературы.

То же можно сказать и об учебнике «Введение в языкознание». В первый раз я слушала этот курс в 1963 году. Тогда Юрий Сергеевич читал лекции, придерживаясь учебника А. А. Реформатского, но систематически отмечая те места, где его точка зрения не совпадала с авторской, а заканчивая тему, обязательно рекомендовал дополнительную литературу с указанием страниц в учебниках и монографиях, в том числе и свои работы. Должна признаться, что первый мой конспект не отличается полнотой: видимо, слушать было интереснее, чем писать. К счастью, курс языкознания на этом не заканчивался. Ежегодно Юрий Сергеевич объявлял спецкурс и семинар под общим названием «Структурно-семантический анализ грамматических категорий». В разные годы это были именные, глагольные категории, отдельно читался курс по аспектологии, теория морфемы, теория письма. Это был своего рода непрерывный курс языкознания, длившийся в течение всех лет обучения на факультете. Лекции предназначались в первую очередь для студентов разных отделений: русистов, западников, матлингвистов, но их посещали и аспиранты, и стажеры, и молодые преподаватели, сотрудники лаборатории машинного перевода, словом, все, кто понимал, какая это удача — слушать большого ученого, следить за движением мысли, происходящем здесь и сейчас.

А Юрий Сергеевич тем временем работал над своим учебником. Все эти спецкурсы и семинары, возня с неумелыми курсовыми работами, выступления на многочисленных конференциях, публикации по различным спорным проблемам языкознания, — все это было не что иное, как погружение в теорию тех вопросов, которые предстояло адаптировать для начинающих филологов. И ему блестяще это удалось. Учебник получился очень «взвешенным»: и думающий студент может его осилить, и более квалифицированному читателю он может быть полезен. Если взять библиотечный экземпляр, то бросается в глаза, что студенты, обычно выделяющие важные, по их мнению, места подчеркиванием, не пропускают практически ни строчки.

Первое издание только увидело свет, а Юрий Сергеевич уже стал читать синтаксис иначе, включал в лекции новый иллюстративный материал, практиковал перекрестные ссылки, чтобы сэкономить лекционное время и ограничиваемый издательством объем следующего существенно переработанного издания. Еще одной формой работы над текстом было обсуждение лекций. Юрий Сергеевич приветствовал присутствие на них аспирантов, стажеров, слушателей ФПК — всех, кто мог выступить в роли «мостика» между лектором и студентами, которые часто стесняются задавать вопросы. Так он проверял, усваивается ли материал на слух, какие положения следует расшифровать или проиллюстрировать примерами.

Примерам Юрий Сергеевич придавал большое значение, придирчиво выбирал яркие и запоминающиеся. Однажды он застал нас с Еленой Владимировной за рассматриванием подборки открыток «Лекарственные растения». На обороте помимо общеизвестных приводились народные названия, которые Юрию Сергеевичу очень понравились. Так в учебник в раздел о мотивировке попал ряд слов: одуванчик, пухлянка, молочник, летучка и т. д.

Юрия Сергеевича по праву называют филологом Божьей милостью. Живая речь во всех ее проявлениях вызывала у него неподдельный интерес. Будь то реплика деревенской няни маленького Сережи, входившей утром в детскую со словами: «Это у кого тут написано?», или выдержка из письма зарубежного коллеги: «Познакомился с Вашими опусами. Ваше письмо меня очень потешило», или ошибка иностранца, пользующегося собственным правилом образования видовой пары: «Вдруг раздавились аплодисменты». Любил он и лингвистические анекдоты, и детские словечки и выражения, которые мы в изобилии приносили из дома: «беззатылка» (бескозырка); «Маленьким детям лета, а большим — годы»; «Когда же я буду довышевывать?». Любой факт речи Юрий Сергеевич мог интерпретировать с точки зрения системы языка.

Такая терпимость к живой речи, однако, не распространялась на его собственную практику: его речь всегда соответствовала строгой литературной норме. Самое «рискованное», что я помню, это эвфемизм «невыразимые».

Строгих рамок Юрий Сергеевич придерживался и в отношениях с коллегами. Отчасти это создавало дистанцию в общении. С Евгением Дементиевичем или с Сахарным можно было запросто болтать обо всем. Оба были любителями баек и анекдотов, могли

поговорить и о политике. Юрий Сергеевич при мне лишь однажды коснулся политической темы — после окончания заседания кафедры призвал всех присутствующих обязательно пойти на выборы в Верховный Совет и голосовать за А. А. Собчака. Литература тоже не была темой для обсуждения. Только один раз, когда А. С. Штерн рассказывала о поездке в Москву, где занималась архивом Е. Д. Поливанова, и в этой связи мы вспомнили роман В. Каверина «Скандалист, или вечера на Васильевском острове», Юрий Сергеевич заинтересовался. Оказалось, что он не знал об этой книге и о том, что прототипом одного из героев был Поливанов. Как я была рада поделиться книгой с любимым учителем! «С моей подачи» Масловы прочли и воспоминания Натальи Ильиной о А. А. Реформатском. «Нам не удастся следить за журналами», — сокрушалась Сарра Семеновна.

Сам Юрий Сергеевич всегда охотно делился книгами из своей библиотеки, дарил отски докладов на международных конференциях, давал прочесть работы зарубежных коллег, присылавших ему свои статьи, дарил свои книги неизменно «с наилучшими пожеланиями».

О научной репутации профессора Маслова написано много, высок был и его моральный авторитет. Вспоминается один эпизод. В 1986 г. классики отмечали 90-летие Якова Марковича Боровского, замечательного ученого и удивительного человека. Эпикурейцем XX века назвал его в своей книге воспоминаний В. С. Дуров. На чествование учителя собрались классики со всей страны. В актовом зале яблоку негде было упасть. Это был вызов факультету, поскольку задолго до юбилея Яков Маркович вынужден был уйти из университета при трагических обстоятельствах. Готовясь к торжеству, организаторы спросили юбиляра, хотел бы он видеть среди гостей кого-нибудь от факультета, и тот назвал два имени: Льва Рафаиловича Зиндера и Юрия Сергеевича Маслова. С большим букетом редких по тем временам гербер Юрий Сергеевич поднялся на сцену и произнес слова, каких Якову Марковичу никогда не доводилось слышать от руководства.

Кафедра общего языкознания долго ютилась в одной небольшой комнате, где постоянно проходили занятия, поэтому Юрий Сергеевич часто предлагал пойти к нему домой, чтобы без помех обсудить статью или кафедральные дела, тем более что дорога занимала всего минут 15. Ему нравилось идти по набережной вдоль решетки

Соловьевского сада, по тихой Второй линии. С потертым черным портфелем, сгорбившись и чуть склоняясь на бок, шел медленно и ровным, немного протяжным голосом что-нибудь рассказывал — например, как приходилось добираться до прежней квартиры в Саперном переулке, или как трудно работать по вечерам, когда в баре «Сова», расположенном в первом этаже, громко играет музыка.

Перед тем как выйти с факультета, Юрий Сергеевич звонил домой, чтобы справиться, не купить ли чего-нибудь по дороге. «Сарынька», — произносил он нежным голосом, полным обожания. С порога Мария Семеновна командовала идти за стол, не принимая никаких возражений: Юрию Сергеевичу нужно соблюдать режим. На столе появлялась гречневая каша с котлетами. (Кто-то из сокурсников по аспирантуре уже на поминках вспоминал, что в этом доме было заведено кормить всех, кто бы ни пришел).

О Марии Семеновне замечательно писала Наталья Долинина, вспоминая о своем отце Г. А. Гуковском. О том, как в бытность секретарем декана она знала о факультете все: напоминала вернувшимся в университет фронтовикам, какие зачеты у них не сданы за последнюю сессию. И. И. Воронина рассказывала, как Мария Семеновна разыскивала для первых албанистов по всему университету носителей языка, чтобы обеспечить им языковую практику, заботилась о них как о своих детях. Уйдя на пенсию, она продолжала заботиться о родных. Когда Юрий Сергеевич приходил на факультет надолго, в перерыве между занятиями он доставал из портфеля баночку с какой-нибудь диетической едой, приготовленной Марией Семеновной, и в уголке за шкафом, отделявшим стол от аудитории, обедал. Убирая баночку в портфель, который при этом топорщился, смущенно оправдывался: «Мария Семеновна строго следит, чтобы все было съедено». Этот старый портфель не давал нам покоя: не к лицу почтенному профессору ходить с таким старьем. И вот на очередной день рождения задумали подарить Юрию Сергеевичу новый портфель. Купить приличную вещь в магазине просто так было невозможно, и Г. И. Эйнтрей обратилась к бывшему ученику, который работал в Гостином Дворе. Подарок был принесен в последний момент, его тут же преподнесли имениннику, и — о, ужас! — из пакета извлекается огромный ядовито-рыжего цвета баул. Мы поняли, что никогда не увидим его в руках Юрия Сергеевича.

Как Юрий Сергеевич руководил кафедрой? Очень мудро, тактично, но твердо отстаивая интересы кафедры и коллектива. Пред-

варительное распределение поручений всегда согласовывалось с каждым преподавателем. Когда возникла проблема с нагрузкой Евгения Дементиевича, уехавшего на год во Францию, кто-то предложил пригласить Кодухова. Он работал в Герценовском институте, но очень часто бывал в университете, и, видимо, ему хотелось к нам на кафедру. Юрий Сергеевич отверг этот вариант со словами: «Если курс кому-то поручить, то неудобно потом отбирать». В результате нашелся способ распределить часы между своими. Еще один кадровый вопрос осложнил отношения с отделом аспирантуры, так как Юрий Сергеевич наотрез отказался брать в штат (со ставкой!) дочь заведующей этим важным департаментом.

Помню обсуждение присланного из Киева на внешний отзыв сборника под общей редакцией какого-то именитого ученого. Юрий Сергеевич не стал поручать кому-то одному писать отзыв, а распределил статьи между всеми членами кафедры. Во всех рецензиях отмечалась легковесность, поверхностное освещение заявленных тем, научностью там и не пахло. С каждым выступлением впечатление усиливалось. Итог подвела Агния Васильевна Десницкая: «Так это же халтура!». Никогда больше не слышала такого в стенах факультета.

Еще одну роль Юрия Сергеевича нужно отметить — это руководство философским семинаром. Он не был, как думают не заставшие это время коллеги, кружком по изучению трудов классиков марксизма-ленинизма. Это был методологический семинар, где звучали и обсуждались проблемные доклады ведущих ученых факультета. 25-я аудитория обычно была полна. Именно там Юрий Сергеевич представил в виде исчисления все возможности асимметричного дуализма языкового знака, связав идею С. О. Карцевского с лингвистической типологией. К сожалению, семинар, объединявший лингвистов всех кафедр, угас после передачи руководства В. А. Михайлову, рано ушедшему из жизни.

Все ли на факультете так любили Юрия Сергеевича, как об этом принято сейчас говорить? Собирая этот сборник, я столкнулась с неожиданной реакцией на просьбу что-нибудь написать: «Мне нечего вспомнить». А как расценить молниеносно распространившийся по факультету слух, будто сын Юрия Сергеевича «уезжает». Так называли в то время эмиграцию. Было ли это правдой, не знаю. Помню только, как Юрий Сергеевич сетовал, что Сергей, блестящий математик, защитивший докторскую диссертацию, ни-

как не может получить в институте Стеклова подобающую ему должность старшего научного сотрудника. Что означал отъезд или даже намерение уехать для родственников «отъезжантов», трудно сейчас даже представить: проработка на партсобрании, отчуждение коллег... Галина Алексеевна Лилич, бывшая тогда секретарем факультетской парторганизации, так и не назвала мне фамилию человека, который принес этот слух (точнее — донес).

А вскоре Сергея не стало. Перед началом учебного года Юрий Сергеевич пришел на кафедру проверить и подписать уточненный объем и поручения. Это был другой Юрий Сергеевич — потухший взгляд, глухой голос, опущенные плечи. Язык не поворачивался произнести подобающие в таких случаях слова соболезнования. Юрий Сергеевич все понял и сам сказал с утвердительной интонацией: «Вы знаете...», подписал бумаги и ушел.

В последние годы Юрий Сергеевич заметно изменился, даже позволял себе пожаловаться на недомогание, чего раньше невозможно было представить, расспрашивал о китайском иглоукальвателе, хотя иглоукальывание было ему противопоказано. Несмотря на боли, он все же дочитал курс лекций до конца. А в августе Сарра Семеновна уже просила достать поильник. Очень кстати оказалась легкая плоская кружечка из Кисловодска, которую могла удержать слабеющая рука.

В последний раз я услышала голос Юрия Сергеевича, когда звонила на Вторую линию, чтобы уточнить текст для траурной ленты. На звонки отвечал сын Марии Семеновны, который боготворил Юрия Сергеевича с детства и усвоил не только манеру речи, но и тембр голоса. Когда в трубке прозвучало: «Я Вас слушаю», — я остолбенела, мелькнула мысль, что сообщение о смерти — ошибка, что Юрий Сергеевич от нас не ушел.

По большому счету так оно и есть. Образ Юрия Сергеевича хранится в памяти, у него можно спросить совет и получить ответ на вопрос, открыв его книги. Он с нами, пока жива память о нем.

В. М. Мокиенко

НАШЕЛ СВОЮ ФОНЕМУ

Первая моя встреча с Юрием Сергеевичем Масловым оказалась, собственно, и первой моей встречей с филфаком. Наша небольшая чешская группа в далеком 1959 году вместе с веселым потоком других первокурсников-филологов ждала, затаив дыхание, первой лекции. Ею оказалось «Введение в языкознание» Ю.С. Маслова. Профессор рассказал нам о том, что такое язык, почему им специально занимаются лингвисты, упомянул знаменитую щербовскую «глокую куздру». Мы узнали и о генеалогическом древе индоевропейских языков, о родстве славянских языков с балтийскими, о принципах определения степени языкового родства и языковых границах, поисках прародины славян и индоевропейцев.

Растолковал нам Ю.С. Маслов и значения важнейших лингвистических терминов, уделив особое внимание термину «фонема» и дискуссиям о его интерпретации между ленинградской и московской фонологическими школами.

Ясное и четкое повествование, свежесть приводимых примеров, стройная логика истинного ученого — все это побуждало нас чутко внимать каждому слову первого услышанного нами в Alma mater профессора.

После лекции мы живо делились впечатлениями и разбирали некоторые особо запомнившиеся детали. Меня, слависта, особенно привлек рассказ Юрия Сергеевича о прежних границах славянского языкового мира. Поразил меня факт, что в IX–XII веках славяне не только уже были насельниками Балканского полуострова, но и близкими соседями датчан, ибо славянские пределы доходили до острова Гельголанд, что на Северном море.

Юрий Сергеевич поведал нам о том, что на другом, соседнем острове — Рюген, в городище — столице западных славян Арконе некогда располагалось их главное капище. Оно стояло на высокой скале, вдающейся в Балтийское море, и было неприступно, ибо соединялось с материком лишь узкой скалистой полосой, надежно «запечатанной» славянами мощными земляными валами и двойными воротами. В центре этого святилища и стояло капище с идолом четырехглавого языческого бога Свентовида, который в одной руке держал меч, а в другой — рог для вина как символ изобилия. Свентовиду поклонялись все славяне и здесь, в капище Арконы, решался основной «стратегический» вопрос славянской древности: быть или не быть в будущем походе «из варяг в греки». Рюгенские жрецы выводили для такого гадания белого священного коня и он переступал через три ряда скрещенных копий. Если конь переступал их с правой ноги — это считалось добрым предзнаменованием и призыв к набегу рассылся по всему славянскому миру. Если же конь ступал левой ногой — это было недобрым знаком: «Набегу — не быть!»

Еще более, пожалуй, поразило меня то, что, по словам Юрия Сергеевича, все мифологическое повествование о славянском святилище принадлежит не летописцу-славянину, вроде киевского Нестора, но автору девяти книг «Деяний данов», датскому хронисту-летописцу Саксону Грамматику (1140 — ок. 1208), изложившему и древние скандинавские саги, и исторические события до 1185 г. И именно из его хроники почерпнул сюжет для своей трагедии о датском принце Гамлете Уильям Шекспир. Тем самым гамлетовское и славянское «Быть или не быть?» чудесным образом соединились в повествовании Юрия Сергеевича...

В нашей группе богемистов волею судеб и советского блата оказался и весьма характерный студент-«перестарок» — Анатолий Ковалевский, прошедший огонь, воду и медные трубы и успевший в свои 35 лет даже посидеть в тюрьме. Слушая наши восторженные речи о лекции первого услышанного нами университетского профессора, он с присущим ему ядреным словесным цинизмом произнес: «Фонема, морфема, теорема!... Во мужик этот Маслов! Говорить толком не научился, а поди-ка — нашел свою фонему!».

Мы, конечно, не могли не заметить небольшого изъяна в речи Ю. С. Маслова — широкого [а]. Но для нас эта особенность казалась даже некоей «изюминкой», украшавшей увлекательное науч-

ное повествование лектора. Мы гневно набросились на Анатолия, упрекая его в неумении слушать и предрекая ему провалы на экзаменах. Так и случилось — наш сокурсник за 5 лет так и не освоил чешского языка и, перебиваясь с тройки на тройку, еле закончил «славянку».

Но выражение «найти свою фонему» так и осталось в обиходе нашего курса. Если кому-то из нас что-либо удавалось, мы употребляли его, спонтанно вспоминая лекцию Юрия Сергеевича и улыбаясь этой идиоме, запечатлевшей наш все удаляющийся первый шаг во врата учености.

А я, проходя студенчество, аспирантуру и докторантуру на родном филфаке, все чаще общался с Юрием Сергеевичем Масловым — и как ученик, и как коллега-преподаватель, и как созаседатель на ученых советах. С годами я все более и более понимал, сколь многое сделано Юрием Сергеевичем для нашей лингвистики и славистики, гордился, читая ссылки на его труды у самых именитых ученых, был обогрет доброжелательным и дружеским отношением ко мне не только его самого, но и его супруги — Сарры Семеновны Лашанской-Масловой. На моей книжной полке лежит и постоянно используется драгоценный подарок Юрия Сергеевича — двухтомный «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского, врученный мне после защиты докторской диссертации...

И так уж случилось, что моя жизненная «фонема» не раз приводила меня на далекий немецкий остров Рюген — русский остров Буян. Стоя на высокой скале, вдающейся в море и всматриваясь в останки древнего славянского языческого капища, раскопанного немецкими археологами, я вспоминал свою первую студенческую лекцию и неторопливое повествование Юрия Сергеевича о четырехглавом Свентовиде и белом коне, решавшем судьбу славянских набегов на Византию. И, улыбаясь, думал, что и я нашел свою филологическую фонему...

Да что там далекий Рюген — и при каждой нашей факультетской встрече с Юрием Сергеевичем (таковы уж прихотливые зацепки нашей памяти) крылатая фраза Толи Ковалевского приходила на ум и вызывала невольную улыбку, тайного смысла которой собеседник мой, конечно же, не понимал. Не скрою: были у меня моменты-искусы, когда где-нибудь на очередном защитном банкете хотелось поведать Юрию Сергеевичу историю о рождении нового фразеологизма, *найти свою фонему*. И я уверен: он бы оце-

нил эту крылатую фразу по всему филологическому достоинству и простил бы Анатолию ее грубоватую подоплеку.

Для нас же, филологов-славистов, знавших и любивших Юрия Сергеевича и шутливо по-славянски окрестивших его «Юсом Большим» (в отличие от его однофамильца, бессменного замдекана Виктора Сергеевича Маслова — «Юса Малого»), это выражение с годами наполняется все более и более высоким смыслом. Да — Юрий Сергеевич *нашел свою Фонему* на нашем факультете, оставив добрую человеческую память и долговечное научное наследие. И пока мы живы, эта фонема будет звучать в наших сердцах, оживотворяя их неповторимой масловской голосовой и душевной мелодикой.

PLUSQUAMPERFECTUM

В 1972 г. нашу группу программированного обучения закрыли, а сотрудников распихали — кого куда. Так я оказалась на кафедре общего языкознания, в должности старшего лаборанта. Не представляя себе толком свои обязанности, я на первых порах делала по неведению много ляпов. Ю. С. никогда не делал мне выговоров или замечаний в явной форме, не говоря уж о форме резкой или о недовольном тоне. Например, он говорил: «Е. В., тут должна была быть несколько дней назад бумага из деканата, вы не помните, где она?» На самом деле я должна была эту бредовую бумагу сразу показать Ю. С., а не ждать, когда мне напомнят. Ю. С. был человеком тактичным, всегда избегал конфликтов, но если ситуация не позволяла идти на компромисс, он проявлял редкую по тем временам выдержку, и невозможно было заставить его уступить.

Однажды на кафедре обсуждалась диссертация некоего Ступникова. Не помню эту работу подробно, но идея была в том, что звуки речи имеют скрытое значение. Например, звук [g] связывался со значением «что-то острое» — на том основании, что он присутствует в словах «угол» и «иголка». Когда я по просьбе Ю. С. читала эту работу, она производила странное впечатление — как будто это писал человек, вообще не имеющий филологического образования. А между тем автор был выпускником нашего факультета. На обсуждении диссертация провалилась, и в тот же день обязательный для хранения на кафедре экземпляр пропал. Ступников потребовал, во избежание кражи его оригинальной концепции, депонировать диссертацию, кажется, в ВИНИТИ. Такое депонирование приравнивалось к публикации. Было очевидно, что пропажу организовал сам Ступников со своим другом — еще одним «гением» среди наших аспирантов. Формально за пропажу отвечала я, и у меня начались черные дни. По несколько раз в день меня вызывали в деканат

и устраивали разбирательства в присутствии Ступникова, который пользовался явной симпатией декана Балахонова и его зама Софронова. Наконец Ю. С. это надоело. Он сказал мне, чтобы я не ходила в деканат по этим вызовам, а пошел туда сам. Больше меня не вызывали. Затем пришел Ступников и сказал (помню дословно): «Ю. С., давайте мы с Вами заключим джентльменское соглашение...». Он не успел закончить фразу, как Ю. С. вскочил и резко и громко сказал: «Джентльменские соглашения заключаются с джентльменами. И Вы к этому не имеете никакого отношения».

Вспоминая историю с этой жуткой бредовой диссертацией, я иногда думаю, как могло случиться, что аспирант Ю. С. написал и довел до обсуждения такую работу. Видимо, дело в том, что Ю. С. (и, кстати, Л. Р. Зиндер точно так же) минимально вмешивался в работу аспирантов. Даже слово «вмешивался» здесь слишком сильное. Он считал, что аспиранты должны работать совершенно самостоятельно и по мере надобности приходить на консультацию к своему руководителю. А руководство должно быть самым общим — скорее, научно-моральная поддержка, но не диктат авторитета. Но уже готовую работу перед обсуждением он читал внимательно, просил, чтобы и другие сотрудники кафедры работу прочли, даже меня просил прочесть, хотя я была только лаборантом.

Такое же уважительное и внимательное отношение было и к студентам. На первом курсе мы слушали «Введение в языкознание». Лекции читал Ю. С., а семинар во втором семестре вел Л. Р. Зиндер. Оба придерживались «академической» манеры — все сухо, сдержанно, никаких попыток расшевелить, заинтересовать студентов. В целом это было довольно скучно. Оценить же глубину и высокий уровень лекций и семинаров мы были еще не в состоянии — по молодости и необразованности.

Во втором семестре начинались практические занятия по языкознанию у первокурсников. Ю. С. обычно вел такие занятия в одной из групп — наверно, чтобы «шпага не ржавела». Как-то раз я позвонила ему домой почти в 11 вечера спросить, какие словари ему понадобятся к завтрашнему занятию. Ю. С. ответил, что еще не решил, поскольку он только сейчас начинает к нему готовиться. Я была изумлена: ученый с мировым именем, педагог с таким стажем — готовится к обычному занятию с первокурсниками!

Почти все годы работы на факультете я посещала практические занятия по языкознанию в группе матлингвистов, которые тра-

диционно вел Л. Р. Только с годами я по-настоящему оценила, как много нам давал Л. Р. и как мало мы брали. То же было и с лекциями Ю. С. для первого курса, которые я тоже слушала почти каждый год. И с каждым годом они казались мне все глубже и интереснее.

Когда же, придя на кафедру, я стала сама вести семинары по языкознанию, мои занятия внешне не имели ничего общего с семинарами Л. Р. и Ю. С. Я считала, что у моих студентов не будет возможности «с годами» оценивать глубину и важность этих занятий, и видела свою задачу в том, чтобы их растормошить, заинтересовать. Я даже заставляла их сочинять задачи на разных языках друг для друга. Сама тоже сочиняла новые задачи, иногда довольно забавные. Ю. С. дважды был на моих занятиях и был очень доволен — не буду скромничать. Даже спросил, где я нашла такие интересные задачи, и был «приятно удивлен», узнав, что они мои собственные. В кафедральный журнал он написал такой лестный отзыв, что я чувствовала себя неловко.

Наводя порядок в своем архиве, я недавно обнаружила толстую тетрадь с конспектами двух курсов Ю. С.: «Современные течения в языкознании» и «Современные проблемы языкознания». Эти лекции были прочитаны в 1976 году на ФПК (Факультет повышения квалификации) и ВПК (Высшие педагогические курсы) для преподавателей языкознания. В ностальгическом порыве я перечитала записи и вспомнила аудиторию: провинциальные крашенные блондинки с взбитыми прическами и в кримпленовых костюмах — доцентки и старшие преподавательницы кафедр «русского языка и языкознания», в свое время защитившие диссертации на темы типа «Сравнения в поэтике Есенина» или «Методика преподавания чего-нибудь там в 3–4 классах средней школы». Все они были очень важные и «много о себе полагали». Помню, когда я, занимая свою неизменную должность старшего лаборанта, вела занятия в этих группах, первые два уходили на сбивание спеси. Я и тогда думала, что эти курсы — не в коня корм. Могли ли эти дамы понять и оценить, какая удача в жизни им выпала — слушать насыщенные, глубокие лекции Ю. С. ...

Ю. С. никогда не задавал вопросов личного характера. Ни о родителях, ни о муже, ни о детях. Это не было равнодушие, просто воспитанность и тактичность. Но когда моя маленькая дочка тяжело заболела и мама позвонила мне из Эстонии прямо на работу, Ю. С. сразу сказал, что я могу уехать, а в деканате он сам договорится. Ю. С. договорился, но по возвращении через 3–4 дня мне в де-

канате устроили выволочку. Велели писать объяснение и грозили выговором «за самоуправство».

Наш деканат всегда отличался удивительным хамством. Классовая вражда в чистом виде. Однажды Ю. С. должен был оформить какие-то документы для поездки за границу на конференцию (кажется, в Германию). Понадобилось срочно напечатать один лист текста. Наши деканатские тетки не унизились до того, чтобы отнести его в машбюро (в соседнюю комнату). На листе поставил свою резолюцию зам. декана Софронов, и секретарша вернула бумагу Ю. С. — для исполнения. Ю. С. зашел в машбюро, поздоровался и остановился около машинистки. Она сначала на Ю. С. вообще не обращала внимания, а потом мрачно посмотрела на него и сказала: «Отвали, кореш». Ну, он и «отвалил». И поехал к машинистке Анжелике Перикловне — университетской палочке-выручалочке.

Когда Ю. С. хотел сказать что-то с его точки зрения важное, он начинал ходить кругами по помещению кафедры — собирался с духом. Однажды, походив так с четверть часа, он остановился около моего стола и спросил, не буду ли я возражать, если он попросит меня взять на себя обязанности секретаря кафедры. Многолетним секретарем была О. И., и примерно раз в год она заводила разговор о том, как ей это тяжело. Все сотрудники ее утешали, благодарили, уговаривали остаться. Никому не хотелось брать на себя эту скучную, нудную и противную работу: составлять объем поручений и распределение нагрузки по два раза в год и потом писать отчет и сводить баланс объема и распределения. Мне, конечно, тоже не хотелось, но я не могла отказать Ю. С. На очередном заседании кафедры О. И. опять завела обычный разговор, и тут Ю. С. сказал, что, действительно, О. И. уже давно исполняет эти обязанности, надо ее пожалеть и давайте попросим Е. В. И все дружно попросили. Так я стала секретарем кафедры и ненавидела этот вид деятельности до самых глубин моей души. Особенно походы в деканат и совещания секретарей, совершенно бестолковые и бессмысленные.

Как многие люди, занимающиеся любимой наукой, Ю. С. не был театралом, не посещал филармонию, не ездил «на дачу» и, по-моему, не умел «развлекаться». К так называемой светской, тем более богемной жизни никакой склонности не имел и вообще был довольно скучным человеком за пределами своей науки — во всяком случае, без внешнего блеска. Иногда это вызывало сложности. В середине 1970-х к нам на кафедру приехал из Румынии какой-то профессор-

славист. Он прекрасно говорил по-русски, целовал дамам ручку, но больше ничем примечателен не был. Два-три месяца он работал в библиотеке, гулял по городу и, кажется, вполне был доволен жизнью. Когда же он засобирався в Румынию, полагалось пригласить его в гости. Ю.С. пригласил его и всю кафедру домой. И вот мы сидим за столом, и я чувствую, что надвигается катастрофа: все молчат, стесняются, от еды вежливо отказываются, о погоде уже говорили, о научных проблемах за эти месяцы переговорено, — жуть. И я поняла, что придется кидаться на амбразуру. Надо было срочно выяснить, что интересует этого господина, кроме работы, переключить его на любимую тему и попытаться принять участие в разговоре. И — какое счастье! — его хобби оказалась кулинария. Весь вечер он, не закрывая рта, рассказывал, как готовят голубцы в его городе в отличие от других районов Румынии, в каких пропорциях смешивают разные сорта мяса, где добавляют сметану, а где — только томаты. Мария Семеновна тоже оживилась и дала пару кулинарных советов. Сара Семеновна кулинаркой, видимо, не была, но слушала с интересом и даже что-то спросила. В общем, получился оживленный и приятный вечер. Все расслабились, стали есть и похваливать, спрашивали у Марии Семеновны, что и как приготовлено, появилась даже некоторая непринужденность.

На следующий день Ю.С. пришел на кафедру, походил кругами, остановился около моего стола и поблагодарил меня за спасенный вечер. Вид у него был несколько смущенный. Он сказал что-то вроде «Вы его так ловко разговорили, как Вам это удалось?». И под конец передал мне привет от своих дам.

В 1978 г. мы с мужем и дочерью уехали в Израиль. Для нового поколения людей, не живших в сознательном возрасте при советской власти, в факте отъезда и вообще поездки за границу нет ничего особенного, тем более опасного или трагического. Поэтому ситуация 70-х годов требует некоторых пояснений. Люди, подавшие просьбу о разрешении на выезд, становились изгоями, их полагалось считать предателями и изменниками родины. Знакомые и часто даже друзья старались с ними не общаться. Телефон замолкал — боялись звонить, поскольку была вероятность, что телефон прослушивается. Все реже забегали гости просто «на огонек». Да и сами «отъезжанты», не желая подводить своих друзей-приятелей, не навязывали им свое общество, не хотели ставить их в неловкое положение. Кроме того, на работе обычно устраивали общее со-

брание, на котором обязаны были обсудить и осудить этих изменников. Я не хотела этих обсуждений-осуждений, не хотелось доставлять дополнительные неприятности Ю.С., поэтому решила сначала уволиться с работы, а потом подавать документы на выезд. Я написала заявление об увольнении и подала Ю.С. Он очень удивился, и мне пришлось все ему рассказать. Невозможно было обманывать его и выдумывать, что я, мол, ухожу на работу в библиотеку, как потом сказала другим сотрудникам кафедры. После первой оторопи Ю.С. задумался довольно надолго. Затем произнес: «Так. Кто же у нас есть в Израиле в университетах?». Еще подумал. «Серман, Долгопольский... Я напишу им письмо». И Ю.С. действительно написал мне рекомендательное письмо. Никому из тех, кому оно предназначалось, я его не показала — не осмелилась. Тем не менее, оно мне очень помогло при устройстве на работу, так как оказалось единственным документом, подтверждающим мою работу в университете. Ведь тогда было запрещено вывозить трудовые книжки.

Рекомендательное письмо Ю.С. вручил мне в последние дни перед отъездом. Он пришел к нам домой. По тем временам это было, как теперь говорят, поступком. Ведь даже родственники часто избегали контактов с «предателями и сионистами». Потом я пошла его провожать, с Первой линии на Вторую. И мы обсуждали, о чем сожалеть лучше — о сделанном или не сделанном. Решили, что все-таки, если уж придется сожалеть, то лучше о сделанном. Тем более, что не всегда приходится о сделанном сожалеть — как повезет.

Хочу добавить эпизод, не имеющий прямого отношения к Ю.С. В Израиле я работала лингвистом в частной компании, занимающейся машинным переводом. Однажды наш хозяин, он же научный руководитель, пригласил меня поехать с ним в Тель-Авивский университет на встречу с Хомским, который читал открытую лекцию о современном состоянии структурной лингвистики. Огромный амфитеатр был битком набит. Я сидела, слушала, а внутри у меня все пело: «Юрий Сергеевич! Я вижу Хомского!».

О. И. Фонякова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МАСЛОВА

В те далекие пятидесятые годы XX века, когда я была студенткой и аспиранткой, филологический факультет ЛГУ представлял собой целое созвездие замечательных ученых-преподавателей, творческий дух и лекции которых действовали на нас почти магически, но их значимость для науки и своей профессиональной судьбы мы осознали, конечно, гораздо позже. Это были профессора с мировой известностью В. Я. Пропп и И. П. Еремин, Б. В. Томашевский и В. А. Мануйлов, Г. А. Бялый и Г. П. Макогоненко, Э. И. Коротаева и Т. А. Иванова, Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич и многие другие, но среди них совершенно особое место в моей жизни занимают Б. А. Ларин и Ю. С. Маслов, которые стали моими Учителями и наставниками на всю жизнь.

После окончания аспирантуры под руководством Б. А. Ларина я была принята в состав кафедры общего языкознания (1958), которой он заведовал в 1956—1961 гг. Штат кафедры был невелик, но постоянными сотрудниками были такие совместители, как А. В. Десницкая и В. М. Жирмунский, Н. Н. Амосова и А. А. Холодович, а также многие другие. Ю. С. Маслов был ведущим доцентом, а вскоре стал профессором и заведующим кафедрой. После демобилизации в 1946 г. Ю. С. Маслов возвратился на филологический факультет, где начал работать сразу на двух кафедрах — общего языкознания и славянской филологии. На обеих он читал много ответственных лекционных курсов — «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Теория морфемы», «Пражская школа функциональной лингвистики», цикл лекций по болгаристике. Одновременно с этим Юрий Серге-

евич сотрудничал с Институтом языкознания в Ленинграде и Институтом славяноведения и балканистики в Москве, где в 1957 г. он защитил с блеском свою докторскую диссертацию «Глагольный вид в современном болгарском языке».

Ю. С. Маслов был не только превосходным ученым, но и превосходным педагогом. Его лекции, очень глубокие по содержанию и доступные по форме изложения, посещали не только студенты, но и аспиранты, преподаватели и стажеры из разных вузов. Вспоминается, как однажды я оказалась на его лекции вместе с проф. Л. П. Ступиным (тема лекции была: «Язык и речь в трактовке разных лингвистических школ»). Когда лекция кончилась, я увидела сияющее лицо Леонида Павловича, который только и сказал мне: «Вот это да!...»

Внимание Юрия Сергеевича к педагогическому процессу было поразительным. Например, когда он уезжал в зарубежные командировки, то оставлял подробнейший план своих лекций с примерами тому, кто его заменял. Большое внимание он уделял методике проведения практических занятий по курсу «Введение в языкознание», которые мы выполняли совместно с членами кафедры фонетики. Он разбирал с нами разные способы решения задач на неизвестных языках, уточнял правила транскрипции, методику морфемного и словообразовательного анализа и т. д. Так же скрупулезно работал он и со своими учениками по курсовым, дипломным и диссертационным работам.

Одна из бывших его аспиранток конца 1970-х гг. Раиса Нигматжановна Ахметжанова (ныне доцент кафедры филологии Башкирского государственного педуниверситета в Уфе) в своих воспоминаниях пишет: «Годы обучения в аспирантуре, общения с Ю. С. Масловым, удивительно светлым, добрым и мудрым человеком, известнейшим языковедом, основателем ленинградской аспектологической школы — самое яркое впечатление моей жизни.

Мы, аспиранты, воспитывались на кафедре в атмосфере высокой научной требовательности, истинной интеллигентности и доброжелательности. Широта научных взглядов, необыкновенная эрудиция, демократизм в отношениях, поощрение самостоятельности в научных изысканиях, оценках и суждениях, — все это отличало всех членов кафедры, и в первую очередь — Ю. С. Маслова. Во время консультаций с ним и в общении с преподавателями кафедры мы проходили серьезную школу лингвистического анализа

и получали незабываемые уроки деликатного отношения к коллегам. <...> Всем, что я достигла в своей профессии, я обязана счастливой возможности обучения в аспирантуре на кафедре общего языкознания под руководством незабвенного Ю. С. Маслова».

У Юрия Сергеевича был свой особый стиль в руководстве кафедрой и в отношениях с коллегами, который отражал сущностные, глубинные черты его характера и воспитания и который был свойственен ему во всем остальном. Он был истинный Интеллигент с большой буквы, и это проявлялось в высоте его нравственной позиции, в чувстве долга и ответственности в больших и малых делах. Например, он звонил мне еженедельно по делам кафедры, когда я была секретарем (1962–1976), давая поручения разного характера, сам писал научные отчеты о работе кафедры.

Высота нравственно-этической позиции, человеческая и научная принципиальность были присущи ему в любых ситуациях. Например, Юрий Сергеевич вдруг перестал подавать руку одному из профессоров другой кафедры, когда узнал о его некорректном, низком поведении по отношению к своему ученику. К таким людям он сразу терял уважение и прекращал общение с ними.

За пределами кафедры и факультета у Ю. С. были широкие научные связи, поэтому научная жизнь кафедры была многообразной: мы постоянно обсуждали диссертации из разных мест, монографии и учебники по языкознанию, писали отзывы к защитам и к изданию этих работ. Юрий Сергеевич читал лекции по общему языкознанию и аспектологии не только в нашем университете, но и за его пределами, регулярно участвовал в Международных конгрессах славистов и лингвистов в разных городах мира, неоднократно выезжал в Болгарию, где его работы особенно ценили и ценят до сих пор. Его спецкурсы и доклады на конференциях собирали всегда большую аудиторию слушателей всех рангов, потому что в них неизменно присутствовал новаторский дух, глубина и четкость построения концепции, высокий научный авторитет и обаяние личности ученого.

Юрию Сергеевичу был присущ дар предвидения. Однажды, когда покойный Л. В. Сахарный только начинал читать на кафедре свой спецкурс по психолингвистике в конце 1970-х годов, он сказал: «Я не удивлюсь, если через 10–15 лет такой курс войдет у нас на кафедре в число обязательных дисциплин». Так и случилось позднее.

Я позволила себе наметить лишь отдельные штрихи к портрету дорогого Учителя. Я благодарна судьбе за такой щедрый подарок: работать и общаться почти ежедневно с двумя выдающимися учеными в течение долгих лет. Спасибо вам, дорогие учителя!¹

¹ В Библиографии материалов о Ю.С.Маслове, опубликованных в книге: *Маслов Ю.С. Избранные труды: аспектология и общее языкознание*. Сер.: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 835–836, есть статьи к юбилейным датам, написанные и с моим участием: 1) *Бондарко А.В., Дмитриев П.А., Фонакова О.И.* Ю.С.Маслов (к 60-летию со дня рождения) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. 1974. № 6; 2) *Фонакова О.И., Мразек Р.* К семидесятилетию проф. Ю.С.Маслова // *Slavica Slovaca*. 1985. Roč. 20. Čís. 3.

ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

Студенты-слависты 1960-х годов познакомились с Юрием Сергеевичем Масловым на первом курсе — на его лекциях по введению в языкознание. Блестящая форма изложения, мягкий спокойный тон, доброжелательность очень располагали студентов, вызывали неизменные симпатии. Нам, начинающим болгаристам, было лестно, когда Ю. С. Маслов во время лекций, приводя примеры из области болгарской грамматики, апеллировал к нашим знаниям по болгарскому языку. Книга «Очерк болгарской грамматики» была в те годы нашей настольной книгой.

Ю. С. Маслов руководил написанием курсовых и дипломных работ на кафедре славянской филологии, и я один из тех славистов, кто входил в лингвистическую науку под руководством Юрия Сергеевича, — с третьего курса он был моим научным руководителем. Мы с большим уважением относились к нашему профессору, знали, автором каких значительных исследований он был, а кроме того, слышали, какую важную миссию он выполнял во время войны, служил в Политуправлении Советской Армии, получил орден Красной Звезды. Профессор Г. А. Лилич вспоминает, как в послевоенные годы Юрий Сергеевич приходил на факультет в форме, привлекая внимание студенток своей выправкой. Юрий Сергеевич сохранился и в нашей памяти всегда подтянутый, аккуратный, неизменно пунктуальный. Общаясь с нами, студентами, Юрий Сергеевич не рассказывал о войне, но вспоминал, как в военные годы в Болгарии впервые услышал болгарскую речь; его филологический слух зафиксировал особенности, о которых позже были написаны серьезные научные труды.

Научная деятельность Ю. С. Маслова, основоположника аспектологической школы, автора нескольких монографий, целого ря-

да важных исследований по болгарскому языку, — яркое явление в славистике и болгаристике. В Болгарии Ю.С.Маслова очень высоко ценили, он был награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени, Юрий Сергеевич был единственным ленинградским болгаристом, кого знали все болгарские филологи. Известны высказывания болгарских ученых о Ю.С.Маслове как о «величайшем из болгаристов», а о его грамматике болгарского языка как о «лучшей болгарской грамматике, написанной неболгарином». В 1970-е годы, когда я уже преподавала болгарский язык и ездила со студентами по безвалютному обмену в Болгарию, там меня называли даже при официальном представлении «ассистенткой профессора Ю.С.Маслова» — т.е. и «Ленинградский университет» и «кафедра славянской филологии» опускались и заменялись более емким и значительным для болгар «профессор Ю.С.Маслов».

Тема по македонскому языку для моей кандидатской диссертации была предложена Юрием Сергеевичем. Под его руководством в 1964 г. уже была защищена кандидатская диссертация с македонистической тематикой выпускником кафедры славянской филологии Г.А.Цыхуном (сейчас профессор Белорусского госуниверситета) — «Синтаксис местоименных клитик в болгарском и македонском литературных языках». Затем в течение нескольких лет в нашем университете не обращались к исследованию македонского языка. В 1976 г. на филологический факультет был приглашен профессор Скопского университета Божидар Видоеский, который прочитал лекцию «Инновационные явления в македонском языке». В беседе после лекции обсуждался в частности и вопрос о распространении в македонских говорах глагольных форм для пересказывания чужих слов. Тогда же Юрий Сергеевич предложил мне обратиться к проблеме употребления глагольных форм с пересказывательной модальностью в македонском языке. Тема оказалась очень интересной — морфологическую выраженность имеет только форма будущего времени, но форм, выражающих пересказывание, много. Позже Юрий Сергеевич предложил для этих форм македонского языка термин «аудитив». Диссертация «Аудитив в современном литературном македонском языке» была защищена мной под руководством Ю.С.Маслова в 1980 г.

В аспирантские годы мне посчастливилось прослушать спецкурс по истории лингвистических учений, который Ю.С.Маслов читал для студентов 5 курса. В 1980-е годы он руководил на фило-

логическом факультете проведением философских семинаров, темы выбирались интересные, важные, касались философии филологической науки.

Мне бы хотелось вспомнить дружную, крепкую семью Юрия Сергеевича. Мы все знали, как трепетно он относился к супруге, хранил семейный очаг. Каждый год 5 мая, когда я приходила поздравить Юрия Сергеевича с Днем рождения, меня очень приветливо встречали Сарра Семеновна и Мария Семеновна. Юрию Сергеевичу я обычно передавала поздравления от болгарских и македонских коллег. Мария Семеновна, много лет работавшая на филологическом факультете диспетчером, обладала феноменальной памятью, помнила, казалось, всех студентов по имени и в лицо. Зная, что я занимаюсь студенческими делами в деканате, очень живо интересовалась факультетской жизнью, рассказывала, каким когда-то был факультет и студенты. Пятнадцать–двадцать минут общения в кругу семьи Юрия Сергеевича оставляли в душе очень теплые чувства.

В начале 1990 г. Юрий Сергеевич попросил меня прочитать одну главу кандидатской диссертации его аспирантки из Болгарии Теофаны Гайдаровой, потом попросил встретиться с Теофаной и передать ей мои замечания. Смысл этой просьбы я поняла позже. Юрий Сергеевич беспокоился, что не успеет довести диссертацию до защиты. В октябре 1990 г. состоялось обсуждение кандидатской диссертации Т. Гайдаровой, в конце декабря она защитилась.

Мы, ученики Юрия Сергеевича, ценим его не только как талантливую ученого, внесшего крупный вклад в мировую науку, но и как деликатного, доброжелательного, в то же время твердого и принципиального человека. Юрий Сергеевич остается в нашей памяти воплощением образа настоящего университетского профессора.

Н. А. Штейнберг

О ЮРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ МАСЛОВЕ

Поводом моего личного знакомства с Юрием Сергеевичем послужил нетривиальный эпизод. Было это в 1970-е годы. Мне дали на отзыв конкурсную студенческую работу Ларисы Беляковой под девизом «Прошлогодний снег». (Как она сама мне потом объяснила, работа — естественно, касающаяся вида — была сделана довольно давно). Выводы ее были интересны, но где-то в середине было утверждение, содержавшее грубую ошибку (уж не помню, какую именно).

Встретив на каком-то заседании Юрия Сергеевича (он был руководителем Ларисы), я подошла к нему и изложила свое мнение о работе. «Грубая ошибка?» — спросил строгим голосом Юрий Сергеевич. Отступить было некуда, и, не без внутренней дрожи, я сказала: «Да, грубая». Юрий Сергеевич взял работу и через несколько дней, встретив меня, сказал: «Да, Вы правы, надо исправить».

Так началось наше знакомство. Я посещала аспирантские семинары Юрия Сергеевича, наслаждаясь его умением просто так, по ходу дела высказывать идеи, меняющие весь ход обсуждаемого исследования, его остроумием и иронией (тонкой и потому не обижаящей). Это все происходило на филфаке, на семинарах, конференциях, защитах (Юрий Сергеевич приглашал меня оппонировать), где я часто его встречала и разговаривала с ним.

Когда у меня возникли трудности с моей диссертацией — я не могла найти нужное обозначение для отмеченной закономерности, — я обратилась к Юрию Сергеевичу, и он тут же предложил термин, который подходил как нельзя лучше. Моя тема — становление видо-временной системы английского языка — была тесно связана с общей теорией вида.

Был и другой запомнившийся мне случай. Друзья дали нам напечатанную на машинке книгу Льва Копелева «Хранить вечно» (это было в 1978 г.). В начале книги Копелев рассказывает о причине своего ареста. Дело было в Германии, где он служил в армии. Копелев подал по начальству рапорт, в котором осуждал поведение солдат-победителей, грабящих местное население и насилующих немок. Он считал, что это несовместимо с победой над фашизмом и заслуживает сурового наказания. Начальство думало иначе. Копелева сурово осудили за это письмо либо на военном совете, либо в политотделе (увы, не помню точно). Потом он был арестован и отбывал срок — одно время вместе с Александром Солженицыным.

Меня поразило, что осуждение не было единогласным — один человек выступил против. Поскольку его имя — Ю.С. Маслов было приведено в траурной рамке, я не была уверена в том, наш ли это Юрий Сергеевич.

В том же 1978 году день филфака был отмечен спектаклем в театре им. В.Ф. Комиссаржевской. Мне очень хотелось узнать, кто все же выступил в защиту Копелева, когда это было столь опасно. В конце концов я решилась подойти в фойе к Юрию Сергеевичу и сказала, что видела его имя в одной книге, но довольно странно выделенное. «В траурной рамке?» — спросил Юрий Сергеевич.

Я всегда была большой его поклонницей, он был очень обаятельным человеком, но с этого момента моему восхищению уже не было предела.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. А. Вербицкая. Наш Юрий Сергеевич.....</i>	3
В продолжение традиции	
<i>А. В. Бондарко. Аспектологическая концепция Ю. С. Маслова.....</i>	7
<i>А. А. Горбов, Е. В. Горбова. Об аспектологической концепции Ю. С. Маслова..</i>	28
<i>Ф. А. Елоева. Литературная норма и память (на примере современной греческой языковой ситуации)</i>	77
<i>Л. Р. Зиндер. Ю. С. Маслов — общий языковед (несколько слов об ученике)...</i>	93
<i>В. Б. Касевич, Е. В. Ягунова. Симметричность и асимметричность в языке и тексте.....</i>	98
<i>П. А. Клубков. О некоторых ходячих историко-лингвистических заблуждениях.....</i>	119
<i>Т. В. Клубкова, П. А. Клубков. Забытая книга.....</i>	121
<i>Е. Д. Панфилов. О работе Ю. С. Маслова над русским комментированным изданием «Грамматики Пор-Рояля».....</i>	141
<i>К. А. Рогова. Видо-временная структура художественного повествования в исследованиях Ю. С. Маслова.....</i>	147
<i>М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола.....</i>	153
Об учителе и коллеге	
<i>В. П. Берков. О семье Масловых.....</i>	204
<i>А. С. Герд. Всегда с благожеланием.....</i>	212
<i>Е. И. Грехова. Светлая память</i>	216
<i>В. М. Мокиенко. Нашел свою фонему</i>	225
<i>Е. В. Токарская. Plusquamperfectum.....</i>	229
<i>О. И. Фоякова. Штрихи к портрету Юрия Сергеевича Маслова.....</i>	235
<i>З. К. Шанова. Память об Учителе.....</i>	239
<i>Н. А. Штейнберг. О Юрии Сергеевиче Маслове.....</i>	242

Учебное издание

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова

Под редакцией *Е. И. Греховой*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*

Подписано в печать 05.09.2013. Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,18. Тираж 180 экз. Заказ № 156

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс (812)328-44-22 E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург; Средний пр., 41.